

Дюма Александр

Три мушкетера

Перевод с французского
Веры Вальдман, Деборы Лившиц, Ксении Ксаниной

ФТМ

Три мушкетера

Александр Дюма

Три мушкетера

«ФТМ»

1844

Дюма А.

Три мушкетера / А. Дюма — «ФТМ», 1844 — (Три мушкетера)

ISBN 978-5-4467-0650-1

Известнейший историко-приключенческий роман из эпохи Людовика XIII знаменитого французского писателя-классика Александра Дюма-отца входит в золотой фонд мировой литературы. Четверо неразлучных друзей – д'Артаньян, Атос, Портос и Арамис, погружённые во все дворцовые тайны и интриги сильных мира сего, под девизом «Один за всех и все за одного» всегда выходят победителями, спасая честь королевы Анны Австрийской и противостоя многочисленным козням кардинала Ришелье.

ISBN 978-5-4467-0650-1

© Дюма А., 1844

© ФТМ, 1844

Содержание

Предисловие автора,	5
Часть первая	7
I. Три дара г-на д'Артаньяна-отца	8
II. Приемная г-на де Тревиля	17
III. Аудиенция	24
IV. Плечо Атоса, перевязь Портоса и платок Арамиса	31
V. Королевские мушкетеры и гвардейцы г-на кардинала	36
VI. Его величество король Людовик XIII	43
VII. Мушкетеры у себя дома	54
VIII. Придворная интрига	60
IX. Характер д'Артаньяна вырисовывается	66
X. Мышеловка в семнадцатом веке	71
XI. Интрига завязывается	77
XII. Джордж Вилльерс, герцог Бекингэмский	88
XIII. Господин Бонасье	93
XIV. Незнакомец из Менга	99
XV. Военные и судейские	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Александр Дюма Три мушкетера

Предисловие автора, где устанавливается, что в героях повести, которую мы будем иметь честь рассказать нашим читателям, нет ничего мифологического, хотя имена их и оканчиваются на «ос» и «ис»

Примерно год тому назад, занимаясь в королевской библиотеке разысканиями для моей истории Людовика XIV¹, я случайно попал на «Воспоминания г-на д'Артаньяна», напечатанные – как большинство сочинений того времени, когда авторы, стремившиеся говорить правду, не хотели отправиться затем на более или менее длительный срок в Бастилию², – в Амстердаме, у Пьера Ружа. Заглавие соблазнило меня: я унес эти мемуары домой, разумеется с позволения хранителя библиотеки, и жадно на них набросился.

Я не собираюсь подробно разбирать здесь это любопытное сочинение, а только посоветую ознакомиться с ним тем моим читателям, которые умеют ценить картины прошлого. Они найдут в этих мемуарах портреты, набросанные рукой мастера, и, хотя эти беглые зарисовки в большинстве случаев сделаны на дверях казармы и на стенах кабака, читатели тем не менее узнают в них изображения Людовика XIII³, Анны Австрийской⁴, Ришелье⁵, Мазарини и многих придворных того времени, изображения столь же верные, как в истории г-на Анкетилья⁶.

Но, как известно, прихотливый ум писателя иной раз волнует то, чего не замечают широкие круги читателей. Восхищаясь, как, без сомнения, будут восхищаться и другие, уже отмеченными здесь достоинствами мемуаров, мы были, однако, больше всего поражены одним обстоятельством, на которое никто до нас, наверное, не обратил ни малейшего внимания.

Д'Артаньян рассказывает, что, когда он впервые явился к капитану королевских мушкетеров г-ну де Тревилю, он встретил в его приемной трех молодых людей, служивших в том прославленном полку, куда сам он добивался чести быть зачисленным, и что их звали Атос, Портос и Арамис.

Признаемся, чуждые нашему слуху имена поразили нас, и нам сразу пришло на ум, что это всего лишь псевдонимы, под которыми д'Артаньян скрыл имена, быть может знаменитые, если только носители этих прозвищ не выбрали их сами в тот день, когда из прихоти, с досады или же по бедности они надели простой мушкетерский плащ.

С тех пор мы не знали покоя, стараясь отыскать в сочинениях того времени хоть какой-нибудь след этих необыкновенных имен, возбудивших в нас живейшее любопытство.

¹ **Людовик XIV (1638–1715)** – французский король с 1643 г. (Легенда приписывает Людовику XIV изречение: «Государство – это я»).

² **Бастилия** – укрепленный замок, служивший тюрьмой для политических заключенных.

³ **Людовик XIII (1601–1643)** – сын Генриха IV и Марии Медичи, французский король с 1610 по 1643 год; находился целиком под влиянием своего первого министра кардинала Ришелье.

⁴ **Анна Австрийская** – французская королева, жена Людовика XIII, дочь испанского короля Филиппа III и Маргариты Австрийской.

⁵ **Ришелье (1585–1642)** – Арман-Жан дю Плесси, кардинал, видный политический деятель; с 1624 по 1642 год – первый министр Людовика XXII.

⁶ **Аббат Анкетиль (1723–1806)** – автор многотомной истории Франции.

Один только перечень книг, прочитанных нами с этой целью, составил бы целую главу, что, пожалуй, было бы очень поучительно, но вряд ли занимательно для наших читателей. Поэтому мы только скажем им, что в ту минуту, когда, упав духом от столь длительных и бесплодных усилий, мы уже решили бросить наши изыскания, мы нашли наконец, руководствуясь советами нашего знаменитого и ученого друга Полена Париса, рукопись in-folio, помеченную № 4772 или 4773, не помним точно, и озаглавленную: «Воспоминания графа де Ла Фер о некоторых событиях, происшедших во Франции к концу царствования короля Людовика XIII и в начале царствования короля Людовика XIV».

Можно представить себе, как велика была наша радость, когда, перелистывая эту рукопись, нашу последнюю надежду, мы обнаружили на двадцатой странице имя Атоса, на двадцать седьмой – имя Портоса, а на тридцать первой – имя Арамиса.

Находка совершенно неизвестной рукописи в такую эпоху, когда историческая наука достигла столь высокой степени развития, показалась нам чудом. Мы поспешили испросить разрешение напечатать ее, чтобы явиться когда-нибудь с чужим багажом в Академию Надписей и Изящной Словесности, если нам не удастся – что весьма вероятно – быть принятыми во Французскую Академию со своим собственным.

Такое разрешение, считаем своим долгом сказать это, было нам любезно дано, что мы и отмечаем здесь, дабы гласно уличить во лжи недоброжелателей, утверждающих, будто правительство, при котором мы живем, не очень-то расположено к литераторам.

Мы предлагаем сейчас вниманию наших читателей первую часть этой драгоценной рукописи, восстановив подобающее ей заглавие, и обязуемся, если эта первая часть будет иметь тот успех, которого она заслуживает и в котором мы не сомневаемся, немедленно опубликовать и вторую.

А пока что, так как восприемник является вторым отцом, мы приглашаем читателя видеть в нас, а не в графе де Ла Фер источник своего удовольствия или скуки.

Установив это, мы переходим к нашему повествованию.

Часть первая

Перевод В. С. Вальдман (гл. I–XXI) и Д. Г. Лившиц (гл. XXII–XXX)

I. Три дара г-на д'Артаньяна-отца

В первый понедельник апреля 1625 года все население городка Менга, где некогда родился автор «Романа о розе»,⁷ было объято таким волнением, словно гугеноты⁸ собирались превратить его во вторую Ла-Рошель.⁹ Некоторые из горожан при виде женщин, бегущих в сторону Главной улицы, и слыша крики детей, доносившиеся с порога домов, торопливо надевали доспехи, вооружались кто мушкетом, кто бердышом, чтобы придать себе более мужественный вид, и устремлялись к гостинице «Вольный Мельник», перед которой собиралась густая и шумная толпа любопытных, увеличивавшаяся с каждой минутой.

В те времена такие волнения были явлением обычным, и редкий день тот или иной город не мог занести в свои летописи подобное событие. Знатные господа сражались друг с другом; король воевал с кардиналом; испанцы вели войну с королем. Но, кроме этой борьбы – то глухой, то явной, то тайной, то открытой, – были еще и нищие, и гугеноты, бродяги и слуги, воевавшие со всеми. Горожане вооружались против воров, против бродяг, против слуг, нередко – против владетельных вельмож, время от времени – против короля, но против кардинала или испанцев – никогда. Именно в силу этой закоренелой привычки в вышеупомянутый первый понедельник апреля 1625 года горожане, услышав шум и не узрев ни желто-красных значков, ни ливрей слуг герцога Ришелье, устремились к гостинице «Вольный Мельник».

И только там для всех стала ясна причина суматохи.

Молодой человек... Постараемся набросать его портрет: представьте себе Дон-Кихота в восемнадцать лет, Дон-Кихота без доспехов, без лат и набедренников, в шерстяной куртке, синий цвет которой приобрел оттенок, средний между рыжим и небесно-голубым. Продолговатое смуглое лицо; выдающиеся скулы – признак хитрости; челюстные мышцы чрезмерно развитые – неотъемлемый признак, по которому можно сразу определить гасконца,¹⁰ даже если на нем нет берета, – а молодой человек был в берете, украшенном подобием пера; взгляд открытый и умный; нос крючковатый, но тонко очерченный; рост слишком высокий для юноши и недостаточный для зрелого мужчины. Неопытный человек мог бы принять его за пустившегося в путь фермерского сына, если бы не длинная шпага на кожаной портупее, бившаяся о ноги своего владельца, когда он шел пешком, и ерошившая гриву его коня, когда он ехал верхом.

Ибо у нашего молодого человека был конь, и даже столь замечательный, что он и впрямь был всеми замечен. Это был беарнский¹¹ мерин лет двенадцати, а то и четырнадцати от роду, желтовато-рыжей масти, с облезлым хвостом и опухшими бабками. Конь этот, хоть и трусил, опустив морду ниже колен, что освобождало всадника от необходимости натягивать мундштук, все же способен был покрыть за день расстояние в восемь лье. Эти качества коня были, к несчастью, настолько заслонены его нескладным видом и странной окраской, что в те годы, когда все знали толк в лошадях, появление вышеупомянутого беарнского мерина в Менге, куда он вступил с четверть часа назад через ворота Божанси, произвело столь неблагоприятное впечатление, что набросило тень и на самого всадника.

⁷ «Роман о розе» – знаменитая средневековая поэма (XIII век). Поэма начата Гильомом де Лоррисом, вторая часть создана Жаном Клопинелем (Менгским).

⁸ Гугеноты – сторонники кальвинистской (протестантской) религии во Франции. Во второй половине XVI – начале XVII века гугенотами были главным образом дворяне и часть феодальной знати, недовольные политикой централизации, которую проводила королевская власть.

⁹ Ла-Рошель – крепость и город на берегу Атлантического океана, оплот гугенотов, взятый после упорной осады кардиналом Ришелье в 1628 году.

¹⁰ Гасконь – область (провинция) на юге Франции. Гасконские дворяне обычно служили в гвардии короля.

¹¹ Беарн – область (провинция) на юге Франции у подножия Пиренеев.

Сознание этого тем острее задевало молодого д'Артаньяна (так звали этого нового Дон-Кихота, восседавшего на новом Росинанте), что он не пытался скрыть от себя, насколько он – каким бы хорошим наездником он ни был – должен выглядеть смешным на подобном коне. Недаром он оказался не в силах подавить тяжелый вздох, принимая этот дар от д'Артаньяна-отца. Он знал, что цена такому коню самое большее двадцать ливров. Зато нельзя отрицать, что бесценны были слова, сопутствовавшие этому дару.

«Сын мой! – произнес гасконский дворянин с тем чистейшим беарнским акцентом, от которого Генрих IV¹² не мог отвыкнуть до конца своих дней. – Сын мой, конь этот увидел свет в доме вашего отца лет тринадцать назад и все эти годы служил нам верой и правдой, что должно расположить вас к нему. Не продавайте его ни при каких обстоятельствах, дайте ему в почете и покое умереть от старости. И, если вам придется пуститься на нем в поход, шадите его, как шадил бы старого слугу. При дворе, – продолжал д'Артаньян-отец, – в том случае, если вы будете там приняты, на что, впрочем, вам дает право древность вашего рода, поддерживайте ради себя самого и ваших близких честь вашего дворянского имени, которое в течение более пятисот лет с достоинством носили ваши предки. Под словом „близкие“ я подразумеваю ваших родных и друзей. Не покоряйтесь никому, за исключением короля и кардинала. Только мужеством – слышите ли вы, единственно мужеством! – дворянин в наши дни может пробить себе путь. Кто дрогнет хоть на мгновение, возможно, упустит случай, который именно в это мгновение ему представляла фортуна. Вы молоды и обязаны быть храбрым по двум причинам: во-первых, вы гасконец и, кроме того, вы мой сын. Не опасайтесь случайностей и ищите приключений. Я дал вам возможность научиться владеть шпагой. У вас железные икры и стальная хватка. Вступайте в бой по любому поводу, деритесь на дуэли, тем более что дуэли воспрещены и, следовательно, нужно быть мужественным вдвойне, чтобы драться. Я могу, сын мой, дать вам с собою всего пятнадцать экю, коня и те советы, которые вы только что выслушали. Ваша матушка добавит к этому рецепт некоего бальзама, полученный ею от цыганки; этот бальзам обладает чудодейственной силой и излечивает любые раны, кроме сердечных. Воспользуйтесь всем этим и живите счастливо и долго... Мне остается прибавить еще только одно, а именно: указать вам пример – не себя, ибо я никогда не бывал при дворе и участвовал добровольцем только в войнах за веру. Я имею в виду господина де Тревиля, который был некогда моим соседом. В детстве он имел честь играть с нашим королем Людовиком Тринадцатым – да хранит его Господь! Случалось, что игры их переходили в драку, и в этих драках перевес оказывался не всегда на стороне короля. Тумаки, полученные им, внушили королю большое уважение и дружеские чувства к господину де Тревилю. Позднее, во время первой своей поездки в Париж, господин де Тревиль дрался с другими лицами пять раз, после смерти покойного короля и до совершеннолетия молодого, не считая войн и походов, – семь раз, а со дня этого совершеннолетия и до наших дней – раз сто! И недаром, невзирая на эдикты, приказы и постановления, он сейчас капитан мушкетеров¹³, то есть цезарского легиона, который высоко ценит король и которого побаивается кардинал. А он мало чего боится, как всем известно. Кроме того, господин де Тревиль получает десять тысяч экю в год. И, следовательно, он весьма большой вельможа. Начал он так же, как вы. Явитесь к нему с этим письмом, следуйте его примеру и действуйте так же, как он».

После этих слов г-н д'Артаньян-отец вручил сыну свою собственную шпагу, нежно облобызал его в обе щеки и благословил.

При выходе из комнаты отца юноша увидел свою мать, ожидавшую его с рецептом пресловутого бальзама, применять который, судя по приведенным выше отцовским советам, ему

¹² **Генрих IV Бурбон (1553–1610)** – французский король с 1583 по 1610 год, родился в Беарне. До вступления на престол был вождем гугенотов. Впоследствии из политических соображений перешел в католицизм. В 1598 году издал Нантский эдикт (указ), по которому гугенотам была предоставлена свобода вероисповедания и некоторые политические права.

¹³ **Мушкетеры** – один из привилегированных отрядов французской гвардии.

предстояло часто. Прощание здесь длилось дольше и было нежнее, чем с отцом, не потому, чтобы отец не любил своего сына, который был единственным его детищем, но потому, что г-н д'Артаньян был мужчина и счел бы недостойным мужчины дать волю своему чувству, тогда как г-жа д'Артаньян была женщина и мать. Она горько плакала, и нужно признать, к чести г-на д'Артаньяна-младшего, что, как ни старался он сохранить выдержку, достойную будущего мушкетера, чувства взяли верх, и он пролил много слез, которые – и то с большим трудом – ему удалось скрыть лишь наполовину.

В тот же день юноша пустился в путь со всеми тремя отцовскими дарами, состоявшими, как мы уже говорили, из пятнадцати экю, коня и письма г-ну де Тревилю. Советы, понятно, не в счет.

Снабженный таким напутствием, д'Артаньян как телесно, так и духовно точь-в-точь походил на героя Сервантеса, с которым мы его столь удачно сравнили, когда долг рассказчика заставил нас набросать его портрет. Дон-Кихоту ветряные мельницы представлялись великанами, а стадо овец – целой армией. Д'Артаньян каждую улыбку воспринимал как оскорбление, а каждый взгляд – как вызов. Поэтому он от Тарба до Менга не разжимал кулака и не менее десяти раз на день хватался за эфес своей шпаги. Все же его кулак не раздробил никому челюсти, а шпага не покидала своих ножен. Правда, вид злополучной клячи не раз вызывал улыбку на лицах прохожих, но, так как о ребра коня билась внушительного размера шпага, а выше поблескивали глаза, горевшие не столько гордостью, сколько гневом, прохожие подавляли смех. А если уж веселость брала верх над осторожностью, старались улыбаться одной половиной лица, словно древние маски. Так д'Артаньян, сохраняя величественность осанки и весь запас запальчивости, добрался до злополучного города Менга.

Но там, у самых ворот «Вольного Мельника», сходя с лошади без помощи хозяина, слуги или конюха, которые придержали бы стремя приезжего, д'Артаньян в раскрытом окне первого этажа заметил дворянина высокого роста и важного вида. Дворянин этот, с лицом надменным и неприветливым, что-то говорил двум спутникам, которые, казалось, почтительно слушали его.

Д'Артаньян, по обыкновению, сразу же предположил, что речь идет о нем, и напряг слух. На этот раз он не ошибся или ошибся только отчасти: речь шла не о нем, а о его лошади. Незнакомец, по-видимому, перечислял все ее достоинства, а так как слушатели, как я уже упоминал, относились к нему весьма почтительно, то разражались хохотом при каждом его слове. Принимая во внимание, что даже легкой улыбки было достаточно, для того чтобы вывести из себя нашего героя, нетрудно себе представить, какое действие возымели на него столь бурные проявления веселости.

Д'Артаньян прежде всего пожелал рассмотреть физиономию наглеца, позволившего себе издеваться над ним. Он вперил гордый взгляд в незнакомца и увидел человека лет сорока, с черными пронизательными глазами, с бледным лицом, с крупным носом и черными, весьма тщательно подстриженными усами. Он был в камзоле и штанах фиолетового цвета со шнурами того же цвета, без всякой отделки, кроме обычных прорезей, сквозь которые виднелась сорочка. И штаны и камзол, хотя и новые, были сильно измяты, как дорожное платье, долгое время пролежавшее в сундуке. Д'Артаньян все это уловил с быстротой тончайшего наблюдателя, а возможно, подчиняясь инстинкту, подсказывавшему, что этот человек сыграет значительную роль в его жизни.

Итак, в то самое мгновение, когда д'Артаньян остановил свой взгляд на человеке в фиолетовом камзоле, тот отпустил по адресу беарнского конька одно из своих самых изощренных и глубокомысленных замечаний. Слушатели его разразились смехом, и по лицу говорившего скользнуло, явно вопреки обыкновению, бледное подобие улыбки. На этот раз не могло быть сомнений: д'Артаньяну было нанесено настоящее оскорбление.

Преисполненный этого сознания, он глубже надвинул на глаза берет и, стараясь подражать придворным манерам, которые подметил в Гаскони у знатных путешественников, шаг-

нул вперед, схватившись одной рукой за эфес шпаги и подбоченясь другой. К несчастью, гнев с каждым мгновением ослеплял его все больше, и он в конце концов вместо гордых и высокомерных фраз, в которые собирался облечь свой вызов, был в состоянии произнести лишь несколько грубых слов, сопровождавшихся бешеной жестикуляцией.

– Эй, сударь! – закричал он. – Вы! Да, вы, тот, кто прячется за этим ставнем! Соблаговолите сказать, над чем вы смеетесь, и мы посмеемся вместе!

Знатный проезжий медленно перевел взгляд с коня на всадника. Казалось, он не сразу понял, что это к нему обращены столь странные упреки. Затем, когда у него уже не могло оставаться сомнений, брови его слегка нахмурились, и он, после довольно продолжительной паузы, ответил тоном, полным непередаваемой иронии и надменности:

– Я не с вами разговариваю, милостивый государь.

– Но я разговариваю с вами! – воскликнул юноша, возмущенный этой смесью наглости и изысканности, учтивости и презрения.

Незнакомец еще несколько мгновений не сводил глаз с д'Артаньяна, а затем, отойдя от окна, медленно вышел из дверей гостиницы и остановился в двух шагах от юноши, прямо против его коня. Его спокойствие и насмешливое выражение лица еще усилили веселость его собеседников, продолжавших стоять у окна.

Незнакомец медленно вышел из гостиницы...

Д'Артаньян при его приближении вытащил шпагу из ножен на целый фут.

– Эта лошадь в самом деле ярко-желтого цвета или, вернее, была когда-то таковой, – продолжал незнакомец, обращаясь к своим слушателям, оставшимся у окна, и словно не замечая раздражения д'Артаньяна, несмотря на то что молодой гасконец стоял между ним и его собеседниками. – Этот цвет, весьма распространенный в растительном мире, до сих пор редко отмечался у лошадей.

– Смеется над конем тот, кто не осмелится смеяться над его хозяином! – воскликнул в бешенстве гасконец.

– Смеюсь я, сударь, редко, – произнес незнакомец. – Вы могли бы заметить это по выражению моего лица. Но я надеюсь сохранить за собой право смеяться, когда пожелаю.

– А я, – воскликнул д'Артаньян, – не позволю вам смеяться, когда я этого не желаю!

– В самом деле, сударь? – переспросил незнакомец еще более спокойным тоном. – Что ж, это вполне справедливо.

И, повернувшись на каблуках, он направился к воротам гостиницы, у которых д'Артаньян, еще подъезжая, успел заметить оседланную лошадь.

Но не таков был д'Артаньян, чтобы отпустить человека, имевшего дерзость насмехаться над ним. Он полностью вытащил свою шпагу из ножен и бросился за обидчиком, крича ему вслед:

– Обернитесь, обернитесь-ка, сударь, чтобы мне не пришлось ударить вас сзади!

– Ударить меня? – воскликнул незнакомец, круто повернувшись на каблуках и глядя на юношу столь же удивленно, сколь и презрительно. – Что вы, что вы, милейший, вы, верно, с ума спятили!

И тут же, вполголоса и словно разговаривая с самим собой, он добавил:

– Вот досада! И какая находка для его величества, который всюду ищет храбрецов, чтобы пополнить ряды своих мушкетеров...

Он еще не договорил, как д'Артаньян сделал такой яростный выпад, что, не отскочи незнакомец вовремя, эта шутка оказалась бы последней в его жизни. Незнакомец понял, что история принимает серьезный оборот, выхватил шпагу, поклонился противнику и в самом деле приготовился к защите.

Но в этот самый миг оба его собеседника в сопровождении трактирщика, вооруженные палками, лопатами и каминными щипцами, накинулись на д'Артаньяна, осыпая его градом

ударов. Это неожиданное нападение резко изменило течение поединка, и противник д'Артаньяна, воспользовавшись мгновением, когда тот повернулся, чтобы грудью встретить дождь сыпавшихся на него ударов, все так же спокойно сунул шпагу обратно в ножны. Из действующего лица, каким он чуть было не стал в разыгравшейся сцене, он становился свидетелем – роль, с которой он справился с обычной для него невозмутимостью.

– Черт бы побрал этих гасконцев! – все же пробормотал, он. – Посадите-ка его на этого оранжевого коня, и пусть убирается.

– Не раньше чем я убью тебя, трус! – крикнул д'Артаньян, стоя лицом к своим трем противникам и по мере сил отражая удары, которые продолжали градом сыпаться на него.

– Гасконское хвастовство! – пробормотал незнакомец. – Клянусь честью, эти гасконцы неисправимы! Что ж, всыпьте ему хорошенько, раз он этого хочет. Когда он выдохнется, то сам скажет.

Но незнакомец еще не знал, с каким упрямцем он имеет дело. Д'Артаньян был не таков, чтобы просить пощады. Сражение продолжалось поэтому еще несколько секунд. Наконец молодой гасконец, обессилев, выпустил из рук шпагу, которая переломилась под ударом палки. Следующий удар рассек ему лоб, и он упал, обливаясь кровью и почти потеряв сознание.

Как раз к этому времени народ сбежался со всех сторон к месту происшествия. Хозяин, опасаясь лишних разговоров, с помощью своих слуг унес раненого на кухню, где ему была оказана кое-какая помощь.

Незнакомец, между тем вернувшись к своему месту у окна, с явным неудовольствием поглядывал на толпу, которая своим присутствием, по-видимому, до чрезвычайности раздражала его.

– Ну, как поживает этот одержимый? – спросил он, повернувшись при звуке раскрывшейся двери и обращаясь к трактирщику, который пришел осведомиться о его самочувствии.

– Ваше сиятельство целы и невредимы? – спросил трактирщик.

– Целехонек, милейший, мой хозяин. Но я желал бы знать, что с нашим молодым человеком.

– Ему теперь лучше, – ответил хозяин. – Он совсем было потерял сознание.

– В самом деле? – переспросил незнакомец.

– Но до этого он, собрав последние силы, звал вас, бранился и требовал удовлетворения.

– Это сущий дьявол! – воскликнул незнакомец.

– О нет, ваше сиятельство, – возразил хозяин, презрительно скривив губы. – Мы обыскали его, пока он был в обмороке. В его узелке оказалась всего одна сорочка, а в кошельке – одиннадцать экю. Но, несмотря на это, он, лишаясь чувств, все твердил, что, случись эта история в Париже, вы бы раскаялись тут же на месте, а так вам раскаяться придется позже.

– Ну, тогда это, наверное, переодетый принц крови, – холодно заметил незнакомец.

– Я счел нужным предупредить вас, ваше сиятельство, – вставил хозяин, – чтобы вы были начеку.

– Он в пылу гнева никого не называл?

– Как же, называл! Он похлопывал себя по карману и повторял: «Посмотрим, что скажет господин де Тревиль, когда узнает, что оскорбили человека, находящегося под его покровительством».

– Господин де Тревиль? – проговорил незнакомец, насторожившись. – Похлопывал себя по карману, называя имя господина де Тревиля?.. Ну и как, почтеннейший хозяин? Полагаю, что, пока наш молодой человек был без чувств, вы не преминули заглянуть также и в этот кармашек. Что же в нем было?

– Письмо, адресованное господину де Тревилю, капитану мушкетеров.

– Неужели?

– Точь-в-точь как я имел честь докладывать вашему сиятельству.

Хозяин, не обладавший особой проницательностью, не заметил, какое выражение появилось при этих словах на лице незнакомца. Отойдя от окна, о косяк которого он до сих пор опирался, он озабоченно нахмурил брови.

– Дьявол! – процедил он сквозь зубы. – Неужели Тревиль подослал ко мне этого гасконца? Уж очень он молод! Но удар шпагой – это удар шпагой, какой бы ни был возраст того, кто его нанесет. А мальчишка внушает меньше опасений. Случается, что мелкое препятствие может помешать достижению великой цели.

Незнакомец на несколько минут задумался.

– Послушайте, хозяин! – сказал он наконец. – Не возьметесь ли вы избавить меня от этого сумасброда? Убить его мне не позволяет совесть, а между тем... – на лице его появилось выражение холодной жестокости, – а между тем он мешает мне. Где он сейчас?

– В комнате моей жены, во втором этаже. Ему делают перевязку.

– Вещи и сумка при нем? Он не снял камзола?

– И камзол и сумка остались внизу, на кухне. Но раз этот юный сумасброд вам мешает...

– Разумеется, мешает. Он создает в вашей гостинице суматоху, которая беспокоит порядочных людей... Отправляйтесь к себе, приготовьте мне счет и предупредите моего слугу.

– Как? Ваше сиятельство уже покидает нас?

– Это было вам известно и раньше. Я ведь приказал вам оседлать мою лошадь. Разве мое распоряжение не исполнено?

– Исполнено. Ваше сиятельство может убедиться – лошадь оседлана и стоит у ворот.

– Хорошо, тогда сделайте, как я сказал.

«Вот так штука! – подумал хозяин. – Уж не испугался ли он мальчишки?»

Но повелительный взгляд незнакомца остановил поток его мыслей. Он подобострастно поклонился и вышел.

«Только бы этот проходимец не увидел миледи¹⁴, – думал незнакомец. – Она скоро должна проехать... Немного запаздывает. Лучше всего, пожалуй, верхом выехать ей навстречу... Если б только я мог узнать, что написано в этом письме, адресованном де Тревилю!...»

И незнакомец, продолжая шептать что-то про себя, направился в кухню.

Трактирщик между тем, не сомневаясь в том, что именно присутствие молодого человека заставляет незнакомца покинуть его гостиницу, поднялся в комнату жены. Д'Артаньян уже вполне пришел в себя. Намекнув на то, что полиция может к нему придрататься, так как он затеял ссору со знатным вельможей – а в том, что незнакомец знатный вельможа, трактирщик не сомневался, – хозяин постарался уговорить д'Артаньяна, несмотря на слабость, подняться и двинуться в путь. Д'Артаньян, еще полуоглушенный, без камзола, с головой, обвязанной полотенцем, встал и, тихонько подталкиваемый хозяином, начал спускаться с лестницы. Но первым, кого он увидел, переступив порог кухни и случайно бросив взгляд в окно, был его обидчик, который спокойно беседовал с кем-то, стоя у подножки дорожной кареты, запряженной парой крупных нормандских коней.

Его собеседница, голова которой виднелась в рамке окна кареты, была молодая женщина лет двадцати – двадцати двух. Мы уже упоминали о том, с какой быстротой д'Артаньян схватывал все особенности человеческого лица. Он увидел, что дама была молода и красива. И эта красота тем сильнее поразила его, что она была совершенно необычна для Южной Франции, где д'Артаньян жил до сих пор. Это была бледная белокурая женщина с длинными локонами, спускавшимися до самых плеч, с голубыми томными глазами, с розовыми губками и белыми, словно алебастр, руками. Она о чем-то оживленно беседовала с незнакомцем.

¹⁴ Мы знаем, что выражение «Миледи» употребляется не иначе, как перед фамилией дамы; но так мы нашли его в рукописи и не хотим изменять его.

– Итак, его высокопреосвященство приказывает мне... – говорила дама.

– ...немедленно вернуться в Англию и оттуда сразу же прислать сообщение, если герцог покинет Лондон.

– А остальные распоряжения?

– Вы найдете их в этом ларце, который вскроете только по ту сторону Ла-Манша.

– Прекрасно. Ну, а вы что намерены делать?

– Я возвращаюсь в Париж.

– Не проучив этого дерзкого мальчишку?

Незнакомец собирался ответить, но не успел и рта раскрыть, как д'Артаньян, слышавший весь разговор, появился на пороге.

– Этот дерзкий мальчишка сам проучит кого следует! – воскликнул он. – И надеюсь, что тот, кого он собирается проучить, на этот раз не скроется от него.

– Не скроется? – переспросил незнакомец, сдвинув брови.

– На глазах у дамы, я полагаю, вы не решитесь сбежать?

– Вспомните... – вскрикнула миледи, видя, что незнакомец хватается за эфес своей шпаги, – вспомните, что малейшее промедление может все погубить!

– Вы правы, – поспешно произнес незнакомец. – Поезжайте своим путем. Я поеду своим.

И, поклонившись даме, он вскочил в седло, а кучер кареты обрушил град ударов кнута на спины своих лошадей. Незнакомец и его собеседница во весь опор помчались в противоположные стороны.

– А счет, счет кто оплатит? – завопил хозяин, расположение которого к гостю превратилось в глубочайшее презрение при виде того, как он удаляется не рассчитавшись.

– Заплати, бездельник! – крикнул, не останавливаясь, всадник своему слуге, который швырнул к ногам трактирщика несколько серебряных монет и поскакал вслед за своим господином.

– Трус! Подлец! Самозванный дворянин! – закричал д'Артаньян, бросаясь, в свою очередь, вдогонку за слугой.

Но юноша был еще слишком слаб, чтобы перенести такое потрясение. Не успел он пробежать и десяти шагов, как в ушах у него зазвенело, голова закружилась, кровавое облако заволокло глаза, и он рухнул среди улицы, все еще продолжая кричать: «Трус! Трус! Трус!»

– Действительно жалкий трус! – проговорил хозяин, приближаясь к д'Артаньяну и стараясь лестью заслужить доверие бедного юноши и обмануть его, как цапля в басне¹⁵ обманывает улитку.

– Да, ужасный трус, – прошептал д'Артаньян. – Но зато она какая красавица!

– Кто она? – спросил трактирщик.

– Миледи, – прошептал д'Артаньян и вторично лишился чувств.

– Ничего не поделаешь, – сказал хозяин. – Двоих я упустил. Зато я могу быть уверен, что этот пробудет несколько дней. Одиннадцать экю я все же заработаю.

Мы знаем, что одиннадцать экю – это было все, что оставалось в кошельке д'Артаньяна.

Трактирщик рассчитывал, что его гость проболует одиннадцать дней, платя по одному экю в день, но он не знал своего гостя. На следующий день д'Артаньян поднялся в пять часов утра, сам спустился в кухню, попросил достать ему кое-какие снадобья, точный список которых не дошел до нас, к тому еще вина, масла, розмарину и, держа в руке рецепт, данный ему матерью, изготовил бальзам, которым смазал свои многочисленные раны, сам меня повязки и не допуская к себе никакого врача. Вероятно, благодаря целебному свойству бальзама и благодаря отсутствию врачей д'Артаньян в тот же вечер поднялся на ноги, а на следующий день был уже совсем здоров.

¹⁵ ...цапля в басне... – имеется в виду басня Лафонтена «Цапля».

Но, расплачиваясь за розмарин, масло и вино – единственное, что потребил за этот день юноша, соблюдавший строжайшую диету, тогда как буланый конек поглотил, по утверждению хозяина, в три раза больше, чем можно было предположить, принимая во внимание его рост, – д'Артаньян нашел у себя в кармане только потертый бархатный кошелек с хранившимися в нем одиннадцатью экю. Письмо, адресованное господину де Тревилю, исчезло.

Сначала юноша искал письмо тщательно и терпеливо. Раз двадцать выворачивал карманы штанов и жилета, скова и снова ощупывал свою дорожную сумку. Но, убедившись окончательно, что письмо исчезло, он пришел в такую ярость, что чуть снова не явилась потребность в вине и душистом масле, ибо, видя, как разгорячился молодой гость, грозивший в пух и прах разнести все в этом заведении, если не найдут его письма, хозяин вооружился дубиной, жена – метлой, а слуги – теми самыми палками, которые уже были пущены ими в ход вчера.

– Письмо, письмо с рекомендацией! – кричал д'Артаньян. – Подайте мне мое письмо, тысяча чертей! Или я насажу вас на вертел, как рябчиков!

К несчастью, некое обстоятельство препятствовало юноше осуществить свою угрозу. Как мы уже рассказывали, шпага его была сломана пополам в первой схватке, о чем он успел совершенно забыть. Поэтому, сделав попытку выхватить шпагу, он оказался вооружен лишь обломком длиной в несколько дюймов, который трактирщик аккуратно засунул в ножны, припрятав остаток клинка в надежде сделать из него шпиговальную иглу.

Это обстоятельство не остановило бы, вероятно, нашего пылкого юношу, если бы хозяин сам не решил наконец, что требование гостя справедливо.

– А в самом деле, – произнес он, опуская дубинку, – куда же делось письмо?

– Да, где же это письмо? – закричал д'Артаньян. – Предупреждаю вас: это письмо к господину де Тревилю, и оно должно найтись. А если оно не найдется, господин де Тревиль заставит его найти, поверьте!

Эта угроза окончательно запугала хозяина. После короля и господина кардинала имя г-на де Тревиля, пожалуй, чаще всего упоминалось не только военными, ко и горожанами. Был еще, правда, «отец Жозеф»,¹⁶ но его имя произносилось не иначе как шепотом: так велик был страх перед «серым преподобием», другом кардинала Ришелье.

Отбросив дубинку, знаком приказав жене бросить метлу, а слугам – палки, трактирщик сам подал добрый пример и занялся поисками письма.

– Разве в это письмо были вложены какие-нибудь ценности? – спросил он после бесплодных поисков.

– Еще бы! – воскликнул гасконец, рассчитывавший на это письмо, чтобы пробить себе путь при дворе. – В нем заключалось все мое состояние.

– Испанские боны? – осведомился хозяин.

– Боны на получение денег из личного казначейства его величества, – ответил д'Артаньян, который, рассчитывая с помощью этого письма поступить на королевскую службу, счел, что имеет право, не солгав, дать этот несколько рискованный ответ.

– Черт возьми! – воскликнул трактирщик в полном отчаянии.

– Но это неважно... – продолжал д'Артаньян со свойственным гасконцу апломбом, – это неважно, и деньги – пустяк. Само письмо – вот единственное, что имело значение. Я предпочел бы потерять тысячу пистолей, чем утратить это письмо!

С тем же успехом он мог бы сказать и «двадцать тысяч», но его удержала юношеская скромность.

¹⁶ **Отец Жозеф** – Жозеф дю Трамбле (родился в 1577 году). Известен под именем «отца Жозефа» или «серого кардинала». Был доверенным лицом кардинала Ришелье по самым интимным делам. Честолюбивый, энергичный, жестокий, отец Жозеф не имел никакого официального звания, тем не менее пользовался большим влиянием и властью.

Внезапно словно луч света сверкнул в мозгу хозяина, который тщетно обыскивал все помещение.

– Письмо вовсе не потеряно! – сказал он.

– Что? – вскрикнул д'Артаньян.

– Нет. Оно похищено у вас.

– Похищено? Но кем?

– Вчерашним неизвестным дворянином. Он спускался в кухню, где лежал ваш камзол. Он оставался там один. Бьюсь об заклад, что это дело его рук!

– Вы думаете? – неуверенно произнес д'Артаньян.

Ведь ему лучше, чем кому-либо, было известно, что письмо это могло иметь значение только для него самого, и он не представлял себе, чтобы кто-нибудь мог на него польститься. Несомненно, что никто из находившихся в гостинице проезжих, никто из слуг не мог бы извлечь какие-либо выгоды из этого письма.

– Итак, вы сказали, что подозреваете этого наглого дворянина? – переспросил д'Артаньян.

– Я говорю вам, что убежден в этом, – подтвердил хозяин. – Когда я сказал ему, что вашей милости покровительствует господин де Тревилю и что при вас даже письмо к этому достославному вельможе, он явно забеспокоился, спросил меня, где находится это письмо, и немедленно же сошел в кухню, где, как ему было известно, лежал ваш камзол.

– Тогда похититель – он! – воскликнул д'Артаньян. – Я пожалуйюсь господину де Тревилю, а господин де Тревилю пожалуется королю!

Затем, с важностью вытащив из кармана два экю, он протянул их хозяину, который, сняв шапку, проводил его до ворот. Тут он вскочил на своего желто-рыжего коня, который без дальнейших приключений довез его до Сент-Антуанских ворот города Парижа. Там д'Артаньян продал коня за три экю – цена вполне приличная, если учесть, что владелец основательно загнал его к концу путешествия. Поэтому барышник, которому д'Артаньян уступил коня за вышеозначенную сумму, намекнул молодому человеку, что на такую неслыханную цену он согласился, только прельстившись необычайной мастью лошади.

Итак, д'Артаньян вступил в Париж пешком, неся под мышкой свой узелок, и бродил по улицам до тех пор, пока ему не удалось снять комнату, соответствующую его скудным средствам. Эта комната представляла собой подобие мансарды и находилась на улице Могильщиков, вблизи Люксембурга.

Внеся задаток, д'Артаньян сразу же перебрался в свою комнату и весь остаток дня занимался работой: обшивал свой камзол и штаны галуном, который мать спорела с почти совершенно нового камзола г-на д'Артаньяна-отца и потихоньку отдала сыну. Затем он сходил на набережную Железного Лома и дал приделать новый клинок к своей шпаге. После этого он дошел до Лувра¹⁷ и у первого встретившегося мушкетера справился, как найти дом г-на де Тревиля. Оказалось, что дом этот расположен на улице Старой Голубятни, то есть совсем близко от места, где поселился д'Артаньян, – обстоятельство, истолкованное им как предзнаменование успеха.

Затем, довольный своим поведением в Менге, не раскаиваясь в прошлом, веря в настоящее и полный надежд на будущее, он лег и уснул богатырским сном.

Как добрый провинциал, он проспал до девяти утра и, поднявшись, отправился к достославному г-ну де Тревилю, третьему лицу в королевстве, согласно суждению г-на д'Артаньяна-отца.

¹⁷ Лувр – королевский дворец в Париже.

II. Приемная г-на де Тревиля

Г-н де Труавиль – имя, которое еще продолжают носить его родичи в Гаскони, или де Тревиль, как он в конце концов стал называть себя в Париже, – путь свой и в самом деле начал так же, как д'Артаньян, то есть без единого су в кармане, но с тем запасом дерзости, остроумия и находчивости, благодаря которому даже самый бедный гасконский дворянчик, питающийся лишь надеждами на отцовское наследство, нередко добивался большего, чем самый богатый перигорский или беррийский дворянин, опиравшийся на реальные блага. Его дерзкая смелость, его еще более дерзкая удачливость в такое время, когда удары шпаги сыпались как град, возвели его на самую вершину лестницы, именуемой придворным успехом, по которой он взлетел, шагая через три ступеньки.

Он был другом короля, как всем известно – глубоко чтившего память своего отца, Генриха IV. Отец г-на де Тревиля так преданно служил ему в войнах против Лиги¹⁸, что за недостатком наличных денег, – а наличных денег всю жизнь не хватало беарнцу, который все долги свои оплачивал остроумиями, единственным, чего ему не приходилось занимать, – что за недостатком наличных денег, как мы уже говорили, король разрешил ему после взятия Парижа включить в свой герб льва на червленом поле с девизом: *Fidelis et fortis*.¹⁹ То была большая честь, но малая прибыль. И, умирая, главный соратник великого Генриха оставил в наследство сыну всего только шпагу свою и девиз. Благодаря этому наследству и своему незапятнанному имени г-н де Тревиль был принят ко двору молодого принца, где он так доблестно служил своей шпагой и был так верен унаследованному девизу, что Людовик XIII, один из лучших фехтовальщиков королевства, обычно говорил, что, если бы кто-нибудь из его друзей собрался драться на дуэли, он посоветовал бы ему пригласить в секунданты первым его самого, а вторым – г-на де Тревиля, которому, пожалуй, даже следовало бы отдать предпочтение.

Людовик XIII питал настоящую привязанность к де Тревилю – правда, привязанность королевскую, эгоистическую, но все же привязанность. Дело в том, что в эти трудные времена высокопоставленные лица вообще стремились окружить себя людьми такого склада, как де Тревиль. Много нашлось бы таких, которые могли считать своим девизом слово «сильный» – вторую часть надписи в гербе де Тревилей, но мало кто из дворян мог претендовать на эпитет «верный», составлявший первую часть этой надписи. Тревиль это право имел. Он был один из тех редких людей, что умеют повиноваться слепо и без рассуждений, как верные псы, отличаясь сообразительностью и крепкой хваткой. Глаза служили ему для того, чтобы улавливать, не гневается ли на кого-нибудь король, а рука – чтобы разить виновника: какого-нибудь Бема или Моревера, Польтро, де Мере или Витри. Тревилю до сих пор недоставало только случая, чтобы проявить себя, но он выжидал его, чтобы ухватить за вихор, лишь только случаи подвернется. Недаром Людовик XIII и назначил де Тревиля капитаном своих мушкетеров, игравших для него ту же роль, что ординарная стража для Генриха III и шотландская гвардия для Людовика XI.

Кардинал, со своей стороны, в этом отношении не уступал королю. Увидев, какой грозной когортой избранных окружил себя Людовик XIII, этот второй или, правильнее, первый властитель Франции также пожелал иметь свою гвардию. Поэтому он обзавелся собственными мушкетерами, как Людовик XIII обзавелся своими, и можно было наблюдать, как эти два властелина-соперника отбирали для себя во всех французских областях и даже в иностранных государствах людей, прославившихся своими ратными подвигами. Случалось нередко, что

¹⁸ **Лига** (или: Святая Лига) – название католической конфедерации, созданной в 1576 году герцогом де Гизом с целью защиты католической религии и борьбы против кальвинистов.

¹⁹ Верный и сильный (*лат.*).

Ришелье и Людовик XIII по вечерам за партией в шахматы спорили о достоинствах своих воинов. Каждый из них хвалился выправкой и смелостью последних и, на словах осуждая стычки и дуэли, втихомолку подбивал своих телохранителей к дракам. Победа или поражение их мушкетеров доставляли им непомерную радость или подлинное огорчение. Так, по крайней мере, повествует в своих мемуарах человек, бывший участником большого числа этих побед и некоторых поражений.

Треви́ль угадал слабую струнку своего повелителя и этому был обязан неизменным, длительным расположением короля, который не прославился постоянством в дружбе. Вызывающий вид, с которым он проводил парадным маршем своих мушкетеров перед кардиналом Арманом дю Плесси Ришелье, заставлял в гневе щетиниться седые усы его высокопреосвященства. Треви́ль до тонкости владел искусством войны того времени, когда приходилось жить либо за счет врага, либо за счет своих соотечественников; солдаты его составляли легион сорвиголов, повиновавшихся только ему одному.

Небрежно одетые, подвыпившие, исцарапанные, мушкетеры короля или, вернее, мушкетеры г-на де Треви́ля шатались по кабакам, по увеселительным местам и пирушкам, орали, покручивая усы, бряцая шпагами и с наслаждением задирая телохранителей кардинала, когда те встречались им на дороге. Затем из ножен с тысячью прибауток выхватывалась шпага. Случалось, их убивали, и они падали, убежденные, что будут оплаканы и отомщены; чаще же случалось, что убивали они, уверенные, что им не дадут сгнить в тюрьме: г-н де Треви́ль, разумеется, вызволит их. Эти люди на все голоса расхваливали г-на де Треви́ля, которого обожали, и, хоть все они были отчаянные головы, трепетали перед ним, как школьники перед учителем, повиновались ему по первому слову и готовы были умереть, чтобы смыть с себя малейший его упрек.

Г-н де Треви́ль пользовался вначале этим мощным рычагом на пользу королю и его приверженцам, позже – на пользу себе и своим друзьям. Впрочем, ни из каких мемуаров того времени не явствует, чтобы даже враги, – а их было у него немало как среди владевших пером, так и среди владевших шпагой, – чтобы даже враги обвиняли этого достойного человека в том, будто он брал какую-либо мзду за помощь, оказываемую его верными солдатами. Владея способностью вести интригу не хуже искуснейших интриганов, он оставался честным человеком. Более того: несмотря на изнурительные походы, на все тяготы военной жизни, он был отчаянным искателем веселых приключений, изощреннейшим дамским угодником, умевшим при случае щегольнуть изысканным мадригалом. О его победах над женщинами ходило столько же сплетен, сколько двадцатью годами раньше о сердечных делах Бассомпьера,²⁰ – а это кое-что значило. Капитан мушкетеров вызывал восхищение, страх и любовь, другими словами – достиг вершины счастья и удачи.

Людовик XIV поглотил все мелкие созвездия своего двора, затмив их своим ослепительным сиянием, тогда как отец его, солнце *pluribus impar*,²¹ предоставлял каждому из своих любимцев, каждому из приближенных сиять собственным блеском. Кроме утреннего приема у короля и у кардинала, в Париже происходило больше двухсот таких «утренних приемов», пользовавшихся особым вниманием. Среди них утренний прием у де Треви́ля собирал наибольшее число посетителей.

Двор его особняка, расположенного на улице Старой Голубятни, походил на лагерь уже с шести часов утра летом и с восьми часов зимой. Человек пятьдесят или шестьдесят мушкетеров, видимо сменявшихся время от времени, с тем, чтобы число их всегда оставалось внушительным, постоянно расхаживали по двору, вооруженные до зубов и готовые на все. По лест-

²⁰ **Бассомпьер Франсуа (1579–1646)** – маршал Франции и дипломат. Участвовал в дворцовой интриге против Ришелье и после ее провала просидел по приказу всемогущего кардинала двенадцать лет в заключении.

²¹ Многим не равное (*лат.*).

нице, такой широкой, что современный строитель на занимаемом ею месте выстроил бы целый дом, сновали вверх и вниз просители, искавшие каких-нибудь милостей, приезжие из провинции дворяне, жаждущие зачисления в мушкетеры, и лакеи в разноцветных, шитых золотом ливреях, явившиеся сюда с посланиями от своих господ. В приемной на длинных, расположенных вдоль стен скамьях сидели избранные, то есть те, кто был приглашен хозяином. С утра и до вечера в приемной стоял несмолкаемый гул, в то время как де Тревиль в кабинете, прилежавшем к этой комнате, принимал гостей, выслушивал жалобы, отдавал приказания и, как король со своего балкона в Лувре, мог, подойдя к окну, произвести смотр своим людям и вооружению.

В тот день, когда д'Артаньян явился сюда впервые, круг собравшихся казался необычайно внушительным, особенно в глазах провинциала. Провинциал, правда, был гасконец, и его земляки в те времена пользовались славой людей, которых трудно чем-либо смутить. Пройдя через массивные ворота, обитые длинными гвоздями с квадратными шляпками, посетитель оказывался среди толпы вооруженных людей. Люди эти расхаживали по двору, перекликались, затевали то ссору, то игру. Чтобы пробить себе, путь сквозь эти бушующие людские волны, нужно было быть офицером, вельможей или хорошенькой женщиной.

Наш юноша с бьющимся сердцем прокладывал себе дорогу сквозь эту толкотню и давку, прижимая к худым ногам непомерно длинную шпагу, не отнимая руки от края широкополой шляпы и улыбаясь жалкой улыбкой провинциала, старающегося скрыть свое смущение. Минував ту или иную группу посетителей, он вздыхал с некоторым облегчением, но ясно ощущал, что присутствующие оглядываются ему вслед, и впервые в жизни д'Артаньян, у которого до сих пор всегда было довольно хорошее мнение о своей особе, чувствовал себя неловким и смешным.

У самой лестницы положение стало еще затруднительнее. На нижних ступеньках четверо мушкетеров забавлялись веселой игрой, в то время как столпившиеся на площадке десять или двенадцать их приятелей ожидали своей очереди, чтобы принять участие в забаве. Один из четверых, стоя ступенькой выше прочих и обнажив шпагу, препятствовал или старался препятствовать остальным троим подняться по лестнице. Эти трое нападали на него, ловко орудуя шпагой.

Д'Артаньян сначала принял эти шпаги за фехтовальные рапиры, полагая, что острие защищено. Но вскоре, по некоторым царапинам на лицах участников игры, понял, что клинки были самым тщательным образом отточены и заострены. При каждой новой царапине не только зрители, но и сами пострадавшие раздражались бурным хохотом.

Мушкетер, занимавший в эту минуту верхнюю ступеньку, блестяще отбивался от своих противников. Вокруг них собралась толпа. Условия игры заключались в том, что при первой же царапине раненый выходил из игры и его очередь на аудиенцию переходила к победителю. За какие-нибудь пять минут трое оказались задетыми: у одного была поцарапана рука, у другого – подбородок, у третьего – ухо, причем защищавший ступеньку не был задет ни разу. Такая ловкость, согласно условиям, вознаграждалась продвижением на три очереди.

Как ни трудно было удивить нашего молодого путешественника или, вернее, заставить его показать, что он удивлен, все же эта игра поразила его. На его родине, в том краю, где кровь обычно так легко ударяет в голову, для вызова на дуэль все же требовался хоть какой-нибудь повод. Гасконада четверых игроков показалась ему самой необычайной из всех, о которых ему когда-либо приходилось слышать даже в самой Гаскони. Ему почудилось, что он перенесся в пресловутую страну великанов, куда впоследствии попал Гулливер и где натерпелся такого страха. А между тем до цели было еще далеко: оставались верхняя площадка и приемная.

На площадке уже не дрались – там сплетничали о женщинах, а в приемной – о дворе короля. На площадке д'Артаньян покраснел, в приемной затрепетал. Его живое и смелое воображение, делавшее его в Гаскони опасным для молоденьких горничных, а подчас и для их молодых хозяек, никогда, даже в горячечном бреду, не могло бы нарисовать ему и половины

любовных прелестей и даже четверти любовных подвигов, служивших здесь темой разговора и приобретающих особую остроту от тех громких имен и сокровеннейших подробностей, которые при этом перечислялись. Но если на площадке был нанесен удар его добронравия, то в приемной поколебалось его уважение к кардиналу. Здесь д'Артаньян, к своему великому удивлению, услышал, как критикуют политику, заставлявшую трепетать всю Европу; нападкам подвергалась здесь и личная жизнь кардинала, хотя за малейшую попытку проникнуть в нее, как знал д'Артаньян, пострадало столько могущественных и знатных вельмож. Этот великий человек, которого так глубоко чтит г-н д'Артаньян-отец, служил здесь посмешищем для мушкетеров г-на де Тревиля. Одни потешались над его кривыми ногами и сутулой спиной; кое-кто распевал песенки о его возлюбленной, мадам д'Эгильон, и о его племяннице, г-же де Комбалэ, а другие тут же сговаривались подшутить над пажами и телохранителями кардинала, – все это представлялось д'Артаньяну немыслимым и диким.

Но, если в эти едкие эпиграммы по адресу кардинала случайно вплеталось имя короля, казалось – чья-то невидимая рука на мгновение прикрывала эти насмешливые уста. Разговаривавшие в смущении оглядывались, словно опасаясь, что голоса их проникнут сквозь стену в кабинет г-на де Тревиля. Но почти тотчас же брошенный вскользь намек переводил снова разговор на его высокопреосвященство, голоса снова звучали громко, и ни один из поступков великого кардинала не остался в тени.

«Всех этих людей, – с ужасом подумал д'Артаньян, – неминуемо засадят в Бастилию и повесят. А меня заодно с ними: меня сочтут их соучастником, раз я слушал и слышал их речи. Что сказал бы мой отец, так настойчиво внушавший мне уважение к кардиналу, если б знал, что я нахожусь в обществе подобных вольнодумцев!»

Д'Артаньян поэтому, как легко догадаться, не решался принять участие в разговоре. Но он глядел во все глаза и жадно слушал, напрягая все свои пять чувств, лишь бы ничего не упустить. Несмотря на все уважение к отцовским советам, он, следуя своим влечениям и вкусам, был склонен скорее одобрять, чем порицать происходившее вокруг него.

Принимая, однако, во внимание, что он был совершенно чужой среди этой толпы отверженных г-на де Тревиля и его впервые видели здесь, к нему подошли узнать о цели его прихода. Д'Артаньян скромно назвал свое имя и, ссылаясь на то, что он земляк г-на де Тревиля, поручил слуге, подошедшему к нему с вопросом, исходатайствовать для него у г-на де Тревиля несколько минут аудиенции. Слуга покровительственным тоном обещал передать его просьбу в свое время.

Несколько оправившись от первоначального смущения, д'Артаньян мог теперь на досуге приглядеться к одежде и лицам окружающих.

Центром одной из самых оживленных групп был рослый мушкетер с высокомерным лицом и в необычайном костюме, привлекавшем к нему общее внимание. На нем был не форменный мундир, ношение которого, впрочем, не считалось обязательным в те времена – времена меньшей свободы, но большей независимости, – а светло-голубой, порядочно выцветший и потертый камзол, поверх которого красовалась роскошная перевязь шитая золотом и сверкавшая, словно солнечные блики на воде в ясный полдень. Длинный плащ алого бархата изящно спадал с его плеч, только спереди позволяя увидеть ослепительную перевязь, на которой висела огромных размеров шпага.

Этот мушкетер только что сменился с караула, жаловался на простуду и нарочно покашливал. Вот поэтому-то ему и пришлось накинуть плащ, как он пояснял, пренебрежительно роняя слова и покручивая ус, тогда как окружающие, и больше всех д'Артаньян, шумно восхищались шитой золотом перевязью.

– Ничего не поделаешь, – говорил мушкетер, – это входит в моду. Это расточительство, я и сам знаю, но модно. Впрочем, надо ведь куда-нибудь девать родительские денежки.

– Ах, Портос, – воскликнул один из присутствующих, – не старайся нас уверить, что этой перевязью ты обязан отцовским щедротам! Не преподнесла ли ее тебе дама под вуалью, с которой я встретил тебя в воскресенье около ворот Сент-Оноре?

– Нет, клянусь честью и даю слово дворянина, что и купил ее на собственные деньги, – ответил тот, кого называли Портосом.

– Да, – заметил один из мушкетеров, – купил точно так, как я – вот этот новый кошелек: на те самые деньги, которые моя возлюбленная положила мне в старый.

– Нет, право же, – возразил Портос, – и я могу засвидетельствовать, что заплатил за нее двенадцать пистолей.

Восторженные возгласы усилились, но сомнение оставалось.

– Разве не правда, Арамис? – спросил Портос, обращаясь к другому мушкетеру.

Этот мушкетер был прямой противоположностью тому, который обратился к нему, назвав его Арамисом. Это был молодой человек лет двадцати двух или двадцати трех, с простодушным и несколько слащавым выражением лица, с черными глазами и румянцем на щеках, покрытых, словно персик осенью, бархатистым пушком. Тонкие усы безупречно правильной линией оттеняли верхнюю губу. Казалось, он избегал опустить руки из страха, что жилы на них могут вздуться. Время от времени он пощипывал мочки ушей, чтобы сохранить их нежную окраску и прозрачность. Говорил он мало и медленно, часто раскланивался, смеялся бесшумно, обнажая красивые зубы, за которыми, как и за всей своей внешностью, по-видимому, тщательно ухаживал. На вопрос своего друга он ответил утвердительным кивком.

Это подтверждение устранило, по-видимому, все сомнения насчет чудесной перевязи. Ею продолжали любоваться, но говорить о ней перестали, и разговор, постепенно перейдя на другие темы, изменился.

– Какого вы мнения о том, что рассказывает конюший господина де Шале²²? – спросил другой мушкетер, не обращаясь ни к кому в отдельности, а ко всем присутствующим одновременно.

– Что же он рассказывает? – с важностью спросил Портос.

– Он рассказывает, что в Брюсселе встретился с Рошфором, этим преданнейшим слугой кардинала. Рошфор был в одеянии капюцина²³, и, пользуясь таким маскарадом, этот проклятый Рошфор провел господина де Лега, как последнего болвана.

– Как последнего болвана, – повторил Портос. – Но правда ли это?

– Я слышал об этом от Арамиса, – заявил мушкетер.

– В самом деле?

– Ведь вам это прекрасно известно, Портос, – произнес Арамис. – Я рассказывал вам об этом вчера. Не стоит к этому возвращаться.

– «Не стоит возвращаться»! – воскликнул Портос. – Вы так полагаете? «Не стоит возвращаться»! Черт возьми, как вы быстро решаете!.. Как! Кардинал отслеживает дворянина, он с помощью предателя, разбойника, висельника похищает у него письма и, пользуясь все тем же шпионом, на основании этих писем добывается казни Шале под нелепым предлогом, будто бы Шале собирался убить короля и женить герцога Орлеанского на королеве! Никто не мог найти ключа к этой загадке. Вы, к общему удовлетворению, сообщаете нам вчера разгадку тайны и, когда мы еще не успели даже опомниться, объявляете нам сегодня: «Не стоит к этому возвращаться»!

– Ну что ж, вернемся к этому, раз вы так желаете, – терпеливо согласился Арамис.

²² Анри де Талейран, маркиз де Шале (1599–1626) – фаворит Людовика XIII; казнен по подозрению в заговоре против кардинала Ришелье.

²³ Капуцины – монашеский орден. Основан в 1525 г.

– Будь я конюшим господина де Шале, – воскликнул Портос, – я бы проучил этого Рошфора!

– А вас проучил бы «Красный герцог», – спокойно заметил Арамис.

– «Красный герцог»... Браво, bravo! «Красный герцог»!.. – закричал Портос, хлопая в ладоши и одобрительно кивая. – «Красный герцог» – это великолепно. Я постараюсь распространить эту остроту, будьте спокойны. Вот так остряк этот Арамис!.. Как жаль, что вы не имели возможности последовать своему призванию, дорогой мой! Какой очаровательный аббат получился бы из вас!

– О, это только временная отсрочка, – заметил Арамис. – Когда-нибудь я все же буду аббатом. Вы ведь знаете, Портос, что я в предвидении этого продолжаю изучать богословие.

– Он добьется своего, – сказал Портос, – Рано или поздно, но добьется.

– Скорее рано, – ответил Арамис.

– Он ждет только одного, чтобы снова облачиться в сутану, которая висит у него в шкафу позади одежды мушкетера! – воскликнул один из мушкетеров.

– Чего же он ждет? – спросил другой.

– Он ждет, чтобы королева подарила стране наследника.

– Незачем, господа, шутить по этому поводу, – заметил Портос. – Королева, слава Богу, еще в таком возрасте, что это возможно.

– Говорят, что лорд Бекингэм²⁴ во Франции!.. – воскликнул Арамис с лукавым смешком, который придавал этим как будто невинным словам некий двусмысленный оттенок.

– Арамис, друг мой, на этот раз вы неправы, – перебил его Портос, – и любовь к остротам заставляет вас перешагнуть известную границу. Если б господин де Тревиль услышал, вам бы не поздоровилось за такие слова.

– Не собираетесь ли вы учить меня, Портос? – спросил Арамис, в кротком взгляде которого неожиданно сверкнула молния.

– Друг мой, – ответил Портос, – будьте мушкетером или аббатом, но не тем и другим одновременно. Вспомните, Атос на днях сказал вам: вы едите из всех кормушек... Нет-нет, прошу вас, не будем ссориться. Это ни к чему. Вам хорошо известно условие, заключенное между вами, Атосом и мною. Вы ведь бываете у госпожи д'Эгильон и ухаживаете за ней; вы бываете у госпожи де Буа-Траси, кухни госпожи де Шеврез²⁵, и, как говорят, состоите у этой дамы в большой милости. О господа, вам незачем признаваться в счастье, никто не требует от вас исповеди – кому неведома ваша скромность! Но раз уж вы, черт возьми, обладаете даром молчания, не забывайте о нем, когда речь идет о ее величестве. Пусть болтают что угодно и кто угодно о короле и кардинале, но королева священна, и если уж о ней говорят, то пусть говорят одно хорошее.

– Портос, вы самонадеянны, как Нарцисс²⁶, заметьте это, – произнес Арамис – Вам ведь известно, что я не терплю поучений и готов выслушивать их только от Атоса. Что же касается вас, милейший, то ваша чрезмерно роскошная перевязь не внушает особого доверия к вашим благородным чувствам. Я стану аббатом, если сочту нужным. Пока что я мушкетер и как таковой говорю все, что мне вздумается. Сейчас мне вздумалось сказать вам, что вы мне надоели.

– Арамис!

– Портос!

– Господа!.. Господа!.. – послышалось со всех сторон.

²⁴ **Бекингэм Джордж Вилльерс, лорд (1592–1628)** – английский политический деятель, фаворит королей Якова I и Карла I.

²⁵ **Госпожа де Шеврез (1600–1679)** – имела большое влияние в оппозиционных кругах, участвовала в заговорах против Ришелье и Мазарини.

²⁶ **Нарцисс** – персонаж древнегреческих мифов. Влюбившись в свое отражение в воде фонтана и не в силах оторвать от него глаз, он бросился в воду и погиб. Имя его стало нарицательным для человека самонадеянного и самовлюбленного.

– Господин де Тревиль ждет господина д'Артаньяна! – перебил их лакей, распахнув дверь кабинета.

Дверь кабинета, пока произносились эти слова, оставалась открытой, и все сразу умолкли. И среди этой тишины молодой гасконец пересек приемную и вошел к капитану мушкетеров, от души радуясь, что так своевременно избежал участия в развязке этой странной ссоры.

III. Аудиенция

Г-н де Тревиль был в самом дурном расположении духа. Тем не менее он учтиво принял молодого человека, поклонившегося ему чуть ли не до земли, и с улыбкой выслушал его приветствия. Беарнский акцент юноши напомнил ему молодость и родные края – воспоминания, способные в любом возрасте порадовать человека. Но тут же, подойдя к дверям приемной и подняв руку как бы в знак того, что он просит разрешения у д'Артаньяна сначала покончить с остальными, а затем уже приступить к беседе с ним, он трижды крикнул, с каждым разом повышая голос так, что в нем прозвучала вся гамма интонаций – от повелительной до гневной:

– Атос! Портос! Арамис!

Оба мушкетера, с которыми мы уже успели познакомиться и которым принадлежали два последних имени, сразу же отделились от товарищей и вошли в кабинет, дверь которого захлопнулась за ними, как только они перешагнули порог. Их манера держаться, хотя они и не были вполне спокойны, своей непринужденностью, исполненной одновременно и достоинства и покорности, вызвала восхищение д'Артаньяна, видевшего в этих людях неких полубогов, а в их начальнике – Юпитера-громовержца, готового разразиться громом и молнией.

Когда оба мушкетера вошли и дверь за ними закрылась, когда гул разговоров в приемной, которым вызов мушкетеров послужил, вероятно, новой пищей, опять усилился, когда, наконец, г-н де Тревиль, хмурия брови, три или четыре раза прошелся молча по кабинету мимо Портоса и Арамиса, которые стояли безмолвно, вытянувшись словно на смотру, он внезапно остановился против них и, окинув их с ног до головы гневным взглядом, произнес:

– Известно ли вам, господа, что мне сказал король, и не далее как вчера вечером? Известно ли вам это?

– Нет, – после короткого молчания ответствовали оба мушкетера. – Нет, сударь, нам ничего не известно.

– Но мы надеемся, что вы окажете нам честь сообщить об этом, – добавил Арамис в высшей степени учтиво и отвесил изящный поклон.

– Он сказал мне, что впредь будет подбирать себе мушкетеров из гвардейцев господина кардинала.

– Из гвардейцев господина кардинала? Как это так? – воскликнул Портос.

– Он пришел к заключению, что его кисленькое винцо требует подбавки доброго вина.

Оба мушкетера вспыхнули до ушей. Д'Артаньян не знал, куда ему деваться, и готов был провалиться сквозь землю.

– Да, да! – продолжал г-н де Тревиль, все более горячась. – И его величество совершенно прав, ибо, клянусь честью, господа мушкетеры играют жалкую роль при дворе! Господин кардинал вчера вечером за игрой в шахматы соболезнающим тоном, который очень задел меня, принялся рассказывать, что эти проклятые мушкетеры, эти головорезы – он произносил эти слова с особой насмешкой, которая понравилась мне еще меньше, – эти рубаки, добавил он, поглядывая на меня своими глазами дикой кошки, задержались позже разрешенного часа в кабачке на улице Феру. Его гвардейцы, совершавшие обход, – казалось, он расхохочется мне в лицо – были принуждены задержать этих нарушителей ночного покоя. Тысяча чертей! Вы знаете, что это значит? Арестовать мушкетеров! Вы были в этой компании... да, вы, не отпирайтесь, вас опознали, и кардинал назвал ваши имена. Я виноват, я сам виноват, ведь я сам подбираю себе людей. Вот хотя бы вы, Арамис: зачем вы выпросили у меня мушкетерский камзол, когда вам так к лицу была сутана? Ну, а вы, Портос... вам такая роскошная золотая перевязь нужна, должно быть, чтобы повесить на ней соломенную шпагу? А Атос... Я не вижу Атоса. Где он?

– Сударь, – с грустью произнес Арамис, – он болен, очень болен.

– Болен? Очень болен, говорите вы? А чем он болен?

– Опасаются, что у него оспа, сударь, – сказал Портос, стремясь вставить и свое слово. – Весьма печальная история: эта болезнь может изуродовать его лицо.

– Оспа?.. Вот так славную историю вы тут рассказываете, Портос! Болеть оспой в его возрасте! Нет, нет!.. Он, должно быть, ранен... или убит... Ах, если б я мог знать!.. Тысяча чертей! Господа мушкетеры, я не желаю, чтобы мои люди шатались по подозрительным местам, затевали ссоры на улицах и пускали в ход шпаги в темных закоулках! Я не желаю, в конце концов, чтобы мои люди служили посмешищем для гвардейцев господина кардинала! Эти гвардейцы – спокойные ребята, порядочные, ловкие. Их не за что арестовывать, да, кроме того, они и не дали бы себя арестовать. Я в этом уверен! Они предпочли бы умереть на месте, чем отступить хоть на шаг. Спасаться, бежать, удирать – на это способны только королевские мушкетеры!

Портос и Арамис дрожали от ярости. Они готовы были бы задушить г-на де Тревиля, если бы в глубине души не чувствовали, что только горячая любовь к ним заставляет его так говорить. Они постукивали каблуками о ковер, до крови кусали губы и изо всех сил сжимали эфесы шпаг.

В приемной слышали, что вызывали Атоса, Портоса и Арамиса, и по голосу г-на де Тревиля угадали, что он сильно разгневан. Десяток голов, терзаемых любопытством, прижался к двери в стремлении не упустить ни слова, и лица бледнели от ярости, тогда как уши, прильнувшие к скважине, не упускали ни звука, а уста повторяли одно за другим оскорбительные слова капитана, делая их достоянием всех присутствующих. В одно мгновение весь дом, от дверей кабинета и до самого подъезда, превратился в кипящий котел.

– Вот как! Королевские мушкетеры позволяют гвардейцам кардинала себя арестовывать! – продолжал г-н де Тревиль, в глубине души не менее разъяренный, чем его солдаты, отчеканивая слова и, словно удары кинжала, вонзая их в грудь своих слушателей. – Вот как! Шесть гвардейцев кардинала арестовывают шестерых мушкетеров его величества! Тысяча чертей! Я принял решение. Прямо отсюда я отправляюсь в Лувр и подаю в отставку, отказываюсь от звания капитана мушкетеров короля и прошу назначить меня лейтенантом гвардейцев кардинала. А если мне откажут, тысяча чертей, я сделаюсь аббатом!

При этих словах ропот за стеной превратился в бурю. Всюду раздавались проклятия и богохульства. Возгласы: «Тысяча чертей!», «Бог и все его ангелы!», «Смерть и преисподняя!» – повисли в воздухе. Д'Артаньян глазами искал, нет ли какой-нибудь портьеры, за которой он мог бы укрыться, и ощущал непреодолимое желание забраться под стол.

– Так вот, господин капитан! – воскликнул Портос, потеряв всякое самообладание. – Нас действительно было шестеро против шестерых, но на нас напали из-за угла, и раньше чем мы успели обнажить шпаги, двое из нас были убиты наповал, а Атос так тяжело ранен, что не многим отличался от убитых; дважды он пытался подняться и дважды валился на землю. Тем не менее мы не сдались. Нет! Нас уволокли силой. По пути мы скрылись. Что касается Атоса, то его сочли мертвым и оставили спокойно лежать на поле битвы, полагая, что с ним не стоит возиться. Вот как было дело. Черт возьми, капитан! Не всякий бой можно выиграть. Великий Помпей проиграл Фарсальскую битву, а король Франциск Первый, который, как я слышал, кое-чего стоил, – бой при Павии²⁷.

²⁷ *Великий Помпей проиграл Фарсальскую битву, а король Франциск Первый... бой при Павии.* – Имеется в виду римский политический деятель и полководец Гней Помпей (106–48 гг. до н. э.) и его битва с войсками Юлия Цезаря около города Фарсала в Фессалии. Силы Помпея были разбиты, сам он бежал в Египет к царю Птолемею, где был убит, не успев вступить на берег. Франциск I – (1494–1547) – французский король из династии Валуа. В сражении при городе Павия (1525) был побежден и захвачен в плен испанцами, откуда написал в письме ставшую впоследствии знаменитой фразу: «Все потеряно, кроме чести».

– И я имею честь доложить, – сказал Арамис, – что одного из нападавших я заколол его собственной шпагой, так как моя шпага сломалась после первого же выпада. Убил или заколол – как вам будет угодно, сударь.

– Я не знал этого, – произнес г-н де Тревиль, несколько смягчившись. – Господин кардинал, как я вижу, кое-что преувеличил.

– Но молю вас, сударь... – продолжал Арамис, видя, что де Тревиль смягчился, и уже осмеливаясь обратиться к нему с просьбой, – молю вас, сударь, не говорите никому, что Атос ранен! Он был бы в отчаянии, если б это стало известно королю. А так как рана очень тяжелая – пронзив плечо, лезвие проникло в грудь, – можно опасаться...

В эту минуту край портьера приподнялся, и на пороге показался мушкетер с благородным и красивым, но смертельно бледным лицом.

– Атос! – вскрикнули оба мушкетера.

– Атос! – повторил за ними де Тревиль.

– Вы звали меня, господин капитан, – сказал Атос, обращаясь к де Тревилю. Голос его звучал слабо, но совершенно спокойно. – Вы звали меня, как сообщили мне товарищи, и я поспешил явиться. Жду ваших приказаний, сударь!

И с этими словами мушкетер, безукоризненно одетый и, как всегда, подтянутый, твердой поступью вошел в кабинет. Де Тревиль, до глубины души тронутый таким проявлением мужества, бросился к нему.

– Я только что говорил этим господам, – сказал де Тревиль, – что запрещаю моим мушкетерам без надобности рисковать жизнью. Храбрецы дороги королю, а королю известно, что мушкетеры – самые храбрые люди на земле. Вашу руку, Атос!

И, не дожидаясь, чтобы вошедший ответил на это проявление дружеских чувств, де Тревиль схватил правую руку Атоса и сжал ее изо всех сил, не замечая, что Атос при всем своем самообладании вздрогнул от боли и сделался еще бледнее, хоть это и казалось невозможным.

Дверь оставалась полуоткрытой. Появление Атоса, о ране которого, несмотря на тайну, окружавшую все это дело, большинству было известно, поразило всех. Последние слова капитана были встречены гулом удовлетворения, и две или три головы в порыве восторга просунулись между портьерами. Де Тревиль, надо полагать, не преминул бы резким замечанием покарать нарушителей этикета, но вдруг почувствовал, как рука Атоса судорожно дернулась в его руке, и, переведя взгляд на мушкетера, увидел, что тот теряет сознание. В то же мгновение Атос, собравший все силы, чтобы преодолеть боль, и все же сраженный ею, рухнул на пол как мертвый.

– Лекаря! – закричал г-н де Тревиль. – Моего или королевского, самого лучшего! Лекаря, или, тысяча чертей, мой храбрый Атос умрет!

На крик де Тревиля все собравшиеся в приемной хлынули к нему в кабинет, дверь которого он забыл закрыть. Все суетились вокруг раненого. Но все старания были бы напрасны, если б лекарь не оказался в самом доме. Расталкивая толпу, он приблизился к Атосу, который все еще лежал без сознания, и, так как шум и суета мешали ему, он прежде всего потребовал, чтобы больного перенесли в соседнюю комнату. Г-н де Тревиль поспешно распахнул дверь и сам прошел вперед, указывая путь Портосу и Арамису, которые на руках вынесли своего друга. За ними следовал лекарь, и за лекарем дверь затворилась.

И тогда кабинет г-на де Тревиля, всегда вызывавший трепет у входивших, мгновенно превратился в отделение приемной. Все болтали, разглагольствовали, не понижая голоса, сыпали проклятиями и, не боясь сильных выражений, посылали кардинала и его гвардейцев ко всем чертям.

Немного погодя вернулись Портос и Арамис. Подле раненого остались только де Тревиль и лекарь.

Наконец возвратился и г-н де Тревиль. Раненый, по его словам, пришел в сознание. Врач считал, что его положение не должно внушать друзьям никаких опасений, так как слабость вызвана только большой потерей крови.

Затем г-н де Тревиль сделал знак рукой, и все удалились, за исключением д'Артаньяна, который, со свойственной гасконцу настойчивостью, остался на месте, не забывая, что ему назначена аудиенция. Когда все вышли и дверь закрылась, де Тревиль обернулся и оказался лицом к лицу с молодым человеком. Происшедшие события прервали нить его мыслей. Он осведомился о том, чего от него желает настойчивый проситель. Д'Артаньян назвал, сразу пробудив в памяти де Тревиля и прошлое и настоящее.

– Простите, любезный земляк, – произнес он с улыбкой, – я совершенно забыл о вас. Что вы хотите! Капитан – это тот же отец семейства, только отвечать он должен за большее, чем обыкновенный отец. Солдаты – взрослые дети, но так как я требую, чтобы распоряжения короля и особенно господина кардинала выполнялись...

Д'Артаньян не мог скрыть улыбку. Эта улыбка показала г-ну де Тревилю, что перед ним отнюдь не глупец, и он сразу перешел к делу.

– Я очень любил вашего отца, – сказал он. – Чем я могу быть полезен его сыну? Говорите скорее, время у меня уже на исходе.

– Сударь, – произнес д'Артаньян, – уезжая из Тарба в Париж, я надеялся в память той дружбы, о которой вы не забыли, просить у вас плащ мушкетера. Но после всего виденного мною за эти два часа я понял, что эта милость была бы столь огромна, что я боюсь оказаться недостойным ее.

– Это действительно милость, молодой человек, – ответил г-н де Тревиль. – Но для вас она, может быть, не так недоступна, как вы думаете или делаете вид, что думаете. Впрочем, одно из распоряжений его величества предусматривает подобный случай, и я вынужден, к сожалению, сообщить вам, что никого не зачисляют в мушкетеры, пока он не испытан в нескольких сражениях, не совершил каких-нибудь блестящих подвигов или не прослужил два года в другом полку, поскромнее, чем наш.

Д'Артаньян молча поклонился. Он еще более жаждал надеть форму мушкетера, с тех пор как узнал, насколько трудно достичь желаемого.

– Но... – продолжал де Тревиль, вперив в своего земляка такой пронзительный взгляд, словно он желал проникнуть в самую глубину его сердца, – но из уважения к вашему отцу, моему старому другу, как я вам уже говорил, я все же хочу что-нибудь сделать для вас, молодой человек. Наши беарнские юноши редко бывают богаты, и я не думаю, чтобы положение сильно изменилось с тех пор, как я покинул родные края. Полагаю, что денег, привезенных вами, вряд ли хватит на жизнь...

Д'Артаньян гордо выпрямился, всем своим видом давая понять, что он ни у кого не просит милостыни.

– Полно, полно, молодой человек, – продолжал де Тревиль, – мне эти повадки знакомы. Я приехал в Париж с четырьмя экю в кармане и вызвал бы на дуэль любого, кто осмелился бы сказать мне, что я не в состоянии купить Лувр.

Д'Артаньян еще выше поднял голову. Благодаря продаже коня он начинал свою карьеру, имея на четыре экю больше, чем имел на первых порах де Тревиль.

– Итак, – продолжал капитан, – вам необходимо сохранить привезенное, как бы значительна ни была эта сумма. Но вам также следует усовершенствоваться в искусстве владеть оружием – это необходимо дворянину. Я сегодня же напишу письмо начальнику Королевской академии, и с завтрашнего дня он примет вас, не требуя никакой платы. Не отказывайтесь от этого. Наши молодые дворяне, даже самые знатные и богатые, часто тщетно добиваются приема туда. Вы научитесь верховой езде, фехтованию, танцам. Вы завяжете полезные знакомства, а время от времени будете являться ко мне, докладывать, как у вас идут дела и чем я могу помочь вам.

Как ни чужды были д'Артаньяну придворные уловки, он все же почувствовал холодок, которым веяло от этого приема.

– Увы! – воскликнул он. – Я вижу, как недостает мне сейчас письма с рекомендацией, данного мне отцом.

– Действительно, – ответил де Тревиль, – я удивлен, что вы пустились в столь дальний путь без этого единственного волшебного ключа, столь необходимого нашему брату беарнцу.

– Письмо было у меня, сударь, и, слава Богу, написанное как полагается! – воскликнул д'Артаньян. – Но у меня коварно похитили его!

И он рассказал обо всем, что произошло в Менге, описал незнакомого дворянина во всех подробностях, причем речь его дышала жаром и искренностью, которые очаровали де Тревиля.

– Странная история... – задумчиво произнес капитан мушкетеров. – Вы, значит, громко называли мое имя?

– Да, конечно. Я был так неосторожен. Но что вы хотите! Такое имя, как ваше, должно было служить мне в пути щитом. Судите сами, как часто я прикрывался им.

Лесть была в те дни в моде, и де Тревиль был так же чувствителен к фимиаму, как любой король или кардинал. Он не мог поэтому удержаться от выражавшей удовольствие улыбки, но улыбка быстро угасла.

– Скажите мне... – начал он, сам возвращаясь к происшествию в Менге, – скажите, не было ли у этого дворянина легкого рубца на виске?

– Да, как бы ссадина от пули.

– Это был видный мужчина?

– Да.

– Высокого роста?

– Да.

– Бледный, с темными волосами?

– Да-да, именно такой. Каким образом, сударь, вы знаете этого человека? Ах, если когда-нибудь я разыщу его, – а клянусь вам, я разыщу его хоть в аду...

– Он ожидал женщину? – перебил его де Тревиль.

– Уехал он, во всяком случае, только после того, как обменялся несколькими словами с той, которую поджидал.

– Вы не знаете, о чем они говорили?

– Вручив ей ларец, он сказал, что в нем она найдет его распоряжения, и предложил ей вскрыть ларец только в Лондоне.

– Эта женщина была англичанка?

– Он называл ее миледи.

– Это он! – прошептал де Тревиль. – Это он! А я полагал, что он еще в Брюсселе.

– О сударь, – воскликнул д'Артаньян, – скажите мне, кто он и откуда, и я не буду просить вас ни о чем, даже о зачислении в мушкетеры! Ибо прежде всего я должен рассчитаться с ним.

– Упаси вас Бог от этого, молодой человек! – воскликнул де Тревиль. – Если вы встретите его на улице – спешите перейти на другую сторону. Не натывайтесь на эту скалу: вы разобьетесь, как стекло.

– И все-таки, – произнес д'Артаньян, – если только я его встречу...

– Пока, во всяком случае, не советую вам разыскивать его, – сказал де Тревиль.

Внезапно де Тревиль умолк, пораженный странным подозрением. Страстная ненависть, которую юноша выражал по отношению к человеку, якобы похитившему у него отцовское письмо... Кто знает, не скрывался ли за этой ненавистью какой-нибудь коварный замысел? Не подослан ли этот молодой человек его высокопреосвященством? Не явился ли он с целью заманить его, де Тревиля, в ловушку? Этот человек, называющий себя д'Артаньяном, – не был ли он шпионом, которого пытаются ввести к нему в дом, чтобы он завоевал его доверие, а затем

погубил его, как это бывало с другими? Он еще внимательнее, чем раньше, поглядел на д'Артаньяна. Вид этого подвижного лица, выражавшего ум, лукавство и притворную скромность, не слишком его успокоил.

«Я знаю, правда, что он гасконец, – подумал де Тревиль. – Но он с успехом может применить свои способности на пользу кардиналу, как и мне. Испытаем его...»

– Друг мой, – проговорил он медленно, – перед сыном моего старого друга – ибо я принимаю на веру всю эту историю с письмом, – перед сыном моего друга я хочу искупить холодность, которую вы сразу ощутили в моем приеме, и раскрою перед вами тайны нашей политики. Король и кардинал – наилучшие друзья. Мнимые трения между ними служат лишь для того, чтобы обмануть глупцов. Я не допущу, чтобы мой земляк, красивый юноша, славный малый, созданный для успеха, стал жертвой этих фокусов и попал впросак, как многие другие, сломавшие себе на этом голову. Запомните, что я предан этим двум всемогущим господам и что каждый мой шаг имеет целью служить королю и господину кардиналу, одному из самых выдающихся умов, которые когда-либо создавала Франция. Отныне, молодой человек, примите это к сведению, и если, в силу ли семейных или дружеских связей, или подчиняясь голосу страстей, вы питаете к кардиналу враждебные чувства, подобные тем, которые нередко прорываются у иных дворян, – распрощаемся с вами. Я приду вам на помощь при любых обстоятельствах, но не приближу вас к себе. Надеюсь, во всяком случае, что моя откровенность сделает вас моим другом, ибо вы единственный молодой человек, с которым я когда-либо так говорил.

«Если кардинал подослал ко мне эту лису, – думал де Тревиль, – то, зная, как я его ненавижу, наверняка внушил своему шпиону, что лучший способ вкрасься ко мне в доверие – это наговорить про него черт знает что. И, конечно, этот хитрец, несмотря на мои заверения, сейчас станет убеждать меня, что питает отвращение к его высокопреосвященству».

Но все произошло совсем по-иному – не так, как ожидал де Тревиль. Д'Артаньян ответил с совершенной прямоотой.

– Сударь, – произнес он просто, – я прибыл в Париж именно с такими намерениями. Отец мой советовал мне не покоряться никому, кроме короля, господина кардинала и вас, которых он считает первыми людьми во Франции.

Д'Артаньян, как можно заметить, присоединил имя де Тревиля к двум первым. Но это добавление, по его мнению, не могло испортить дело.

– Поэтому, – продолжал он, – я глубоко чту господина кардинала и преклоняюсь перед его действиями... Тем лучше для меня, если вы, как изволите говорить, вполне откровенны со мной. Значит, вы оказали мне честь, заметив сходство в наших взглядах. Но, если вы отнеслись ко мне с некоторым недоверием – а это было бы вполне естественно, – тогда, разумеется, я гублю себя этими словами в ваших глазах. Но все равно вы оцените мою прямооту, а ваше доброе мнение обо мне дороже, всего на свете.

Де Тревиль был поражен. Такая пронизательность, такая искренность вызывали восхищение, но все же полностью не устраняли сомнений. Чем больше выказывалось превосходство этого молодого человека перед другими молодыми людьми, тем больше было оснований остерегаться его, если де Тревиль ошибался в нем.

– Вы честный человек, – сказал он, пожимая д'Артаньяну руку, – но сейчас я могу сделать для вас только то, что предложил. Двери моего дома всегда будут для вас открыты. Позже, имея возможность являться ко мне в любое время, а следовательно, и уловить благоприятный случай, вы, вероятно, достигнете того, к чему стремитесь.

– Другими словами, сударь, – проговорил д'Артаньян, – вы ждете, чтобы я оказался достоин этой чести. Ну что ж, – добавил он с непринужденностью, свойственной гасконцу, – вам недолго придется ждать.

И он поклонился, собираясь удалиться, словно остальное касалось уже только его одного.

– Да погодите же, – сказал де Тревиль, останавливая его. – Я обещал вам письмо к начальнику академии. Или вы чересчур горды, молодой человек, чтобы принять его от меня?

– Нет, сударь, – возразил д'Артаньян. – И я отвечаю перед вами за то, что его не постигнет такая судьба, как письмо моего отца. Я так бережно буду хранить его, что оно, клянусь вам, дойдет по назначению, и горе тому, кто попытается похитить его у меня!

Это бахвальство вызвало на устах де Тревиля улыбку. Оставив молодого человека в амбразуре окна, где они только что беседовали, он уселся за стол, чтобы написать обещанное письмо. Д'Артаньян в это время, ничем не занятый, выбивал по стеклу какой-то марш, наблюдая за мушкетерами, которые один за другим покидали дом, и провожая их взглядом до самого поворота улицы.

Г-н де Тревиль, написав письмо, запечатал его, встал и направился к молодому человеку, чтобы вручить ему конверт. Но в то самое мгновение, когда д'Артаньян протянул руку за письмом, де Тревиль с удивлением увидел, как юноша внезапно вздрогнул и, вспыхнув от гнева, бросился из кабинета с яростным криком:

– Нет, тысяча чертей! На этот раз ты от меня не уйдешь!

– Кто? Кто? – спросил де Тревиль.

– Он, похититель! – ответил на ходу д'Артаньян. – Ах, негодяй! – И с этими словами он исчез за дверью.

– Сумасшедший! – пробормотал де Тревиль. – Если только... – медленно добавил он, – это не уловка, чтобы удрать, раз он понял, что подвох не удался.

IV. Плечо Атоса, перевязь Портоса и платок Арамиса

Д'Артаньян как бешеный в три скачка промчался через приемную и выбежал на площадку лестницы, по которой собирался спуститься опрометью, как вдруг с разбегу столкнулся с мушкетером, выходившим от г-на де Тревиля через боковую дверь. Мушкетер закричал или, вернее, взвыл от боли.

– Простите меня... – произнес д'Артаньян, намереваясь продолжать свой путь, – простите меня, но я спешу.

Не успел он спуститься до следующей площадки, как железная рука ухватила его за перевязь и остановила на ходу.

– Вы спешите, – воскликнул мушкетер, побледневший как мертвец, – и под этим предлогом насканиваете на меня, говорите «простите» и считаете дело исчерпанным? Не совсем так, молодой человек. Не вообразили ли вы, что если господин де Тревиль сегодня резко говорил с нами, то это дает вам право обращаться с нами пренебрежительно? Ошибаетесь, молодой человек. Вы не господин де Тревиль.

– Поверьте мне... – отвечал д'Артаньян, узнав Атоса, возвращавшегося к себе после перевязки, – поверьте мне, я сделал это нечаянно, и, сделав это нечаянно, я сказал: «Простите меня». По-моему, этого достаточно. А сейчас я повторяю вам – и это, пожалуй, лишнее, – что я спешу, очень спешу. Поэтому прошу вас: отпустите меня, не задерживайте.

– Сударь, – сказал Атос, выпуская из рук перевязь, – вы невежа. Сразу видно, что вы приехали издалека.

Д'Артаньян уже успел шагнуть вниз через три ступеньки, но слова Атоса заставили его остановиться.

– Тысяча чертей, сударь! – проговорил он. – Хотя я и приехал издалека, но не вам учить меня хорошим манерам, предупреждаю вас.

– Кто знает! – сказал Атос.

– Ах, если б я не так спешил, – воскликнул д'Артаньян, – и если б я не гнался за одним человеком...

– Так вот, господин Торопыга, меня вы найдете, не гоняясь за мной, слышите?

– Где именно, не угодно ли сказать?

– Подле монастыря Дешо.

– В котором часу?

– Около двенадцати.

– Около двенадцати? Хорошо, буду на месте.

– Постарайтесь не заставить меня ждать. В четверть первого я вам уши на ходу отрежу.

– Хорошо, – крикнул д'Артаньян, – явлюсь без десяти двенадцать!

И он пустился бежать как одержимый, все еще надеясь догнать незнакомца, который не мог отойти особенно далеко, так как двигался не спеша.

Но у ворот он увидел Портоса, беседовавшего с караульным. Между обоими собеседниками оставалось свободное пространство, через которое мог проскользнуть один человек. Д'Артаньяну показалось, что этого пространства достаточно, и он бросился напрямик, надеясь как стрела пронестись между ними. Но д'Артаньян не принял в расчет ветра. В тот миг, когда он собирался проскользнуть между разговаривавшими, ветер раздул длинный плащ Портоса, и д'Артаньян запутался в его складках. У Портоса, по-видимому, были веские причины не расставаться с этой важной частью своего одеяния, и, вместо того чтобы выпустить из рук полу, которую он придерживал, он потянул ее к себе, так что д'Артаньян, по вине упрямого Портоса проделав какое-то вращательное движение, оказался совершенно закутанным в бархат, плаща.

Слыша проклятия, которыми осыпал его мушкетер, д'Артаньян, как слепой, ощупывал складки, пытаясь выбраться из-под плаща. Он больше всего опасался как-нибудь повредить роскошную перевязь, о которой мы уже рассказывали. Но, робко приоткрыв глаза, он увидел, что нос его упирается в спину Портоса, как раз между лопатками, другими словами – в самую перевязь.

Увы, как и многое на этом свете, что блестит только снаружи, перевязь Портоса сверкала золотым шитьем лишь спереди, а сзади была из простой буйволово́й кожи. Портос, как истый хвастун, не имея возможности приобрести перевязь, целиком шитую золотом, приобрел перевязь, шитую золотом хотя бы лишь спереди. Отсюда и выдуманная простуда и необходимость плаща.

– Дьявол! – завопил Портос, делая невероятные усилия, чтобы освободиться от д'Артаньяна, который копошился у него за спиной. – С ума вы спятили, что бросаетесь на людей?

– Простите, – проговорил д'Артаньян, выглядывая из-под локтя гиганта, – но я очень спешу. Я гонюсь за одним человеком...

– Глаза вы, что ли, забываете дома, когда гонитесь за кем-нибудь? – орал Портос.

– Нет... – с обидой произнес д'Артаньян, – нет, и мои глаза позволяют мне даже видеть то, чего не видят другие.

Понял ли Портос или не понял, но он дал полную волю своему гневу.

– Сударь, – прорычал он, – предупреждаю вас: если вы будете задевать мушкетеров, дело для вас кончится трепкой!

– Трепкой? – переспросил д'Артаньян. – Не сильно ли сказано?

– Сказано человеком, привыкшим смотреть в лицо своим врагам.

– Еще бы! Мне хорошо известно, что тыл вы не покажете никому.

И юноша, в восторге от своей озорной шутки, двинулся дальше, хохоча во все горло.

Портос в дикой ярости сделал движение, намереваясь броситься на обидчика.

– Потом, потом! – крикнул ему д'Артаньян, – Когда на вас не будет плаща!

– Значит, в час, позади Люксембургского дворца!

– Прекрасно, в час! – ответил д'Артаньян, заворачивая за угол.

Но ни на улице, по которой он пробежал, ни на той, которую он мог теперь охватить взглядом, не видно было ни души. Как ни медленно двигался незнакомец, он успел скрыться из виду или зайти в какой-нибудь дом. Д'Артаньян расспрашивал о нем всех встречных, спустился до перевоза, вернулся по улице Сены, прошел по улице Алого Креста. Ничего, ровно ничего! Все же эта погоня принесла ему пользу: по мере того как пот выступал у него на лбу, сердце его остывало.

Он углубился в размышления о происшедших событиях. Их было много, и все они оказались неблагоприятными. Было всего одиннадцать часов утра, а это утро успело уже принести ему немилость де Тревиля, который не мог не счесть проявлением дерзости неожиданный уход д'Артаньяна.

Кроме того, он нарвался на два поединка с людьми, способными убить трех д'Артаньянов каждый, – одним словом, с двумя мушкетерами, то есть с существами, перед которыми он благоговел так глубоко, что в сердце своем ставил их выше всех людей.

Положение было невеселое. Убежденный, что будет убит Атосом, он, вполне понятно, не очень-то беспокоился о поединке с Портосом. Все же, поскольку надежда есть последнее, что угасает в душе человека, он стал надеяться, что, хотя и получит страшные раны, все же останется жив, и на этот случай, в расчете на будущую жизнь, уже бранил себя за свои ошибки.

«Какой я безмозглый грубиян! Этот несчастный и храбрый Атос был ранен именно в плечо, на которое я, как баран, налетел головой. Приходится только удивляться, что он не прикончил меня на месте – он вправе был это сделать: боль, которую я причинил ему, была, наверное, ужасна. Что же касается Портоса... о, что касается Портоса – ей-богу, тут дело забавнее!...»

И молодой человек, вопреки своим мрачным мыслям, не мог удержаться от смеха, поглядывая все же при этом по сторонам – не покажется ли такой беспричинный одинокий смех кому-нибудь обидным.

«Что касается Портоса, то тут дело забавнее. Но я все же глупец. Разве можно так насканывать на людей – подумать только! – и заглядывать им под плащ, чтобы увидеть то, чего там нет! Он бы простил меня... конечно, простил, если б я не пристал к нему с этой проклятой перевязью. Я, правда, только намекнул, но как ловко намекнул! Ах! Чертов я гасконец – буду острить даже в аду на сковороде... Друг ты мой д'Артаньян, – продолжал он, обращаясь к самому себе с вполне понятным дружелюбием, – если ты уцелеешь, что маловероятно, нужно впредь быть образцово учтивым. Отныне все должны восхищаться тобой и ставить тебя в пример. Быть вежливым и предупредительным не значит еще быть трусом. Погляди только на Арамиса! Арамис – сама кротость, олицетворенное изящество. А разве может прийти кому-нибудь в голову назвать Арамиса трусом? Разумеется, нет! И отныне я во всем буду брать пример с него... Ах, вот как раз и он сам!»

Д'Артаньян, все время продолжая разговаривать с самим собой, поравнялся с особняком д'Эгильона и тут увидел Арамиса, который, остановившись перед самым домом, беседовал с двумя королевскими гвардейцами. Арамис, со своей стороны, заметил д'Артаньяна. Он не забыл, что г-н де Тревиль в присутствии этого юноши так жестоко вспылил сегодня утром. Человек, имевший возможность слышать, какими упреками осыпали мушкетеров, был ему неприятен, и Арамис сделал вид, что не замечает его. Д'Артаньян между тем, весь во власти своих планов – стать образцом учтивости и вежливости, приблизился к молодым людям и отвесил им изысканнейший поклон, сопровождаемый самой приветливой улыбкой. Арамис слегка поклонился, но без улыбки. Все трое при этом сразу прервали разговор.

Д'Артаньян был не так глуп, чтобы не заметить, что он лишний. Но он не был еще достаточно искушен в приемах высшего света, чтобы найти выход из неудобного положения, в каком оказывается человек, подошедший к людям, мало ему знакомым, и вмешавшийся в разговор, его не касающийся. Он тщетно искал способа, не теряя достоинства, убраться отсюда, как вдруг заметил, что Арамис уронил платок и, должно быть по рассеянности, наступил на него ногой. Д'Артаньяну показалось, что он нашел случай загладить свою неловкость. Наклонившись, он с самым любезным видом вытащил платок из-под ноги мушкетера, как крепко тот ни наступал на него.

– Вот ваш платок, сударь, – произнес он с чрезвычайной учтивостью, – вам, вероятно, жаль было бы его потерять.

Платок был действительно покрыт богатой вышивкой, и в одном углу его выделялись корона и герб. Арамис густо покраснел и скорее выхватил, чем взял платок из рук гасконца.

– Так, так, – воскликнул один из гвардейцев, – теперь наш скрытный Арамис не станет уверять, что у него дурные отношения с госпожой де Буа-Траси, раз эта милая дама была столь любезна, что одолжила ему свой платок!

Арамис бросил на д'Артаньяна один из тех взглядов, которые ясно дают понять человеку, что он нажил себе смертельного врага, но тут же перешел к обычному для него слащавому тону.

– Вы ошибаетесь, господа, – произнес он. – Платок этот вовсе не принадлежит мне, и я не знаю, почему этому господину взбрело на ум подать его именно мне, а не любому из вас. Лучшим подтверждением моих слов может служить то, что мой платок у меня в кармане.

С этими словами он вытащил из кармана свой собственный платок, также очень изящный и из тончайшего батиста, – а батист в те годы стоил очень дорого, – но без всякой вышивки и герба, а лишь помеченный монограммой владельца.

На этот раз д'Артаньян промолчал: он понял свою ошибку. Но приятели Арамиса не дали себя убедить, несмотря на все его уверения. Один из них с деланной серьезностью обратился к мушкетеру.

– Если дело обстоит так, как ты говоришь, дорогой мой Арамис, – сказал он, – я вынужден буду потребовать от тебя этот платок. Как тебе известно, Буа-Траси – мой близкий друг, и я не желаю, чтобы кто-либо хвастал вещами, принадлежащими его супруге.

– Ты не так просишь об этом, – ответил Арамис. – И, признавая справедливость твоего требования, я все же откажу тебе из-за формы, в которую оно облечено.

– В самом деле, – робко заметил д'Артаньян, – я не видел, чтобы платок выпал из кармана господина Арамиса. Господин Арамис наступил на него ногой – вот я и подумал, что платок принадлежит ему.

– И ошиблись, – холодно произнес Арамис, словно не замечая желания д'Артаньяна заглазить свою вину. – Кстати, – продолжал Арамис, обращаясь к гвардейцу, сославшемуся на свою дружбу с Буа-Траси, – я вспомнил, дорогой мой, что связан с графом де Буа-Траси не менее нежной дружбой, чем ты, близкий его друг, так что... платок с таким же успехом мог выпасть из твоего кармана, как из моего.

– Нет, клянусь честью! – воскликнул гвардеец его величества.

– Ты будешь клясться честью, а я – ручаться честным словом, и один из нас при этом, очевидно, будет лжецом. Знаешь что, Монтаран!? Давай лучше поделим его.

– Платок?

– Да.

– Великолепно! – закричали оба приятеля-гвардейца. – Соломонов суд²⁸! Арамис, ты в самом деле воплощенная мудрость!

Молодые люди расхохотались, и все дело, как ясно всякому, на том и кончилось. Через несколько минут разговор оборвался, и собеседники расстались, сердечно пожав друг другу руки. Гвардейцы зашагали в одну сторону, Арамис – в другую.

«Вот подходящее время, чтобы помириться с этим благородным человеком», – подумал д'Артаньян, который в продолжение всего этого разговора стоял в стороне. И, подчиняясь доброму порыву, он поспешил догнать мушкетера, который шел, не обращая больше на него внимания.

– Сударь, – произнес д'Артаньян, нагоняя мушкетера, – надеюсь, вы извините меня...

– Милостивый государь, – прервал его Арамис, – разрешите вам заметить, что в этом деле вы поступили не так, как подобало бы благородному человеку.

– Как, милостивый государь! – воскликнул д'Артаньян. – Вы можете предположить...

– Я предполагаю, сударь, что вы не глупец и вам, хоть вы и прибыли из Гаскони, должно быть известно, что без причины не наступают ногой на носовой платок. Париж, черт возьми, не вымощен батистовыми платочками.

– Сударь, вы напрасно стараетесь меня унижить, – произнес д'Артаньян, в котором задорный нрав начинал уже брать верх над мирными намерениями. – Я действительно прибыл из Гаскони, и, поскольку это вам известно, мне незачем вам напоминать, что гасконцы не слишком терпеливы. Так что, раз извинившись хотя бы за сделанную ими глупость, они бывают убеждены, что сделали вдвое больше положенного.

– Сударь, я сказал это вовсе не из желания искать с вами ссоры. Я, слава Богу, не забияка какой-нибудь, и мушкетер я лишь временно. Дерусь я, только когда бываю вынужден, и всегда с большой неохотой. Но на этот раз дело нешуточное, тут речь о даме, которую вы скомпрометировали.

– Мы скомпрометировали! – воскликнул д'Артаньян.

– Как могли вы подать мне этот платок?

– Как могли вы обронить этот платок?

²⁸ Соломонов суд – выражение подразумевает: суд мудрый и скорый. Оно основано на библейском предании (3-я Книга Царств, 3, 16–28).

– Я уже сказал, сударь, и повторяю, что платок этот выпал не из моего кармана.

– Значит, сударь, вы солгали дважды, ибо я сам видел, как он выпал именно из вашего кармана.

– Ах, вот как вы позволяете себе разговаривать, господин гасконец! Я научу вас вести себя!

– А я отправлю вас назад служить обедню, господин аббат! Вытаскивайте шпагу, прошу вас, и сию же минуту!

– Нет-нет, милый друг, не здесь, во всяком случае. Не видите вы разве, что мы находимся против самого дома д'Эгильонов, который наполнен клеветами кардинала? Кто уверит меня, что не его высокопреосвященство поручил вам доставить ему мою голову? А знаете, я до смешного дорожу своей головой. Мне представляется, что она довольно ловко сидит у меня на плечах. Поэтому я согласен убить вас, будьте спокойны, но убить без шума, в укромном местечке, где вы никому не могли бы похвастать своей смертью.

– Пусть так. Только не будьте слишком самоуверенны и захватите ваш платочек: принадлежит ли он вам или нет, но он может вам пригодиться.

– Вы, сударь, гасконец? – с иронией спросил Арамис.

– Да. И гасконцы обычно не откладывают поединка из осторожности.

– Осторожность, сударь, качество излишнее для мушкетера, я это знаю. Но она необходима служителям церкви. И так как мушкетер я только временно, то предпочитаю быть осторожным. В два часа я буду иметь честь встретиться с вами в доме господина де Тревиля. Там я укажу вам подходящее для поединка место.

Молодые люди раскланялись, затем Арамис удалился по улице, ведущей к Люксембургскому дворцу, а д'Артаньян, видя, что уже довольно поздно, зашагал в сторону монастыря Дешо.

«Ничего не поделаешь, – рассуждал он сам с собой, – поправить ничего нельзя. Одно утешение: если я буду убит, то буду убит мушкетером».

V. Королевские мушкетеры и гвардейцы г-на кардинала

У д'Артаньяна в Париже не было ни одного знакомого. Поэтому он на поединок с Атосом отправился без секунданта, намереваясь удовольствоваться секундантами противника. Впрочем, он заранее твердо решил принести храброму мушкетеру все допустимые извинения, не проявляя при этом, разумеется, слабости. Он решил это, опасаясь тяжелых последствий, которые может иметь подобная дуэль, когда человек, полный сил и молодости, дерется с раненым и ослабевшим противником. Если он окажется побежденным – противник будет торжествовать вдвойне; если же победителем будет он – его обвинят в вероломстве, скажут, что успех достался ему слишком легко.

Впрочем, либо мы плохо обрисовали характер нашего искателя приключений, либо читатель должен был уже заметить, что д'Артаньян был человек не совсем обыкновенный. Поэтому, хоть и твердя самому себе, что гибель его неизбежна, он не мог безропотно покориться неизбежности смерти, как сделал бы это другой, менее смелый и менее спокойный человек. Он вдумывался в различия характеров тех, с кем ему предстояло сражаться, и положение постепенно становилось для него ясней. Он надеялся, что, извинившись, завоюет дружбу Атоса, строгое лицо и благородная осанка которого произвели на него самое хорошее впечатление. Он льстил себя надеждой запугать Портоса историей с перевязью, которую он мог, в случае если не будет убит на месте, рассказать всем, а такой рассказ, преподнесенный в подходящей форме, не мог не сделать Портоса смешным в глазах друзей и товарищей. Что же касается хитроумного Арамиса, то он не внушал д'Артаньяну особого страха. Если даже предположить, что и до него дойдет очередь, то д'Артаньян твердо решил либо отправить его на тот свет, либо же ударом в лицо, как Цезарь советовал поступать с солдатами Помпея, нанести ущерб красоте, которой Арамис так явно гордился.

Кроме того, в д'Артаньяне жила непоколебимая решимость, основанная на советах его отца, сущность которых сводилась к следующему: «Не покоряться никому, кроме короля, кардинала и господина де Тревиля», Вот почему д'Артаньян не шел, а летел по направлению к монастырю Дешо. Это было заброшенное здание с выбитыми стеклами, окруженное бесплодными пустырями, в случае надобности служившими тому же назначению, что и Пре-о-Клер²⁹: там обыкновенно дрались люди, которым нельзя было терять время.

Когда д'Артаньян подходил к пустырю, находившемуся подле монастыря, пробило полдень. Атос ожидал его всего пять минут – следовательно, д'Артаньян был безукоризненно точен и самый строгий судья в законах дуэли не имел бы повода упрекнуть его.

Атос, которому рана причиняла еще тяжкую боль, хоть лекарь де Тревиля и наложил на нее свежую повязку, сидел на камне и ожидал противника, как всегда спокойный и полный благородного достоинства. Увидев д'Артаньяна, он встал и учтиво сделал несколько шагов ему навстречу. Д'Артаньян, со своей стороны, приблизился к противнику, держа шляпу в руке так, что перо волочилось по земле.

– Сударь, – сказал Атос, – я послал за двумя моими друзьями, которые и будут моими секундантами. Но друзья эти еще не пришли. Я удивляюсь их опозданию: это не входит в их привычки.

– У меня секундантов нет, – произнес д'Артаньян. – Я только вчера прибыл в Париж, и у меня нет здесь ни одного знакомого, кроме господина де Тревиля, которому рекомендовал меня мой отец, имевший честь некогда быть его другом.

Атос на мгновение задумался.

– Вы знакомы только с господином де Тревилем? – спросил он.

²⁹ Пре-о-Клер – луг перед церковью Сен-Жермен-де-Пре, место студенческих прогулок и поединков.

– Да, сударь, я знаком только с ним.

– Вот так история! – проговорил Атос, обращаясь столько же к самому себе, как и к своему собеседнику. – Вот так история! Но если я вас убью, я прослышу пожирателем детей.

– Не совсем так, сударь, – возразил д'Артаньян с поклоном, который не был лишен достоинства. – Не совсем так, раз вы делаете мне честь драться со мною, невзирая на рану, которая, несомненно, тяготит вас.

– Очень тяготит, даю вам слово. И вы причинили мне чертовскую боль, должен признаться. Но я буду держать шпагу в левой руке, как делаю всегда в подобных случаях. Таким образом, не думайте, что это облегчит ваше положение: я одинаково свободно действую обеими руками. Это создаст даже некоторое неудобство для вас. Левша очень стесняет противника, когда тот не подготовлен к этому. Я сожалею, что не поставил вас заранее в известность об этом обстоятельстве.

– Вы, сударь, – проговорил д'Артаньян, – бесконечно любезны, и я вам глубоко признателен.

– Я, право, смущен вашими речами, – сказал Атос с изысканной учтивостью. – Поговорим лучше о другом, если вы ничего не имеете против... Ах, дьявол, как больно вы мне сделали! Плечо так и горит!

– Если б вы разрешили... – робко пробормотал д'Артаньян.

– Что именно, сударь?

– У меня есть чудодейственный бальзам для лечения ран. Этот бальзам мне дала с собой матушка, и я испытал его на самом себе.

– И что же?

– А то, что не далее как через каких-нибудь три дня вы – я в этом уверен – будете исцелены, а по прошествии этих трех дней, когда вы поправитесь, сударь, я почту за великую честь скрестить с вами шпаги.

Д'Артаньян произнес эти слова с простотой, делавшей честь его учтивости и в то же время не дававшей повода сомневаться в его мужестве.

– Клянусь Богом, сударь, – ответил Атос, – это предложение мне по душе. Не то чтобы я на него согласился, но от него за целую милю отдает благородством дворянина. Так говорили и действовали воины времен Карла Великого³⁰, примеру которых должен следовать каждый кавалер. Но мы, к сожалению, живем не во времена великого императора. Мы живем при почтенном господине кардинале, и за три дня, как бы тщательно мы ни хранили нашу тайну, говорю я, станет известно, что мы собираемся драться, и нам помешают осуществить наше намерение... Да, но эти лодыри окончательно пропали, как мне кажется!

– Если вы спешите, сударь, – произнес д'Артаньян с той же простотой, с какой минуту назад он предложил Атосу отложить дуэль на три дня, – если вы спешите и если вам угодно покончить со мной немедленно, прошу вас – не стесняйтесь.

– И эти слова также мне по душе, – сказал Атос, приветливо кивнув д'Артаньяну. – Это слова человека не глупого и, несомненно, благородного. Сударь, я очень люблю людей вашего склада и вижу: если мы не убьем друг друга, мне впоследствии будет весьма приятно беседовать с вами. Подождем моих друзей, прошу вас, мне некуда спешить, и так будет приличнее... Ах, вот один из них, кажется, идет!

Действительно, в конце улицы Вожирар в эту минуту показалась гигантская фигура Портоса.

– Как? – воскликнул д'Артаньян. – Ваш первый секундант – господин Портос?

– Да. Это вам почему-нибудь неприятно?

– Нет-нет!

³⁰ **Карл Великий** – Карл I Великий (742–814), король франков, с 800 года – император Запада.

– А вот и второй.

Д'Артаньян повернулся в сторону, куда указывал Атос, и узнал Арамиса.

– Как? – воскликнул он тоном, выразившим еще большее удивление, чем в первый раз. – Ваш второй секундант – господин Арамис?

– Разумеется. Разве вам не известно, что нас никогда не видят друг без друга и что как среди мушкетеров, так и среди гвардейцев, при дворе и в городе нас называют Атос, Портос и Арамис, или трое неразлучных. Впрочем, так как вы прибыли из Дакса или По...

– Из Табра, – поправил д'Артаньян.

– ...вам позволительно не знать этих подробностей.

– Честное слово, – произнес д'Артаньян, – прозвища у вас, милостивые государи, удачные, и история со мной, если только она получит огласку, послужит доказательством, что ваша дружба основана не на различии характеров, а на сходстве их.

Портос в это время, подойдя ближе, движением руки приветствовал Атоса, затем, обернувшись, замер от удивления, как только узнал д'Артаньяна.

Упомянем вскользь, что Портос успел за это время переменить перевязь и скинуть плащ.

– Та-ак... – протянул он. – Что это значит?

– Я дерусь с этим господином, – сказал Атос, указывая на д'Артаньяна рукой и тем же движением как бы приветствуя его.

– Но и я тоже дерусь именно с ним, – заявил Портос.

– Только в час дня, – успокоительно заметил д'Артаньян.

– Но и я тоже дерусь с этим господином, – объявил Арамис в свою очередь, приблизившись к ним.

– Только в два часа, – все так же спокойно сказал д'Артаньян.

– По какому же поводу дерешься ты, Атос? – спросил Арамис.

– Право, затрудняюсь ответить, – сказал Атос. – Он больно толкнул меня в плечо. А ты, Портос?

– А я дерусь просто потому, что дерусь, – покраснев, ответил Портос.

Атос, от которого ничто не могло ускользнуть, заметил тонкую улыбку, скользнувшую по губам гасконца.

– Мы поспорили по поводу одежды, – сказал молодой человек.

– А ты, Арамис?

– Я дерусь из-за несогласия по одному богословскому вопросу, – сказал Арамис, делая знак д'Артаньяну, чтобы тот скрыл истинную причину дуэли.

Атос заметил, что по губам гасконца снова скользнула улыбка.

– Неужели? – переспросил Атос.

– Да, одно место из блаженного Августина³¹, по поводу которого мы не сошлись во мнениях, – сказал д'Артаньян.

«Он, бесспорно, умен», – подумал Атос.

– А теперь, милостивые государи, когда все вы собрались здесь, – произнес д'Артаньян, – разрешите мне принести вам извинения.

При слове «извинения» лицо Атоса затуманилось, по губам Портоса скользнула пренебрежительная усмешка, Арамис же отрицательно покачал головой.

– Вы не поняли меня, господа, – сказал д'Артаньян, подняв голову. Луч солнца в эту минуту, коснувшись его головы, оттенил тонкие и смелые черты его лица. – Я просил у вас извинения на тот случай, если не буду иметь возможности дать удовлетворение всем вам троим. Ведь господин Атос имеет право первым убить меня, и это может лишить меня возможности уплатить свой долг чести вам, господин Портос; обязательство же, выданное вам, госпо-

³¹ Августин, Аврелий (354–430) – религиозный философ, автор сочинений «О граде Божием», «Исповедь» и др.

дин Арамис, превращается почти в ничто. А теперь, милостивые государи, повторяю еще раз: прошу простить меня, но только за это... Не начнем ли мы?

С этими словами молодой гасконец смело выхватил шпагу.

Кровь ударила ему в голову. В эту минуту он готов был обнажить шпагу против всех мушкетеров королевства, как обнажил ее сейчас против Атоса, Портоса и Арамиса.

Было четверть первого. Солнце стояло в зените, и место, избранное для дуэли, было залито его палящими лучами.

– Жарко, – сказал Атос, в свою очередь обнажая шпагу. – А между тем мне нельзя скинуть камзол. Я чувствую, что рана моя кровоточит, и боюсь смутить моего противника видом крови, которую не он пустил.

– Да, сударь, – ответил д'Артаньян. – Но будь эта кровь пущена мною или другими, могу вас уверить, что мне всегда будет больно видеть кровь столь храброго дворянина. Я буду драться, не снимая камзола, как и вы.

– Вот это прекрасно, – воскликнул Портос, – но довольно любезностей! Не забывайте, что мы ожидаем своей очереди...

– Говорите от своего имени, Портос, когда говорите подобные нелепости, – перебил его Арамис. – Что до меня, то все сказанное этими двумя господами, на мой взгляд, прекрасно и вполне достойно двух благородных дворян.

– К вашим услугам, сударь, – проговорил Атос, становясь на свое место.

– Я ждал только вашего слова, – ответил д'Артаньян, скрестив с ним шпагу.

Не успели зазвенеть клинки, как отряд гвардейцев кардинала показался из-за угла монастыря.

Но не успели зазвенеть клинки, коснувшись друг друга, как отряд гвардейцев кардинала под командой г-на де Жюссака показался из-за угла монастыря.

– Гвардейцы кардинала! – в один голос вскричали Портос и Арамис. – Шпаги в ножны, господа! Шпаги в ножны!

Но было уже поздно. Противников застали в позе, не оставлявшей сомнения в их намерениях.

– Эй! – крикнул де Жюссак, шагнув к ним и знаком приказав своим подчиненным последовать его примеру. – Эй, мушкетеры! Вы собрались здесь драться? А как же с эдиктами?

– Вы крайне любезны, господа гвардейцы, – сказал Атос с досадой, так как де Жюссак был участником нападения, имевшего место два дня назад. – Если бы мы застали вас дерущимися, могу вас уверить – мы не стали бы мешать вам. Дайте нам волю, и вы, не затрачивая труда, получите полное удовольствие.

– Милостивые государи, – сказал де Жюссак, – я вынужден, к великому сожалению, объявить вам, что это невозможно. Долг для нас – прежде всего. Вложите шпаги в ножны и следуйте за нами.

– Милостивый государь, – сказал Арамис, передразнивая де Жюссака, – мы с величайшим удовольствием согласились бы на ваше любезное предложение, если бы это зависело от нас. Но, к несчастью, это невозможно: господин де Тревиль запретил нам это. Идите-ка своей дорогой – это лучшее, что вам остается сделать.

Насмешка привела де Жюссака в ярость.

– Если вы не подчинитесь, – воскликнул он, – мы вас арестуем!

– Их пятеро, – вполголоса заметил Атос, – а нас только трое. Мы снова потерпим поражение, или нам придется умереть на месте, ибо объявляю вам: побежденный, я не покажусь на глаза капитану.

Атос, Портос и Арамис в то же мгновение пододвинулись друг к другу, а де Жюссак поспешил выстроить своих солдат. Этой минуты было достаточно для д'Артаньяна: он решил. Произошло одно из тех событий, которые определяют судьбу человека. Ему предсто-

яло выбрать между королем и кардиналом, и, раз выбрав, он должен будет держаться избранного. Вступить в бой – значило не подчиниться закону, значило рискнуть головой, значило стать врагом министра, более могущественного, чем сам король. Все это молодой человек понял в одно мгновение. И к чести его мы должны сказать: он ни на секунду не заколебался.

– Господа, – сказал он, обращаясь к Атосу и его друзьям, – разрешите мне поправить вас. Вы сказали, что вас трое; но мне кажется, что нас четверо.

– Но вы не мушкетер, – возразил Портос.

– Это правда, – согласился д'Артаньян, – на мне нет одежды мушкетера, но душой я мушкетер. Сердце мое – сердце мушкетера. Я чувствую это и действую как мушкетер.

– Отойдите, молодой человек! – крикнул де Жюссак, который по жестам и выражению лица д'Артаньяна, должно быть, угадал его намерения. – Вы можете удалиться, мы не возражаем. Спасайте свою шкуру! Торопитесь!

Д'Артаньян не двинулся с места.

– Вы в самом деле славный малый, – сказал Атос, пожимая ему руку.

– Скорей, скорей, решайтесь! – крикнул де Жюссак.

– Скорей, – заговорили Портос и Арамис, – нужно что-то предпринять.

– Этот молодой человек исполнен великодушия, – произнес Атос.

Но всех троих тревожила молодость и неопытность д'Артаньяна.

– Нас будет трое, из которых один раненый, и в придачу юноша, почти ребенок, а скажут, что нас было четверо.

– Да, но отступить!.. – воскликнул Портос.

– Это невозможно, – сказал Атос.

Д'Артаньян понял причину их нерешительности.

– Милостивые государи, – сказал он, – испытайте меня, и клянусь вам честью, что я не уйду с этого места, если мы будем побеждены!

– Как ваше имя, храбрый юноша? – спросил Атос.

– Д'Артаньян, сударь.

– Итак: Атос, Портос, Арамис, д'Артаньян! Вперед! – крикнул Атос.

– Ну как же, государи мои, – осведомился де Жюссак, – соблаговолите вы решиться наконец?

– Все решено, сударь, – ответил Атос.

– Каково же решение? – спросил де Жюссак.

– Мы будем иметь честь атаковать вас, – произнес Арамис, одной рукой приподняв шляпу, другой обнажая шпагу.

– Вот как... вы сопротивляетесь! – воскликнул де Жюссак.

– Тысяча чертей! Вас это удивляет?

И все девять сражающихся бросились друг на друга с яростью, не исключавшей, впрочем, известной обдуманности действий.

Атос бился с неким Каюзаком, любимцем кардинала, на долю Портоса выпал Бикара, тогда как Арамис оказался лицом к лицу с двумя противниками.

Что же касается д'Артаньяна, то его противником оказался сам де Жюссак.

Сердце молодого гасконца билось столь сильно, что готово было разорвать ему грудь. Видит Бог, не от страха – он и тени страха не испытывал, – а от возбуждения. Он дрался, как разъяренный тигр, носясь вокруг своего противника, двадцать раз меняя тактику и местоположение. Жюссак был, по тогдашнему выражению, «мастер клинка», и притом многоопытный. Тем не менее он с величайшим трудом оборонялся против своего гибкого и ловкого противника, который, ежеминутно пренебрегая общепринятыми правилами, нападал одновременно со всех сторон, в то же время парируя удары, как человек, тщательно оберегающий свою кожу.

Эта борьба в конце концов вывела де Жюссак из терпения. Разъяренный тем, что ему не удается справиться с противником, которого он считал юнцом, он разгорячился и начал делать ошибку за ошибкой. Д'Артаньян, не имевший большого опыта, но зато помнивший теорию, удвоил быстроту движений. Жюссак, решив покончить с ним, сделал резкий выпад, стремясь нанести противнику страшный удар. Но д'Артаньян ловко отпарировал, и, в то время как Жюссак выпрямлялся, гасконец, словно змея, ускользнул из-под его руки и насквозь пронзил его своей шпагой. Жюссак рухнул как подкошенный.

Освободившись от своего противника, д'Артаньян быстрым и тревожным взглядом окинул поле битвы.

Арамис успел уже покончить с одним из своих противников, но второй сильно теснил его. Все же положение Арамиса было благоприятно, и он мог еще защищаться.

Бикара и Портос ловко орудовали шпагами. Портос был уже ранен в предплечье, Бикара – в бедро. Ни та, ни другая рана не угрожала жизни, и оба они с еще большим ожесточением продолжали изощряться в искусстве фехтования.

Атос, вторично раненный Каюзак, с каждым мгновением все больше бледнел, но не отступал ни на шаг. Он только переложил шпагу в другую руку и теперь дрался левой.

Д'Артаньян, согласно законам дуэли, принятым в те времена, имел право поддержать одного из сражающихся. Остановившись в нерешительности и не зная, кому больше нужна его помощь, он вдруг уловил взгляд Атоса. Этот взгляд был мучительно красноречив. Атос скорее бы умер, чем позвал на помощь. Но взглянуть он мог и взглядом мог попросить о поддержке. Д'Артаньян понял и, рванувшись вперед, сбоку обрушился на Каюзака:

– Ко мне, господин гвардеец! Я убью вас!

Каюзак обернулся. Помощь подоспела вовремя. Атос, которого поддерживало только его неслыханное мужество, опустился на одно колено.

– Проклятие! – крикнул он. – Не убивайте его, молодой человек. Я должен еще свести с ним старый счет, когда поправлюсь и буду здоров. Обезоружьте его, выбейте шпагу... Вот так... Отлично! Отлично!

Это восклицание вырвалось у Атоса, когда он увидел, как шпага Каюзака отлетела на двадцать шагов. Д'Артаньян и Каюзак одновременно бросились за ней: один – чтобы вернуть ее себе, другой – чтобы завладеть ею. Д'Артаньян, более проворный, добежал первый и наступил ногой на лезвие.

Каюзак бросился к гвардейцу, которого убил Арамис, схватил его рапиру и собирался вернуться к д'Артаньяну, но по пути наскочил на Атоса, успевшего за эти короткие мгновения перевести дух. Опасаясь, что д'Артаньян убьет, его врага, Атос желал возобновить бой.

Д'Артаньян понял, что помешать ему – значило бы обидеть Атоса. И действительно, через несколько секунд Каюзак упал: шпага Атоса вонзилась ему в горло.

В это же самое время Арамис приставил конец шпаги к груди поверженного им противника, заставив его признать себя побежденным.

Оставались Портос и Бикара. Портос дурачился, спрашивая у Бикара, который, по его мнению, может быть час, и поздравляя его с ротой, которую получил его брат в Наваррском полку. Но все его насмешки не вели ни к чему: Бикара был один из тех железных людей, которые падают только мертвыми.

Между тем пора было кончать. Могла появиться стража и арестовать всех участников дуэли – и здоровых и раненых, роялистов и кардиналистов. Атос, Арамис и д'Артаньян окружили Бикара, предлагая ему сдаться. Один против всех, раненный в бедро, Бикара все же отказался. Но Жюссак, приподнявшись на локте, крикнул ему, чтоб он сдавался. Бикара был гасконец, как и д'Артаньян. Он остался глух и только засмеялся. Продолжая драться, он между двумя выпадами концом шпаги указал точку на земле.

– Здесь... – произнес он, пародируя слова Библии, – здесь умрет Бикара, один из всех, иже были с ним.

– Но ведь их четверо против тебя одного. Сдайся, приказываю тебе!

– Раз ты приказываешь, дело другое, – сказал Бикара. – Ты мой командир, и я должен повиноваться...

И, внезапно отскочив назад, он переломил пополам свою шпагу, чтобы не отдать ее противнику. Перекинув через стену монастыря обломки, он скрестил на груди руки, насвистывая какую-то кардиналистскую песенку.

Мужество всегда вызывает уважение, даже если это мужество врага. Мушкетеры отсалютовали смелому гвардейцу своими шпагами и спрятали их в ножны. Д'Артаньян последовал их примеру, а затем, с помощью Бикара, единственного из гвардейцев оставшегося на ногах, он отнес к крыльцу монастыря Жюссака, Каюзака и того из противников Арамиса, который был только ранен. Четвертый гвардеец, как мы уже говорили, был убит. Затем, позвонив в колокол у входа и унося с собой четыре шпаги из пяти, опьяненные радостью, они двинулись к дому г-на де Тревиля.

Они шли, держась под руки и занимая всю ширину улицы, заговаривая со всеми встречавшимися им мушкетерами, так что в конце концов это стало похоже на триумфальное шествие. Д'Артаньян был в упоении. Он шагал между Атосом и Портосом, с любовью обнимая их.

– Если я еще не мушкетер, – произнес он на пороге дома де Тревиля, обращаясь к своим новым друзьям, – я все же могу уже считать себя принятым в ученики, не правда ли?

VI. Его величество король Людовик XIII

История эта наделала много шума. Г-н де Тревиль вслух бранил своих мушкетеров и втихомолку поздравлял их. Нельзя было, однако, терять время: следовало немедленно предупредить короля, и г-н де Тревиль поспешил в Лувр. Но было уже поздно: король сидел, запершись с кардиналом. Де Тревилю было сказано, что король занят и никого сейчас принять не может. Тревиль явился вечером, в час, когда король играл в карты. Король был в выигрыше, и так как его величество отличался чрезвычайной скупостью, то находился по этому случаю в прекрасном расположении духа.

– Подойдите-ка сюда, господин капитан! – закричал он, еще издали заметив де Тревиля. – Подойдите, чтобы я мог хорошенько выбрать вас. Известно ли вам, что его высокопреосвященство явился ко мне с жалобой на ваших мушкетеров и так волновался, что после разговора даже слег в постель? Да что же это – головорезы, черти какие-то ваши мушкетеры?

– Нет, ваше величество, – ответил де Тревиль, с первых слов поняв, какой оборот примет дело. – Нет, как раз напротив: это добрейшие создания, кроткие, как агнцы, и стремящиеся, ручаюсь вам, только к одному – чтобы шпаги их покидали ножны лишь для службы вашему величеству. Но что поделаешь: гвардейцы господина кардинала всюду придираются к ним, и бедные молодые люди вынуждены защищаться, хотя бы во имя чести своего полка.

– Послушайте, господин де Тревиль! – воскликнул король. – Послушайте! Можно подумать, что речь идет о какой-то монашеской общине. В самом деле, дорогой мой капитан, у меня является желание лишить вас капитанского чина и пожаловать им мадемуазель де Шемро, которую я обещал сделать настоятельницей монастыря. Но не воображайте, что я поверю вам на слово. Меня, господин де Тревиль, называют Людовиком Справедливым, и вот мы сейчас увидим...

– Именно потому, что я полагаюсь на эту справедливость, я терпеливо и с полным спокойствием буду ждать решения вашего величества.

– Подождите, подождите, – сказал король. – Я недолго заставлю вас ждать.

Счастье в игре к этому времени начало изменять королю: он стал проигрывать и был не прочь – да простят нам такое выражение – увильнуть. Через несколько минут король поднялся и, пряча в карман деньги, лежавшие перед ним на столе и почти целиком выигранные им, сказал:

– Ла Вьевиль, займите мое место. Мне нужно поговорить с господином де Тревилем о важном деле... Ах да, тут у меня лежало восемьдесят луи – поставьте столько же, чтобы пострадавшие не пострадали. Справедливость – прежде всего!

Затем он повернулся к де Тревилю.

– Итак, сударь, – заговорил он, направляясь с ним к одному из окон, – вы утверждаете, что именно гвардейцы его высокопреосвященства затеяли ссору с вашими мушкетерами?

– Да, ваше величество, как и всегда.

– Как же все это произошло? Расскажите. Ведь вам, наверное, известно, дорогой мой капитан, что судья должен выслушать обе стороны.

– Господи Боже мой! Все это произошло как нельзя более просто. Трое лучших моих солдат – имена их хорошо известны вашему величеству, имевшему не раз случай оценить их верность, а они, могу уверить ваше величество, всей душой преданы своей службе, – итак, трое моих солдат, господа Атос, Портос и Арамис, собирались на прогулку вместе с одним молодым гасконцем, которого я как раз сегодня утром поручил их вниманию. Они собирались, если не ошибаюсь, в Сен-Жермен и местом встречи назначили поляну около монастыря Дешо. Внезапно откуда-то появился господин де Жюссак в сопровождении господина Каюзака, Бикара

и еще двух гвардейцев. Эти господа пришли сюда такой многочисленной компанией, по-видимому, не без намерения нарушить указы.

– Так, так, я только сейчас понял, – сказал король. – Они сами собирались здесь драться на дуэли?

– Я не обвиняю их, ваше величество, но ваше величество сами можете посудить: с какой целью пятеро вооруженных людей могут отправиться в такое уединенное место, как окрестности монастыря кармелиток?

– Вы правы, Тревиль, вы правы!

– Но, увидев моих мушкетеров, они изменили намерение, и личная вражда уступила место вражде между полками. Вашему величеству ведь известно, что мушкетеры, преданные королю, и только королю, – исконные враги гвардейцев, преданных господину кардиналу?

– Да, Тревиль, да, – с грустью произнес король. – Очень печально видеть во Франции это разделение на два лагеря. Очень печально, что у королевства две головы. Но все это кончится, Тревиль, все это кончится... Итак, вы говорите, что гвардейцы затеяли ссору с мушкетерами?

– Я говорю, что дело, вероятно, произошло именно так. Но ручаться не могу. Вы знаете, как трудно установить истину. Для этого нужно обладать той необыкновенной проницательностью, благодаря которой Людовик Тринадцатый прозван Людовиком Справедливым.

– Вы правы, Тревиль. Но мушкетеры ваши были не одни. С ними был юноша, почти ребенок.

– Да, ваше величество, и один раненый, так что трое королевских мушкетеров, из которых один был ранен, и с ними один мальчик устояли против пятерых самых прославленных гвардейцев господина кардинала и даже уложили четверых из них.

– Да ведь это победа! – воскликнул король, просяив, – Полная победа!

– Да, ваше величество, столь же полная, как у Сэ³².

– Четыре человека, из которых один раненый и один почти ребенок, сказали вы?

– Едва ли его можно назвать даже молодым человеком. Но вел он себя во время этого столкновения так великолепно, что я возьму на себя смелость рекомендовать его вашему величеству. – Как его зовут?

– Д'Артаньян, ваше величество. Это сын одного из моих самых старых друзей. Сын человека, который вместе с отцом вашего величества участвовал в войне добровольцем.

– И вы говорите, что этот юноша хорошо держался? Расскажите мне это поподробнее, Тревиль: вы ведь знаете, что я люблю рассказы о войнах и сражениях.

И король Людовик XIII, гордо откинувшись, покрутил ус.

– Ваше величество, – продолжал де Тревиль, – как я уже говорил, господин д'Артаньян – еще почти мальчик и, не имея чести состоять в мушкетерах, был одет как горожанин. Гвардейцы господина кардинала, приняв во внимание его крайнюю молодость и особенно то, что он не принадлежит к полку, предложили ему удалиться, раньше чем они произведут нападение...

– Вот видите, Тревиль, – перебил его король, – первыми напали они.

– Совершенно верно, ваше величество, сомнений в этом нет. Итак, они предложили ему удалиться, но он ответил, что он мушкетер душой, всецело предан вашему величеству и, следовательно, остается с господами мушкетерами.

– Славный юноша! – прошептал король.

– Он действительно остался с ними, и ваше величество приобрели прекрасного воина, ибо это он нанес господину де Жюссаку тот страшный удар шпагой, который приводит в такое бешенство господина кардинала.

³² ...победа... столь же полная, как у Сэ. – Речь идет о столкновении в 1620 году между армией короля и войсками мятежных феодалов, засевших в Анжере. В политических целях успеху королевских войска придавали характер шумной победы.

– Это он ранил Жюссака? – воскликнул король. – Он? Мальчик? Это невозможно, Тревиль!

– Все произошло так, как я имел честь доложить вашему величеству.

– Жюссак – один из лучших фехтовальщиков во всей Франции!

– Что ж, ваше величество, он наскочил на противника, превосходящего его.

– Я хочу видеть этого юношу, Тревиль, я хочу его видеть, и если можно сделать для него что-нибудь, то мы займемся этим.

– Когда ваше величество соблаговолит принять его?

– Завтра в полдень, Тревиль.

– Привести его одного?

– Нет, приведите всех четверых вместе. Я хочу поблагодарить их всех одновременно.

Преданные люди встречаются не часто, Тревиль, и преданность заслуживает награды.

– В полдень, ваше величество, мы будем в Лувре.

– С малого подъезда, Тревиль, с малого подъезда. Кардиналу незачем знать.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Вы понимаете, Тревиль: указ – это все-таки указ. Ведь драться, в конце концов, запрещено.

– Но это столкновение, ваше величество, совершенно выходит за обычные рамки дуэли. Это стычка, и лучшее доказательство – то, что их было пятеро, гвардейцев кардинала, против трех моих мушкетеров и господина д'Артаньяна.

– Правильно, – сказал король. – Но все-таки, Тревиль, приходите с малого подъезда.

Тревиль улыбнулся. Он добился того, что дитя возмутилось против своего учителя, и это было уже много. Он почтительно склонился перед королем и, испросив его разрешения, удалился.

В тот же вечер все три мушкетера были уведомлены о чести, которая им будет оказана. Давно уже зная короля, они не слишком были взволнованы. Но д'Артаньян, при своем воображении гасконца, увидел в этом событии предзнаменование будущих успехов и всю ночь рисовал себе самые радужные картины. В восемь часов утра он уже был у Атоса.

Д'Артаньян застал мушкетера одетым и готовым к выходу. Так как прием у короля был назначен на полдень, Атос условился с Портосом и Арамисом отправиться в кабачок около люксембургских конюшен и поиграть там в мяч. Он пригласил д'Артаньяна пойти вместе с ними, и тот согласился, хотя и не был знаком с этой игрой. Было всего около девяти часов утра, и он не знал, куда девать время до двенадцати.

Портос и Арамис были уже на месте и перекидывались для забавы мячом. Атос, отличавшийся большой ловкостью во всех физических упражнениях, встал с д'Артаньяном по другую сторону площадки и предложил им сразиться. Но при первом же движении, хоть он и играл левой рукой, он понял, что рана его еще слишком свежа для такого упражнения. Д'Артаньян, таким образом, остался один, и так как он предупредил, что еще слишком неопытен для игры по всем правилам, то два мушкетера продолжали только перекидываться мячом, не считая очков. Один из мячей, брошенных мощной рукой Портоса, пролетая, чуть не коснулся лица д'Артаньяна, и юноша подумал, что, если бы мяч не пролетел мимо, а попал ему в лицо, аудиенция, вероятно, не могла бы состояться, так как он не был бы в состоянии явиться во дворец. А ведь от этой аудиенции, как представлялось его гасконскому воображению, зависело все его будущее. Он учтиво поклонился Портосу и Арамису и сказал, что продолжит игру, когда окажется способным помериться с ними силой. С этими словами он отошел за веревку, заняв место среди зрителей.

К несчастью для д'Артаньяна, среди зрителей находился один из гвардейцев его высокопреосвященства. Вzbешенный поражением, которое всего только накануне понесли его товарищи, гвардеец этот поклялся себе отомстить за них. Случай показался ему подходящим.

– Неудивительно, – проговорил он, обращаясь к своему соседу, – что этот юноша испугался мяча. Это, наверное, ученик мушкетеров.

Д'Артаньян обернулся так круто, словно его ужалила змея, и в упор поглядел на гвардейца, который произнес эти дерзкие слова.

– В чем дело? – продолжал гвардеец, с насмешливым видом покручивая ус. – Глядите на меня сколько хотите, милейший: я сказал то, что сказал.

– А так как сказанное вами слишком ясно и не требует объяснений, – ответил д'Артаньян, – я попрошу вас следовать за мной.

– Когда именно? – спросил гвардеец все тем же насмешливым тоном.

– Сию же минуту, прошу вас.

– Вам, надеюсь, известно, кто я такой?

– Мне это совершенно неизвестно и к тому же безразлично.

– Напрасно! Возможно, что, узнав мое имя, вы не так бы спешили.

– Как же вас зовут?

– Бернажу, к вашим услугам.

– Итак, господин Бернажу, – спокойно ответил д'Артаньян, – я буду ждать вас у выхода.

– Идите, сударь. Я следую за вами.

– Не проявляйте излишней поспешности, сударь, что бы никто не заметил, что мы вышли вместе. Для того дела, которым мы займемся, нам не нужны лишние свидетели.

– Хорошо, – согласился гвардеец, удивленный, что его имя не произвело должного впечатления.

Имя Бернажу в самом деле было известно всем, за исключением разве только одного д'Артаньяна. Ибо это было имя участника чуть ли не всех столкновений и схваток, происходивших ежедневно, невзирая на все указы короля и кардинала.

Портос и Арамис были так увлечены игрой, Атос же так внимательно наблюдал за ними, что никто из них даже и не заметил ухода молодого человека, который, как он обещал гвардейцу кардинала, остановился на пороге. Через несколько минут гвардеец последовал за ним. Д'Артаньян торопился, боясь опоздать на прием к королю, назначенный в полдень. Оглянувшись вокруг, он увидел, что улица пуста.

– Честное слово, – произнес он, обращаясь к своему противнику, – вам повезло, хоть вы и называетесь Бернажу! Вы наскочили только на ученика-мушкетера. Впрочем, не беспокойтесь: я сделаю все, что могу. Защищайтесь!

– Мне кажется... – сказал гвардеец, которому д'Артаньян бросил вызов, – мне кажется, что место выбрано неудачно. Нам было бы удобнее где-нибудь за Сен-Жерменским аббатством или на Пре-о-Клер.

– Слова ваши вполне благоразумны, – сказал д'Артаньян. – К сожалению, у меня очень мало времени. Ровно в двенадцать у меня назначено свидание. Поэтому защищайтесь, сударь, защищайтесь!

Бернажу был не таков, чтобы ему дважды нужно было повторять подобное приглашение. В тот же миг шпага блеснула в его руке, и он ринулся на противника, которого он, принимая во внимание его молодость, рассчитывал припугнуть.

Но д'Артаньян накануне уже прошел хорошую школу. Весь еще трепеща от сознания победы, гордясь ожидаемой милостью, он был полон решимости ни на шаг не отступить. Шпаги, зазвенев, скрестились. Д'Артаньян держался твердо, и противник был вынужден отступить на шаг. Воспользовавшись тем, что при этом движении шпага Бернажу несколько отклонилась, д'Артаньян, высвободив свою шпагу, бросился вперед и коснулся острием плеча противника. Д'Артаньян немедленно отступил на шаг, подняв вверх шпагу. Но Бернажу крикнул ему, что это пустяки, и, смело ринувшись вперед, сам наскочил на острие шпаги д'Артаньяна. Тем не менее, так как он не падал и не признавал себя побежденным, а только отступал в сто-

рону особняка г-на де Ла Тремуля, где служил один из его родственников, д'Артаньян, не имея понятия, насколько опасна последняя нанесенная им противнику рана, упорно его теснил и, возможно, прикончил бы. Однако шум, доносившийся с улицы, был услышан в помещении, где играли в мяч. Двое из друзей гвардейца, заметившие, как их друг обменялся несколькими словами с д'Артаньяном, а затем вышел вслед за ним, выхватив шпаги, выбежали из помещения и напали на победителя. Но в то же мгновение Атос, Портос и Арамис, в свою очередь, показались на пороге и, накинувшись на двух гвардейцев, атаковавших их молодого друга, заставили нападавших повернуться к ним лицом. В этот миг Бернажу упал, и гвардейцы, которых оказалось двое против четырех, подняли крик:

– На помощь, люди де Ла Тремуля!

На этот призыв из дома де Ла Тремуля высыпали все, кто там находился, и бросились на четырех мушкетеров.

Но тут и мушкетеры, в свою очередь, бросили боевой клич:

– На помощь, мушкетеры!

На этот крик всегда отзывались. Все знали, что мушкетеры – враги его высокопреосвященства, и они пользовались любовью за эту вражду к кардиналу. Поэтому гвардейцы других полков, не служившие «Красному герцогу», как прозвал его Арамис, при таких столкновениях принимали сторону королевских мушкетеров. Мимо как раз проходили трое гвардейцев из полка г-на Дезэссара, и двое из них ринулись на помощь четверем товарищам, тогда как третий помчался к дому де Тревиля, громко крича:

– На помощь, мушкетеры! На помощь!

Как и всегда, двор дома г-на де Тревиля был полон солдат его полка, которые и бросились на поддержку своих товарищей. Получилась всеобщая свалка, но перевес был на стороне мушкетеров. Гвардейцы кардинала и люди г-на де Ла Тремуля отступили во двор дома, едва успев захлопнуть за собой ворота, чтобы помешать противнику ворваться вместе с ними. Раненый Бернажу в тяжелом состоянии был уже до этого унесен в дом.

Возбуждение среди мушкетеров и их союзников дошло до предела, и уже возникал вопрос, не следует ли поджечь дом в отместку за то, что люди де Ла Тремуля осмелились напасть на королевских мушкетеров, брошенное кем-то, это предложение было принято с восторгом, но, к счастью, пробило одиннадцать часов. Д'Артаньян и его друзья вспомнили об аудиенции и, опасаясь, что такую великолепную шутку разыграют без их участия, постарались успокоить эти буйные головы. Несколько камней все же ударились в ворота. Но ворота были крепкие. Это немного охладило толпу. Кроме того, вожаки успели отделиться от толпы и направлялись к дому де Тревиля, который ожидал их, уже осведомленный о случившемся.

– Скорее в Лувр! – сказал он. – В Лувр, не теряя ни минуты, и постараемся увидаться с королем раньше, чем его успеет предупредить кардинал. Мы представим ему это дело как продолжение вчерашнего, и оба сойдут за одно.

Г-н де Тревиль в сопровождении четырех приятелей поспешил к Лувру. Но там, к великому удивлению капитана мушкетеров, ему было сообщено, что король отправился на охоту за оленем в Сен-Жерменский лес. Г-н де Тревиль заставил дважды повторить эту новость и с каждым разом все больше хмурился.

– Его величество еще вчера решил отправиться на охоту? – спросил он.

– Нет, ваше превосходительство, – ответил камердинер. – Сегодня утром главный егерь доложил ему, что ночью для него окружили оленя. Король сначала ответил, что не поедет, затем, не в силах отказаться от такого удовольствия, он все же поехал.

– Король до отъезда виделся с кардиналом? – спросил г-н де Тревиль.

– По всей вероятности, да, – ответил камердинер. – Сегодня утром я видел у подъезда запряженную карету его высокопреосвященства. Я спросил, куда он собирается, и мне ответили: в Сен-Жермен.

– Нас опередили, – сказал де Тревиль. – Сегодня вечером, господа, я увижу короля. Что же касается вас, то вам я не советую показываться ему на глаза.

Совет был благоразумный, а главное, исходил от человека, так хорошо знавшего короля, что четыре приятеля и не пытались с ним спорить. Г-н де Тревиль предложил им разойтись по домам и ждать от него дальнейших известий.

Вернувшись домой, де Тревиль подумал, что следовало поспешить и первым подать жалобу. Он послал одного из слуг к г-ну де Ла Тремулю с письмом, в котором просил его изгнать из своего дома гвардейца, состоящего на службе кардинала, и сделать выговор своим людям за то, что они осмелились напасть на мушкетеров. Г-н де Ла Тремуль, уже предупрежденный своим конюшим, родственником которого, как известно, был Бернажу, ответил, что ни г-ну де Тревилю, ни его мушкетерам не подобало жаловаться, а что, наоборот, жаловаться должен был бы он, ибо мушкетеры атаковали его слуг и собирались даже поджечь его дом. Спор между этими двумя вельможами мог затянуться надолго, и каждый из них, разумеется, стоял бы на своем, но де Тревиль придумал выход, который должен был все уяснить. Он решил лично отправиться к г-ну де Ла Тремулю.

Подъехав к дому г-на де Ла Тремуля, он приказал доложить о себе.

Вельможи учтиво раскланялись. Хотя и не будучи связаны узами дружбы, они все же питали взаимное уважение. Оба они были люди чести и большой души. И так как де Ла Тремуль, будучи протестантом, редко бывал при дворе и поэтому не принадлежал ни к какой партии, он обычно в свои отношения к людям не вносил предубеждений. На этот раз все же де Тревиль был принят хотя и учтиво, но холоднее, чем всегда.

– Сударь, – проговорил капитан мушкетеров, – оба мы считаем себя обиженными, и я явился к вам, чтобы вместе с вами выяснить все обстоятельства этого дела.

– Пожалуйста, – ответил де Ла Тремуль, – но предупреждаю вас, что я хорошо осведомлен, и вся вина на стороне ваших мушкетеров.

– Вы, сударь, человек слишком рассудительный и справедливый, чтобы отказаться от предложения, с которым я прибыл к вам.

– Прошу вас, сударь, я слушаю.

– Как себя чувствует господин Бернажу, родственник вашего конюшего?

– Ему очень плохо, сударь. Кроме раны в предплечье, которая не представляет ничего опасного, ему нанесен был и второй удар, задевший легкое. Лекарь почти не надеется на выздоровление.

– Раненый в сознании?

– Да, в полном сознании.

– Он может говорить?

– С трудом, но говорит.

– Так вот, сударь, пойдемте к нему и именем Бога, перед которым ему, может быть, суждено скоро предстать, будем заклинять его сказать правду. Пусть он станет судьей в своем собственном деле, сударь, и я поверю всему, что он скажет.

Г-н де Ла Тремуль на мгновение задумался, но, решив, что трудно сделать более разумное предложение, сразу же согласился.

Оба они спустились в комнату, где лежал раненый. При виде этих знатных господ, пришедших навестить его, больной попробовал приподняться на кровати, но был так слаб, что, утомленный сделанным усилием, повалился назад, почти потеряв сознание.

Г-н де Ла Тремуль подошел к нему и поднес к его лицу флакон с солью, которая и привела его в чувство. Тогда г-н де Тревиль, не желавший, чтобы его обвинили в воздействии на больного, предложил де Ла Тремулю самому расспросить раненого.

Все произошло так, как и предполагал г-н де Тревиль. Находясь между жизнью и смертью, Бернажу не мог скрыть истину. И он рассказал все так, как оно произошло на самом деле.

Только к этому и стремился де Тревиль. Он пожелал Бернажу скорейшего выздоровления, простился с де Ла Тремулем, вернулся к себе домой и немедленно же послал сказать четырём друзьям, что ожидает их к обеду.

У г-на де Тревиля собиралось самое лучшее общество – сплошь противники кардинала, кстати сказать. Понятно поэтому, что разговор в течение всего обеда вертелся вокруг двойного поражения, понесенного гвардейцами его высокопреосвященства. А так как д'Артаньян был героем обоих сражений, то именно на него посыпались все хвалы, которые Атос, Портос и Арамис рады были уступить ему не только как добрые товарищи, но и как люди, которых превозносили настолько часто, что они на этот раз могли отказаться от своей доли.

Около шести часов де Тревиль объявил, что пора отправляться в Лувр. Но так как час, назначенный для аудиенции, миновал, он уже не испрашивал разрешения пройти с малого подъезда, а вместе с четырьмя своими спутниками занял место в приемной. Король еще не возвращался с охоты.

Наши молодые друзья ждали уже около получаса, как вдруг все двери распахнулись и было возвещено о прибытии его величества. Д'Артаньян затрепетал. Следующие минуты, по всей видимости, должны были решить всю его дальнейшую судьбу. Затаив дыхание, он впился взором в дверь, в которую должен был войти король.

Людвик XIII показался на пороге. Он опередил своих спутников. Король был в совершенно запыленном охотничьем костюме и в ботфортах. В руках у него была плетень. С первого же взгляда д'Артаньян понял, что не миновать грозы.

Как ни ясно было, что король не в духе, придворные все же выстроились вдоль его пути: в королевских приемных предпочитают попасть под гневный взгляд, чем вовсе не удостоиться взгляда. Все три мушкетера поэтому, не колеблясь, шагнули вперед, в то время как д'Артаньян, наоборот, постарался укрыться за их спинами. Но, хотя король знал в лицо Атоса, Портоса и Арамиса, он прошел мимо, даже не взглянув на них, не заговорив, словно никогда их не видел. Что же касается де Тревиля, то он, когда взгляд короля остановился на нем, с такой твердостью выдержал этот взгляд, что король поневоле отвел глаза. Вслед за этим его величество, произнеся какие-то нечленораздельные звуки, проследовал в свои апартаменты.

– Дела плохи, – с улыбкой произнес Атос. – И не сегодня еще нас пожалуют в кавалеры ордена.

– Подождите здесь десять минут, – сказал г-н де Тревиль. – И, если я к этому времени не вернусь, отправляйтесь ко мне домой: дальнейшее ожидание будет бесполезно.

Четверо друзей прождали десять минут, четверть часа, двадцать минут. Видя, что де Тревиль не появляется, они удалились, очень встревоженные.

Г-н де Тревиль между тем смело вошел в кабинет короля и застал его величество в самом дурном расположении духа. Король сидел в кресле, похлопывая рукояткой бича по ботфортам. Де Тревиль, не смущаясь, спокойно осведомился о состоянии его здоровья.

– Плохо, сударь, я чувствую себя плохо, – ответил король. – Мне скучно.

Это действительно была одна из самых тяжелых болезней Людовика XIII. Случалось, он уводил кого-нибудь из своих приближенных к окну и говорил ему: «Скучно, сударь! Давайте поскучаем вместе».

– Как! – воскликнул де Тревиль. – Ваше величество скучаете? Разве ваше величество не наслаждались сегодня охотой?

– Удовольствие, нечего сказать! – пробурчал король. – Все вырождается, клянусь душой! Не знаю уж, дичь ли не оставляет больше следов, собаки ли потеряли чутье. Мы травим мате-рого оленя, шесть часов преследуем его, и, когда мы почти загнали его и Сен-Симон уже подносит к губам рог, чтобы протрубить победу, вдруг свора срывается в сторону и бросается за каким-то одногодком. Вот увидите, мне придется отказаться от травли, как я отказался от

соколиной охоты. Ах, господин де Тревиль, я несчастный король! У меня оставался всего один крик, и тот третьего дня околел.

– В самом деле, ваше величество, мне понятно ваше отчаяние: несчастье велико. Но, кажется, у вас осталось довольно много соколов, ястребов и других ловчих птиц?

– И никого, кто мог бы обучить их. Сокольничие вымирают. Я один еще владею искусством соколиной охоты. После меня все будет кончено. Будут охотиться с помощью капканов, западней и силков! Если бы только мне успеть подготовить учеников... Но нет, господин кардинал не дает мне ни минуты покоя, твердит об Испании, твердит об Австрии, твердит об Англии!.. Да, кстати о кардинале: господин де Тревиль, я вами недоволен.

Де Тревиль только этого и ждал. Он давно знал короля и понял, что все его жалобы служат лишь предисловием, чем-то вроде возбуждающего средства, в котором он черпает решимость. Только теперь он заговорит о том, о чем готовился заговорить.

– В чем же я имел несчастье провиниться перед вашим величеством? – спросил де Тревиль, изображая на лице величайшее удивление.

– Так-то вы выполняете ваши обязанности, сударь? – продолжал король, избегая прямого ответа на слова де Тревиля. – Разве для того я назначил вас капитаном мушкетеров, чтобы ваши подчиненные убивали людей, чтобы они подняли на ноги целый квартал и чуть не сожгли весь Париж? И вы ни словом не заикаетесь об этом! Впрочем, – продолжал король, – я, верно, напрасно сетую на вас. Виновные, вероятно, уже за решеткой, и вы явились доложить мне, что над ними учинен суд.

– Нет, ваше величество, – спокойно ответил де Тревиль, – я как раз пришел просить суда у вас.

– Над кем же? – воскликнул король.

– Над клеветниками, – сказал де Тревиль.

– Вот это новость! – воскликнул король. – Не станете ли вы отрицать, что ваши три проклятых мушкетера, эти Атос, Портос и Арамис, вместе с этим беарнским молодцом как бешеные накинулись на несчастного Бернажу и отделали его так, что он сейчас, верно, уж близок к последнему издыханию? Не станете ли вы отрицать, что они вслед за этим осадили дом герцога де Ла Тремуля и собирались поджечь его – пусть в дни войны, это было бы не так уж плохо, ибо дом этот – настоящее гнездо гугенотов, но в мирное время это могло бы послужить крайне дурным примером для других. Так вот, скажите: не собираетесь ли вы все это отрицать?

– И кто же рассказал вашему величеству эту сказку? – все так же сдержанно произнес де Тревиль.

– Кто рассказал, сударь? Кто же, как не тот, кто бодрствует, когда я сплю, кто трудится, когда я забавляюсь, кто правит всеми делами внутри страны и за ее пределами – во Франции и в Европе?

– Его величество, по всей вероятности, подразумевает Господа Бога, – произнес де Тревиль, – ибо в моих глазах только Бог может стоять так высоко над вашим величеством.

– Нет, сударь, я имею в виду опору королевства, моего единственного слугу, единственного друга – господина кардинала.

– Господин кардинал – это еще не его святейшество.

– Что вы хотите сказать, сударь?

– Что непогрешим лишь один папа и что эта непогрешимость не распространяется на кардиналов.

– Вы хотите сказать, что он обманывает, что он предает меня? Следовательно, вы обвиняете его? Ну, скажите прямо, признайтесь, что вы обвиняете его!

– Нет, ваше величество. Но я говорю, что сам он обманут. Я говорю, что ему сообщили ложные сведения. Я говорю, что он поспешил обвинить мушкетеров вашего величества, к которым он несправедлив, и что черпал он сведения из дурных источников.

– Обвинение исходит от господина де Ла Тремуля, от самого герцога.

– Я мог бы ответить, ваше величество, что герцог слишком близко принимает к сердцу это дело, чтобы можно было положиться на его беспристрастие. Но я далек от этого, ваше величество. Я знаю герцога как благородного и честного человека и готов положиться на его слова, но только при одном условии...

– При каком условии?

– Я хотел бы, чтобы ваше величество призвали его к себе и допросили, но допросили бы сами, с глазу на глаз, без свидетелей, и чтобы я был принят вашим величеством сразу же после ухода герцога.

– Вот как! – произнес король. – И вы полностью положитесь на то, что скажет господин де Ла Тремуль?

– Да, ваше величество.

– И вы подчинитесь его суждению?

– Да.

– И согласитесь на любое удовлетворение, которого он потребует?

– Да, ваше величество.

– Ла Шене! – крикнул король. – Ла Шене!

Доверенный камердинер Людовика XIII, всегда дежуривший у дверей, вошел в комнату.

– Ла Шене, – сказал король, – пусть сию же минуту отправятся за господином де Ла Тремулем. Мне нужно сегодня же вечером поговорить с ним.

– Ваше величество дает мне слово, что между де Ла Тремулем и мной не примет никого? – спросил де Тревиль.

– Никого, – ответил король.

– В таком случае, до завтра, ваше величество.

– До завтра, сударь.

– В котором часу ваше величество прикажет?

– В каком вам угодно.

– Но я опасюсь явиться слишком рано и разбудить ваше величество.

– Разбудить меня? Да разве я сплю? Я больше не сплю, сударь. Дремлю изредка – вот и все. Приходите так рано, как захотите, хоть в семь часов. Но берегитесь, если ваши мушкетеры виновны!

– Если мои мушкетеры виновны, то виновники будут преданы в руки вашего величества, и вы изволите поступить с ними так, как найдете нужным. Есть ли у вашего величества еще какие-либо пожелания? Я слушаю. Я готов повиноваться.

– Нет, сударь, нет. Меня не напрасно зовут Людовиком Справедливым. До завтра, сударь, до завтра.

– Бог да хранит ваше величество!

Как плохо ни спал король, г-н де Тревиль в эту ночь спал еще хуже. Он с вечера послал сказать всем трем мушкетерам и их товарищу, чтобы они были у него ровно в половине седьмого утра. Он взял их с собой во дворец, ничего не обещая им и ни за что не ручаясь, и не скрыл от них, что их судьба, как и его собственная, висит на волоске.

Войдя в малый подъезд, он велел им ждать. Если король все еще гневается на них, они могут незаметно удалиться. Если король согласится их принять, их позовут.

В личной приемной короля де Тревиль увидел Ла Шене, который сообщил ему, что вчера вечером не удалось застать герцога де Ла Тремуля дома, что, когда он вернулся, было уже

слишком поздно являться во дворец и что герцог сейчас только прибыл и в эту минуту находится у короля.

Последнее обстоятельство было очень по душе г-ну де Тревилю. Теперь он мог быть уверен, что никакое чуждое влияние не успеет сказаться между уходом де Ла Тремуля и его собственной аудиенцией у короля.

Действительно, не прошло и десяти минут, как двери распахнулись и де Тревиль увидел де Ла Тремуля, выходявшего из кабинета. Герцог направился прямо к нему.

– Господин де Тревиль, – сказал он, – его величество вызвал меня, чтобы узнать все подробности о случае, происшедшем возле моего дома. Я сказал ему правду, то есть признал, что виновны были мои люди и что я готов принести вам извинения. Раз я встретился с вами, разрешите мне сделать это сейчас, и прошу вас считать меня всегда в числе ваших друзей.

– Господин герцог, – произнес де Тревиль, – я так глубоко был уверен в вашей высокой честности, что не пожелал иметь другого заступника перед королем, кроме вас. Я вижу, что не обманулся, и благодарю вас за то, что во Франции остались еще такие мужи, о которых, не ошибаясь, можно сказать то, что я сказал о вас.

– Прекрасно, прекрасно! – воскликнул король, который, стоя в дверях, слышал этот разговор. – Только скажите ему, Тревиль, раз он называет себя вашим другом, что я тоже желал бы быть в числе его друзей, но он невнимателен ко мне. Вот уж скоро три года, как я не видел его, и увидел только после того, как послал за ним. Передайте ему это от меня, передайте, ибо это вещи, которые король сам сказать не может.

– Благодарю, ваше величество, благодарю. Но я хотел бы заверить ваше величество – это не относится к господину де Тревилю, разумеется, – я хотел бы заверить ваше величество, что не те, кого ваше величество видит в любое время дня, наиболее преданны ему.

– Вы слышали, значит, что я сказал, герцог? Тем лучше, тем лучше! – проговорил король, сделав шаг вперед. – А, это вы, Тревиль? Где же ваши мушкетеры? Я ведь еще третьего дня просил вас привести их. Почему вы не сделали этого?

– Они внизу, ваше величество, и, с вашего разрешения, Ла Шене их позовет.

– Да, да, пусть они явятся сию же минуту. Скоро восемь, а в девять я жду кое-кого... Можете идти, герцог, и непременно бывайте при дворе... Входите, Тревиль.

Герцог поклонился и пошел к выходу. В ту минуту, когда он отворял дверь, на верхней площадке лестницы как раз показались три мушкетера и д'Артаньян. Их привел Ла Шене.

– Подойдите, храбрецы, подойдите, – произнес король. – Дайте мне побранить вас.

Мушкетеры с поклоном приблизились. Д'Артаньян следовал позади.

– Тысяча чертей! Как это вы вчетвером за два дня вывели из строя семерых гвардейцев кардинала? – продолжал Людовик XIII. – Это много, чересчур много. Если так пойдет дальше, его высокопреосвященству через три недели придется заменить состав своей роты новым. А я буду вынужден применять указы во всей их строгости. Одного – еще куда ни шло, я не возражаю. Но семерых за два дня – повторяю, это много, слишком много.

– Поэтому-то, как ваше величество может видеть, они смущены, полны раскаяния и просят их простить.

– Смущены и полны раскаяния? Гм... – недоверчиво проговорил король. – Я не верю их хитрым ромам. Особенно вон тому, с физиономией гасконца. Подойдите-ка сюда, сударь мой!

Д'Артаньян, поняв, что эти слова относятся к нему, приблизился с самым сокрушенным видом.

– Вот как? Что же вы мне рассказывали о каком-то молодом человеке? Ведь это ребенок, совершеннейший ребенок! И это он нанес такой страшный удар Жюссаку?

– И два великолепных удара шпагой Бернажу.

– В самом деле?

– Не считая того, – вставил Атос, – что, если бы он не спас меня от рук Каюзака, я не имел бы чести в эту минуту принести мое нижайшее почтение вашему величеству.

– Значит, он – настоящий демон, этот ваш молодой беарнец, тысяча чертей, как сказал бы мой покойный отец! При таких делах легко изодрать не один камзол и изломать немало шпаг. А ведь гасконцы по-прежнему бедны, не правда ли?

– Должен признать, ваше величество, – сказал де Тревиль, – что золотых россыпей в их горах пока еще не найдено, хотя Богу следовало бы сотворить для них такое чудо в награду за горячую поддержку, оказанную ими вашему покойному отцу в его борьбе за престол.

– Из этого следует, что гасконцы и меня сделали королем, не правда ли, Тревиль, раз я сын моего отца? Что ж, в добрый час, это мне по душе... Ла Шене, пойдите и поройтесь у меня во всех карманах – не наберется ли сорока пистолей, и, если наберется, принесите их мне сюда. А пока что, молодой человек, положи руку на сердце, расскажите мне, как все произошло.

Д'Артаньян рассказал о вчерашнем происшествии во всех подробностях: как, не в силах уснуть от радости, что увидит его величество, он явился за три часа до аудиенции к своим друзьям, как они вместе отправились в кабачок и как Бернажу, подметив, что он опасается, как бы мяч не попал ему в лицо, стал над ним насмехаться и за эти насмешки чуть не поплатился жизнью, а г-н де Ла Тремуль, бывший здесь совершенно ни при чем, чуть не поплатился своим домом.

– Так! Все именно так, как мне рассказал герцог!.. Бедный кардинал! Семь человек за два дня, да еще самых дорогих его сердцу!.. Но теперь хватит, господа, слышите? Хватит! Вы отплатили за улицу Феру, и даже с излишком. Вы можете быть удовлетворены.

– Если ваше величество удовлетворены, то удовлетворены и мы, – сказал де Тревиль.

– Да, я удовлетворен, – произнес король и, взяв из рук Ла Шене горсть золотых монет, вложил их в руку д'Артаньяну. – И вот, – добавил он, – доказательство, что я доволен.

В те времена понятия о гордости, распространенные в наши дни, не были еще в моде. Дворянин получал деньги из рук короля и нисколько не чувствовал себя униженным. Д'Артаньян поэтому без стеснения опустил полученные им сорок пистолей в карман и даже рассыпался в изъявлениях благодарности его величеству.

– Ну и отлично, – сказал король, взглянув на стенные часы, – отлично. – Сейчас уже половина девятого, и вы можете удалиться. Я ведь говорил, что в девять кое-кого жду. Благодарю вас за преданность, господа. Я могу рас считывать на нее и впредь, не правда ли?

– Ваше величество, – в один голос воскликнули четыре приятеля, – мы дали бы себя изрубить в куски за нашего короля!

– Хорошо, хорошо! Но лучше оставайтесь неизрубленными. Так будет лучше и полезнее для меня... Тревиль, – добавил король вполголоса, пока молодые люди уходили, – так как у вас нет свободной вакансии в полку, да и, кроме того, мы решили не принимать в полк без испытания, поместите этого юношу в гвардейскую роту вашего зятя, господина Дезэссара... Ах, черт возьми, я заранее радуюсь гримасе, которую состроит господин кардинал! Он будет взбешен, но мне все равно. Я действовал по справедливости.

И король приветливым жестом отпустил де Тревиля, который отправился к своим мушкетерам. Он застал их за дележом сорока пистолей, полученных д'Артаньяном.

Кардинал, как и предвидел король, действительно пришел в ярость и целую неделю не являлся вечером играть в шахматы. Это не мешало королю при встречах приветствовать его очаровательной улыбкой и нежнейшим голосом осведомляться:

– Как же, господин кардинал, поживают ваши верные телохранители, эти бедные Бернажу и Жюссак?

VII. Мушкетеры у себя дома

Когда, покинув Лувр, д'Артаньян спросил своих друзей, как лучше употребить свою часть сорока пистолей, Атос посоветовал ему заказать хороший обед в «Сосновой Шишке», Портос – нанять слугу, а Арамис – обзавестись достойной любовницей.

Обед состоялся в тот же день, и новый слуга подавал к столу. Обед был заказан Атосом, а лакей рекомендован Портосом. То был пикардиец, которого славный мушкетер нанял в тот самый день по случаю этого самого обеда; он увидел его на мосту Ла-Турнель, где Планше – так звали слугу – плевал в воду, любуясь разбегавшимися кругами. Портос утверждал, что такое занятие свидетельствует о склонности к созерцанию и рассудительности, и, не наводя о нем дальнейших справок, увел его с собой. Важный вид дворянина, к которому, как предполагал Планше, он поступает на службу, прельстил его, и он был несколько разочарован, увидев, что место уже занято неким его собратом по имени Мушкетон. Портос объяснил ему, что дом его, хотя и поставленный на широкую ногу, нуждается лишь в одном слуге и Планше придется поступить к д'Артаньяну. Однако, прислуживая на пиру, который давал его господин, и видя, как тот, расплачиваясь, вытащил из кармана пригоршню золотых монет, Планше решил, что счастье его обеспечено, и возблагодарил небо за то, что попал к такому крёзу³³. Он пребывал в этой уверенности вплоть до окончания обеда, остатками от которого вознаграждал себя за долгое воздержание. Но вечером, когда он постилал постель своему господину, блестящие мечты его рассеялись. Во всей квартире, состоявшей из спальни и передней, была единственная кровать. Планше улегся в передней на одеяле, взятом с кровати д'Артаньяна, которому с тех пор пришлось обходиться без него.

Атос также имел слугу, которого воспитал на особый лад. Звали его Гримо. Этот достойный господин – мы, разумеется, имеем в виду Атоса – был очень молчалив. Вот уже пять или шесть лет, как он жил в теснейшей дружбе с Портосом и Арамисом. За это время друзья не раз видели на его лице улыбку, но никогда не слышали его смеха. Слова его были кратки и выразительны, он говорил всегда то, что хотел сказать, и больше ничего: никаких прикрас, узоров и красот. Он говорил лишь о существенном, не касаясь подробностей.

Хотя Атосу было не более тридцати лет и он был прекрасен телом и душой, никто не слышал, чтобы у него была возлюбленная. Он никогда не говорил о женщинах, ко никогда не мешал другим говорить на эту тему, хотя легко было заметить, что подобный разговор, в который он изредка только вставлял горькое слово или мрачное замечание, был ему крайне неприятен. Его сдержанность, нелюдимость и неразговорчивость делали его почти стариком. Поэтому, не считая нужным менять свои привычки, он приучил Гримо исполнять его требования: тот повиновался простому знаку или легкому движению губ. Разговаривал с ним Атос только при самых необычайных обстоятельствах.

Случалось, что Гримо, который как огня боялся своего господина, хотя и был горячо привязан к нему и преклонялся перед его умом, полагая, что уловил его желания, бросался исполнять их и делал как раз обратное тому, что хотел Атос. Тогда Атос пожимал плечами и без малейшего гнева колотил Гримо. В такие дни он бывал несколько разговорчивее.

Портос, как мы уже успели узнать, был прямой противоположностью Атоса: он не только много разговаривал, но разговаривал громко. Надо, впрочем, отдать ему справедливость: ему было безразлично, слушают его или нет. Он разговаривал ради собственного удовольствия – ради удовольствия слушать самого себя. Он говорил решительно обо всем, за исключением наук, ссылаясь на глубокое отвращение, которое, по его словам, ему с детства внушали ученые.

³³ Крёз (595–546 до н. э.) – последний царь Лидии. Богатство Крёза вошло в поговорку. Крёз (в переносном смысле): богач.

Вид у него был не столь величавый, как у Атоса, и сознание превосходства Атоса в начале их знакомства нередко вызывало у Портоса раздражение. Он прилагал поэтому все усилия, чтобы превзойти его хотя бы богатством своего одеяния. Но стоило Атосу в своем простом мушкетерском плаще ступить хоть шаг, откинув назад голову, как он сразу занимал подобающее ему место, отодвигая раздетого Портоса на второй план.

Портос в утешение себе наполнял приемную г-на де Тревиля и караульное помещение Лувра громогласными рассказами о своих успехах у женщин, чего никогда не делал Атос. В самое последнее время, перейдя от жен известных судей к женам прославленных военных, от чиновниц – к баронессам, Портос прозрачно намекал на какую-то иностранную княгиню, увлекшуюся им.

Старая пословица говорит: «Каков хозяин, таков и слуга». Перейдем поэтому от слуги Атоса к слуге Портоса, от Гримо к Мушкетону.

Мушкетон был нормандец, миролюбивое имя которого, Бонифаций³⁴, его господин заменил несравненно более звучным – Мушкетон. Он поступил на службу к Портосу, поставив условием, что его будут кормить и одевать, но кормить и одевать роскошно. Кроме того, он просил предоставлять ему каждый день два свободных часа для занятия ремеслом, которое должно покрыть все остальные его потребности. Портос согласился на эти условия: они были ему как раз по душе. Он заказывал Мушкетону камзолы, которые выкраивались из старой одежды и запасных плащей самого Портоса. Благодаря ловкости одного портного, который перешивал и перелицовывал его обноски и жена которого явно стремилась отвлечь Портоса от его аристократических привычек, Мушкетон, сопровождая своего господина, имел очень представительный вид.

Что касается Арамиса, характер которого мы, кажется, достаточно хорошо описали, хотя за его развитием, как и за развитием характера его друзей, мы проследим в дальнейшем, – то лакея его звали Базен.

Ввиду того, что господин его надеялся принять когда-нибудь духовный сан, слуга, как и подобает слуге духовного лица, был неизменно одет в черное. Это был берриец лет тридцати пяти – сорока, кроткий, спокойный, толстенький. Свободное время, предоставляемое ему его господином, он посвящал чтению духовных книг и умел в случае необходимости приготовить превосходный обед, состоящий всего из нескольких блюд, но зато отличных. В остальном он был нем, слеп и глух, и верность его могла выдержать любое испытание.

Теперь, познакомившись, хотя поверхностно, и с господами и с их слугами, перейдем к жилищу каждого из них.

Атос жил на улице Феру, в двух шагах от Люксембурга³⁵. Он занимал две небольшие комнаты, опрятно убранные, которые ему сдавала хозяйка дома, еще не старая и еще очень красивая, напрасно обращавшая на него нежные взоры. Остатки былой роскоши кое-где виднелись на стенах этого скромного обиталища, например: шпага, богато отделанная и, несомненно, принадлежавшая еще эпохе Франциска I, один эфес которой, украшенный драгоценными камнями, должен был стоить не менее двухсот пистолей. Атос, однако, даже в самые тяжелые минуты ни разу не соглашался заложить или продать ее. Эта шпага долгое время составляла предмет вожеланий Портоса. Он готов был отдать десять лет жизни за право владеть ею.

Однажды, готовясь к свиданию с какой-то герцогиней, он попытался одолжить шпагу у Атоса. Атос молча вывернул все карманы, собрал все, что было у него ценного: кошелек, пряжки и золотые цепочки, и предложил их Портосу. Что же касается шпаги, сказал он, она прикована к стене и покинет ее только тогда, когда владелец ее покинет это жилище. Кроме

³⁴ **Бонифаций** – «делающий добро» (от лат. bonus – «хороший, добрый» и facere – «делать»).

³⁵ **Люксембург** – имеется в виду Люксембургский дворец в Париже. Построен в 1615–1620 годах для Марии Медичи.

шпаги, внимание привлекал еще портрет знатного вельможи времени Генриха III³⁶, одетого с чрезвычайным изяществом и с орденом Святого Духа на груди. Портрет имел с Атосом известное сходство, некоторые общие с ним фамильные черты, указывавшие на то, что этот знатный вельможа, кавалер королевских орденов, был его предком.

И в довершение всего этого – ларец изумительной ювелирной работы, украшенный тем же гербом, что шпага и портрет, красовался на выступе камина, своим утонченным изяществом резко отличаясь от всего окружающего. Ключ от этого ларца Атос всегда носил при себе. Но однажды он открыл его в присутствии Портоса, и Портос мог убедиться, что ларец содержит только письма и бумаги – надо полагать, любовную переписку и семейный архив.

Портос занимал большую и на вид роскошную квартиру на улице Старой Голубятни. Каждый раз, проходя с кем-нибудь из приятелей мимо своих окон, у одного из которых всегда стоял Мушкетон в парадной ливрее, Портос поднимал голову и, указывая рукой вверх, говорил: «Вот моя обитель». Но застать его дома никогда не удавалось, никогда и никого он не приглашал подняться с ним наверх, и никто не мог составить себе представление, какие действительные богатства кроются за этой роскошной внешностью.

Что касается Арамиса, то он жил в маленькой квартирке, состоявшей из гостиной, столовой и спальни. Спальня, как и все остальные комнаты, расположенная в первом этаже, выходила окном в маленький тенистый и свежий садик, густая зелень которого делала его недоступным для любопытных глаз.

Как устроился д'Артаньян, нам уже известно, и мы успели познакомиться с его слугой Планше.

Д'Артаньян был по природе своей очень любопытен, как, впрочем, и большинство людей, владеющих даром интриги. Он напрягал все свои силы, чтобы узнать, кто же на самом деле были Атос, Портос и Арамис. Ибо под этими прозвищами все они скрывали свои дворянские имена, и, в частности, Атос, в котором за целую милю можно было угадать настоящего вельможу. Он обратился к Портосу, надеясь получить сведения об Атосе и Арамисе, и к Арамису, чтобы узнать, кто такой Портос.

Портос, к сожалению, о своем молчаливом товарище знал лишь то, что было известно по слухам. Говорили, что он пережил большое горе, причиной которого была любовь, и что чья-то подлая измена якобы отравила жизнь этого достойного человека. Но об обстоятельствах этой измены никто ничего не знал.

Что касается Портоса, то, за исключением его настоящего имени, которое, так же как и имена обоих его товарищей, было известно лишь одному г-ну де Тревилю, о его жизни нетрудно было все узнать. Тщеславный и болтливый, он весь был виден насквозь, как кристалл. И, лишь поверив всему тому похвальному, что он сам говорил о себе, можно было впасть в заблуждение на его счет.

Зато Арамис, хотя и могло показаться, что у него нет никаких тайн, был весь окутан таинственностью. Скупое отвечая на вопросы, касавшиеся других, он тщательно обходил все относившиеся к нему самому. Однажды, когда после долгих расспросов д'Артаньян узнал от Арамиса о тех слухах, которые гласили, будто их общий друг Портос добился победы над какой-то герцогиней, он попытался проникнуть в тайну любовных приключений своего собеседника.

– Ну, а вы, любезный друг мой, – сказал он, – вы, так прекрасно рассказывающий о чужих связях с баронессами, графинями и герцогинями, а вы-то сами?..

– Простите, – прервал его Арамис. – Я говорю об этих вещах только потому, что Портос сам болтает о них, и потому, что он при мне громогласно рассказывал эти милые истории. Но

³⁶ **Генрих III (1207–1272)** – английский король с 1216 г., из династии Плантагенетов. При Генрихе III был созван первый английский парламент.

поверьте мне, любезный господин д'Артаньян, что, если б они стали мне известны из другого источника или если б он поверил мне их как тайну, не могло бы быть духовника скромнее меня.

– Я не сомневаюсь в этом, – сказал д'Артаньян, – но мне все же кажется, что и вам довольно хорошо знакомы кое-какие гербы, о чем свидетельствует некий вышитый платочек, которому я обязан честью нашего знакомства.

Арамис на этот раз не рассердился, но, приняв самый скромный вид, ласково ответил:

– Не забывайте, друг мой, что я собираюсь приобщиться к церкви и потому чуждаюсь светских развлечений. Виденный вами платок не был подарен мне, а лишь оставлен у меня по забывчивости одним из моих друзей. Я вынужден был спрятать его, чтобы не скомпрометировать их – его и даму, которую он любит... Что же касается меня, то я не имею и не хочу иметь любовницы, следуя в этом отношении мудрейшему примеру Атоса, у которого, так же как у меня, нет дамы сердца.

– Но, черт возьми, вы ведь не аббат, раз вы мушкетер!

– Мушкетер только временно, дорогой мой. Как говорит кардинал – мушкетер против воли. Но в душе я слугитель церкви, поверьте мне. Атос и Портос втянули меня в это дело, чтобы я хоть чем-нибудь был занят. У меня, как раз в ту пору, когда я должен был быть рукоположен, произошла небольшая неприятность с... Впрочем, это не может вас интересовать, и я отнимаю у вас драгоценное время.

– Отнюдь нет, все это меня очень интересует! – воскликнул д'Артаньян. – И мне сейчас решительно нечего делать.

– Да, но мне пора читать молитвы, – сказал Арамис, – затем мне нужно сложить стихи, о которых меня просила госпожа д'Эгильон. После этого мне придется зайти на улицу Сент-Оноре, чтобы купить румян для госпожи де Шеврез. Вы видите сами, дорогой мой, что если вам спешить некуда, то я зато очень спешу.

И Арамис приветливо протянул руку своему молодому товарищу и простился с ним.

Как ни старался д'Артаньян, ему больше ничего не удалось узнать о своих трех новых друзьях. Он решил верить в настоящем тому, что рассказывали об их прошлом, надеясь, что будущее обогатит его более подробными и более достоверными сведениями. Пока Атос представлялся ему Ахиллом, Портос – Аяксом, а Арамис – Иосифом³⁷.

В общем, молодые люди жили весело. Атос играл, и всегда несчастливо. Но он никогда не занимал у своих друзей ни одного су, хотя его кошелек всегда был раскрыт для них. И если он играл на честное слово, то на следующее же утро, уже в шесть часов, посылал будить своего кредитора, чтобы вручить ему следуемую сумму.

Портос играл изредка. В такие дни если он выигрывал, то бывал великолепен и дерзок. Если же он проигрывал, то бесследно исчезал на несколько дней, после чего появлялся с бледным и вытянутым лицом, но с деньгами в кармане.

Арамис никогда не играл. Он был самым дурным мушкетером и самым скучным гостем за столом. Всегда оказывалось, что ему нужно идти заниматься. Случалось, в самый разгар пира, когда все в пылу беседы, возбужденные вином, предполагали еще два, если не три часа просидеть за столом, Арамис, взглянув на часы, поднимался и с любезной улыбкой на устах прощался с присутствующими, торопясь, как он говорил, повидаться с назначившим ему свидание ученым богословом. В другой раз он спешил домой, чтобы потрудиться над диссертацией, и просил друзей не отвлекать его.

³⁷ ...Атос представлялся ему Ахиллом, Портос – Аяксом, а Арамис – Иосифом. – Ахилл и Аякс в древнегреческой мифологии – герои Троянской войны, знаменитые своей силой и доблестью; Иосиф – один из библейских персонажей, идеальный юноша.

В таких случаях Атос улыбался своей чарующей улыбкой, которая так шла к его благородному лицу, а Портос пил и клялся, что из Арамиса в лучшем случае получится какой-нибудь деревенский священник.

Планше, слуга д'Артаньяна, с достоинством принял выпавшую на его долю удачу. Он получал тридцать су в день, целый месяц возвращался домой веселый, как птица, и был ласков и внимателен к своему господину. Когда над квартирой на улице Могильщиков начали скапливаться тучи, другими словами – когда сорок пистолей короля Людовика XIII растаяли почти без остатка, Планше стал рассыпаться в жалобах, которые Атос находил тошнотворными, Портос – неприличными, а Арамис – просто смешными. Атос посоветовал д'Артаньяну рассчитать этого проходимца; Портос предлагал предварительно выдрать его; Арамис же изрек, что господин просто не должен слышать о себе ничего, кроме лестных слов.

– Всем вам легко говорить, – сказал д'Артаньян. – Вам, Атос, когда вы живете с Гримо в полном молчании, запрещая ему разговаривать, и поэтому никогда не слышите от него дурного слова; вам, Портос, когда вы ведете роскошный образ жизни и вашему Мушкетону представляетесь божеством; наконец, вам, Арамис, всегда увлеченному богословскими занятиями и тем самым уже умеющему внушить величайшее почтение вашему слуге Базену, человеку кроткому и благочестивому. Но как мне, не имея ни почвы под ногами, ни средств, не будучи ни мушкетером, ни даже гвардейцем, – как мне внушить любовь, страх или почтение моему Планше?

– Вопрос важный, – ответили трое друзей. – Это дело внутреннее, домашнее. Слуг, как и женщин, надо уметь сразу поставить на то место, на каком желаешь их видеть. Поразмыслите об этом.

Д'Артаньян, поразмыслив, решил на всякий случай избить Планше и выполнил это с той добросовестностью, какую вкладывал во все, что делал. Отодрав его как следует, он запретил Планше покидать дом и службу без его разрешения.

– Имей в виду, – добавил д'Артаньян, – что будущее не обманет меня. Придут лучшие времена, и твоя судьба будет устроена, если ты останешься со мной. А я слишком добрый господин, чтобы позволить тебе загубить свою судьбу, и не соглашусь отпустить тебя, как ты просишь.

Этот способ действий внушил мушкетерам глубокое уважение к дипломатическим способностям д'Артаньяна. Планше также исполнился восхищения и уже больше не заикался об уходе.

Молодые люди постепенно зажили общей жизнью. Д'Артаньян, не имевший никаких привычек, так как впервые приехал из провинции и окунулся в совершенно новый для него мир, усвоил привычки своих друзей.

Вставали в восемь часов зимой, в шесть часов летом и шли к г-ну де Тревилю узнать пароль и попытаться уловить, что нового носится в воздухе. Д'Артаньян, хоть и не был мушкетером, с трогательной добросовестностью исполнял службу. Он постоянно бывал в карауле, так как всегда сопровождал того из своих друзей, кто нес караульную службу. Его знали в казарме мушкетеров, и все считали его добрым товарищем. Г-н де Тревиль, оценивший его с первого взгляда и искренне к нему расположенный, неизменно расхваливал его перед королем.

Все три мушкетера тоже очень любили своего молодого товарища. Дружба, связывавшая этих четырех людей, и постоянная потребность видаться ежедневно по нескольку раз – то по поводу какого-нибудь поединка, то по делу, то ради какого-нибудь развлечения – заставляли их по целым дням гоняться друг за другом. Всегда можно было встретить этих неразлучных, рыщущих в поисках друг друга от Люксембурга до площади Сен-Сюльпис или от улицы Старой Голубятни до Люксембурга.

Обещания, данные де Тревилем, между тем постепенно осуществлялись. В один прекрасный день король приказал кавалеру Дезэсару принять д'Артаньяна кадетом в свою гвардей-

скую роту. Д'Артаньян со вздохом надел мундир гвардейца: он готов был бы отдать десять лет своей жизни за право обменять его на мушкетерский плащ. Но г-н да Тревиль обещал оказать ему эту милость не ранее, чем после двухлетнего испытания – срок, который, впрочем, мог быть сокращен, если бы д'Артаньяну представился случай оказать услугу королю или каким-либо другим способом особо отличиться. Получив это обещание, д'Артаньян удалился и на следующий же день приступил к несению своей службы.

Теперь наступил черед Атоса, Портоса и Арамиса, ходить в караул вместе с д'Артаньяном, когда тот бывал на посту. Таким образом, рота г-на Дезэссара в тот день, когда в нее вступил д'Артаньян, приняла в свои ряды не одного, а четырех человек.

VIII. Придворная интрига

Тем временем сорока пистолям короля Людовика XIII, как и всему на белом свете, имеющему начало, пришел конец. И с этой поры для четырех товарищей наступили трудные дни. Вначале Атос содержал всю компанию на свои средства. Затем его сменил Портос, и благодаря одному из его исчезновений, к которым все уже привыкли, он еще недели две мог удовлетворять все их насущные потребности. Пришел наконец черед и Арамиса, которому, по его словам, удалось продажей своих богословских книг выручить несколько пистолей.

Затем, как бывало всегда, пришлось прибегнуть к помощи г-на де Тревиля, который выдал небольшой аванс в счет причитающегося им содержания. Но на эти деньги не могли долго протянуть три мушкетера, у которых накопилось немало неоплаченных долгов, и гвардеец, у которого долгов еще вовсе не было.

В конце концов, когда стало ясно, что скоро почувствуется уже недостаток в самом необходимом, они с трудом наскребли восемь или десять пистолей, с которыми Портос отправился играть. Но ему в этот день не везло: он спустил все и проиграл еще двадцать пять пистолей на честное слово.

И тогда стесненные обстоятельства превратились в настоящую нужду. Можно было встретить изголодавшихся мушкетеров, которые в сопровождении слуг рыскали по улицам и по кордегардиям в надежде, что кто-нибудь из друзей угостит их обедом. Ибо, по словам Арамиса, в дни процветания нужно было расшвыривать обеды направо и налево, чтобы в дни невзгод хоть изредка пожинать таковые.

Атос получал приглашения четыре раза и каждый раз приводил с собой своих друзей вместе с их слугами. Портос был приглашен шесть раз и предоставил своим друзьям воспользоваться этим. Арамис был зван восемь раз. Этот человек, как можно было уже заметить, производил мало шума, но много делал.

Что же касается д'Артаньяна, у которого еще совсем не было знакомых в столице, то ему удалось только однажды позавтракать шоколадом у священника родом из Гаскони и один раз получить приглашение на обед к гвардейскому корнету. Он привел с собой всю свою армию и к священнику, у которого они уничтожили целиком весь его двухмесячный запас, и к корнету, который проявил неслыханную щедрость. Но, как говорил Планше, сколько ни съешь, все ж поешь только раз.

Д'Артаньян был смущен тем, что добыл только полтора обеда – завтрак у священника мог сойти разве что за полуобед, – в благодарность за пиршества, предоставленные Атосом, Портосом и Арамисом. Он считал, что становится обузой для остальных, в своем юношеском простодушии забывая, что кормил всю компанию в течение месяца. Его озабоченный ум деятельно заработал. Он пришел к заключению, что союз четырех молодых, смелых, изобретательных и решительных людей должен был ставить себе иную цель, кроме прогулок в полупьяном виде, занятий фехтованием и более или менее остроумных проделок.

И в самом деле, четверо таких людей, как они, четверо людей, готовых друг для друга пожертвовать всем – от кошелька до жизни, – всегда поддерживающих друг друга и никогда не отступающих, выполняющих вместе или порознь любое решение, принятое совместно, четыре кулака, угрожающие вместе или порознь любому врагу, – неизбежно должны были, открыто или тайно, прямым или окольным путем, хитростью или силой, пробить себе дорогу к намеченной цели, как бы отдалена она ни была или как бы крепко ни была она защищена. Удивляло д'Артаньяна только то, что друзья его не додумались до этого давно.

Он размышлял об этом, и даже весьма основательно, ломая голову в поисках путей, по которым должна была быть направлена эта необыкновенная, четырежды увеличенная сила, с помощью которой – он в этом не сомневался – можно было, словно опираясь на рычаг Архи-

меда, перевернуть мир, – как вдруг послышался осторожный стук в дверь. Д'Артаньян разбудил Планше и приказал ему отпереть.

Пусть читатель из этих слов – «разбудил Планше» – не делает заключения, что уже наступила ночь или еще не занялся день. Ничего подобного. Только что пробило четыре часа. Два часа назад Планше пришел к своему господину с просьбой дать ему пообедать, и тот ответил ему пословицей: «Кто спит – тот обедает». И Планше заменил сном еду.

Планше ввел в комнату человека, скромно одетого, по-видимому горожанина.

Планше очень хотелось, вместо десерта, узнать, о чем будет речь, но посетитель объявил д'Артаньяну, что ему нужно поговорить о важном деле, требующем тайны.

Д'Артаньян выслал Планше и попросил посетителя сесть.

Наступило молчание. Хозяин и гость вглядывались друг в друга, словно желая предварительно составить себе друг о друге представление. Наконец д'Артаньян поклонился, показывая, что готов слушать.

– Мне говорили о господине д'Артаньяне, как о мужественном молодом человеке, – произнес посетитель. – И эта слава, которая им вполне заслужена, побудила меня доверить ему мою тайну.

– Говорите, сударь, говорите, – произнес д'Артаньян, чутьем уловивший, что дело обещает некие выгоды.

Посетитель снова на мгновение умолк, а затем продолжал:

– Жена моя служит кастеляншей у королевы, сударь. Женщина она красивая и умная. Меня женили на ней вот уже года три назад. Хотя приданое у нее было и небольшое, но зато господин де Ла Порт, старший камердинер королевы, приходится ей крестным и покровительствует ей...

– Дальше, сударь, что же дальше?

– А дальше... – сказал посетитель, – дальше – то, что мою жену похитили вчера утром, когда она выходила из бельевой.

– Кто же похитил вашу жену?

– Я, разумеется, ничего не могу утверждать, но у меня на подозрении один человек.

– Кто же это у вас на подозрении?

– Человек, который уже давно преследует ее.

– Черт возьми!

– Но, осмелюсь сказать, сударь, мне представляется, что в этом деле замешана не так любовь, как политика.

– Не так любовь, как политика... – задумчиво повторил д'Артаньян. – Что же вы предполагаете?

– Не знаю, могу ли я сказать вам, что я предполагаю...

– Сударь, заметьте себе, что я вас ни о чем не спрашивал. Вы сами явились ко мне. Вы сами сказали, что собираетесь доверить мне тайну. Поступайте, как вам угодно. Вы еще можете удалиться, ничего не открыв мне.

– Нет, сударь, нет! Вы кажетесь мне честным молодым человеком, и я доверюсь вам. Мне кажется, что причина тут – не собственные любовные дела моей жены, а любовные дела одной дамы, много выше ее стоящей.

– Так! Не любовные ли дела госпожи де Буа-Траси? – воскликнул д'Артаньян, желавший показать, будто он хорошо осведомлен о придворной жизни.

– Выше, сударь, много выше!

– Госпожи д'Эгильон?

– Еще выше.

– Госпожи де Шеврез?

– Выше, много выше.

- Но ведь не...
- Да, сударь, именно так, – чуть слышно в страхе прошептал посетитель.
- С кем?
- С кем же, как не с герцогом...
- С герцогом?..
- Да, сударь, – еще менее внятно пролепетал гость.
- Но откуда вам все это известно?
- Ах... Откуда известно!
- Да, Откуда? Полное доверие, или... вы сами понимаете...
- Я знаю об этом от моей жены, сударь, от моей собственной жены.
- А она сама откуда знает?
- От господина де Ла Порта. Не говорил я вам разве, что она крестница господина де Ла Порта, доверенного лица королевы? Так вот, господин де Ла Порт поместил мою жену у ее величества, чтобы наша бедная королева имела подле себя хоть кого-нибудь, кому она могла бы довериться, эта бедняжка, которую покинул король, преследует кардинал и предадут все.
- Так, так, положение становится яснее.
- Жена моя, сударь, четыре дня назад приходила ко мне – одним из условий ее службы было разрешение навещать меня два раза в неделю. Как я имел уже честь разъяснить вам, жена моя очень любит меня, и вот она пришла ко мне и под секретом рассказала, что королева сейчас в большой тревоге.
- В самом, деле?
- Да. Господин кардинал, по словам моей жены, преследует и притесняет королеву больше, чем когда-либо. Он не может ей простить историю с сарабандой. Вам ведь известна история с сарабандой?
- Еще бы! Мне ли не знать её! – ответил д'Артаньян, не знавший ничего, но желавший показать, что ему все известно.
- Так что сейчас это уже не ненависть – это месть!
- Неужели?
- И королева предполагает...
- Что же предполагает королева?
- Она предполагает, Что герцогу Бекингэму отправлено письмо от ее имени.
- От имени королевы?
- Да, чтобы вызвать его в Париж, а когда он прибудет, заманить его в какую-нибудь ловушку.
- Черт возьми!.. Но ваша жена, сударь мой, какое отношение ваша жена имеет ко всему этому?
- Всем известна ее преданность королеве. Ее либо желают убрать подальше от ее госпожи, либо запугать и выведать тайны ее величества, либо соблазнить деньгами, чтобы сделать из нее шпионку.
- Возможно, – сказал д'Артаньян. – Но человек, похитивший ее, вам известен?
- Я уже говорил вам: мне кажется, что я его знаю.
- Его имя?
- Имени я не знаю. Мне известно только, что это любимчик кардинала, преданный ему, как пес.
- Но вам когда-нибудь приходилось его видеть?
- Да, жена мне однажды показывала его.
- Нет ли у него каких-нибудь примет, по которым его можно было бы узнать?
- О, конечно! Это господин важного вида, черноволосый, смуглый, с пронзительным взглядом и белыми зубами. И на виске у него шрам.

– Шрам на виске! – воскликнул д'Артаньян. – И к тому еще белые зубы, пронзительный взгляд, сам смуглый, черноволосый, важного вида. Это он, незнакомец из Менга!

– Незнакомец из Менга, сказали вы?

– Да-да! Но это не имеет отношения к делу. То есть я ошибся: это очень его упрощает. Если ваш враг в то же время и мой, я отомщу за нас обоих, вот и все. Но где мне найти этого человека?

– Этого я не знаю.

– У вас нет никаких сведений, где он живет?

– Никаких. Однажды, когда я провожал жену обратно в Лувр, он вышел оттуда в ту самую минуту, когда она входила, и она мне указала на него.

– Дьявол! Дьявол! – пробормотал д'Артаньян. – Все это очень неопределенно. Кто дал вам знать о похищении вашей жены?

– Господин де Ла Порт.

– Сообщил он вам какие-нибудь подробности?

– Они ему не были известны.

– И вы ничего не узнали из других источников?

– Кое-что узнал. Я получил...

– Что получили?

– Не знаю... Может быть, это будет очень неосторожно с моей стороны...

– Вы снова возвращаетесь к тому же самому. Но теперь, должен вам заметить, уж поздно отступать.

– Да я и не отступаю, тысяча чертей! – воскликнул гость, пытаясь с помощью проклятий вернуть себе мужество. – Клянусь вам честью Бонасье...

– Ваше имя Бонасье?

– Да, это моя фамилия.

– Итак, вы сказали: «Клянусь честью Бонасье»... Простите, что я перебил вас. Но мне показалось, что я уже где-то слышал ваше имя.

– Возможно, сударь. Я хозяин этого дома.

– Ах, вот как! – проговорил д'Артаньян, слегка приподнявшись и кланяясь. – Вы хозяин этого дома?

– Да, сударь, да. И так как вы проживаете в моем доме уже три месяца и, должно быть, за множеством важных дел забывали уплачивать за квартиру, я же ни разу не побеспокоил вас, то мне и показалось, что вы примете во внимание мою учтивость...

– Ну как же, как же, господин Бонасье! – сказал д'Артаньян. – Поверьте, что я преисполнен благодарности за такое обхождение и сочту своим долгом, если я хоть чем-нибудь могу быть вам полезен...

– Я верю вам, верю вам, сударь! Я так и собирался сказать вам. Клянусь честью Бонасье, я вполне доверяю вам!

– В таком случае, продолжайте и доскажите все до конца.

Посетитель вынул из кармана листок бумаги и протянул его д'Артаньяну.

– Письмо! – воскликнул молодой человек.

– Полученное сегодня утром.

Д'Артаньян раскрыл его и, так как начинало смеркаться, подошел к окну. Гость последовал за ним.

«Не ищите вашу жену, – прочел д'Артаньян. – Вам вернут ее, когда минет в ней надобность. Если вы предпримете какие-либо поиски – вы погибнете».

– Вот это, по крайней мере, ясно, – сказал д'Артаньян. – Но, в конце концов, это всего лишь угроза.

– Да, но эта угроза приводит меня в ужас. Я ведь, сударь, человек не военный и боюсь Бастилии.

– Гм... Да и я люблю Бастилию не более вашего. Если б речь шла о том, чтобы пустить в ход шпагу, – дело другое.

– А я-то, сударь, так рассчитывал на вас в этом деле!

– Неужели?

– Видя вас всегда в кругу таких великолепных мушкетеров и зная, что это мушкетеры господина де Тревиля – следовательно, враги господина кардинала, я подумал, что вы и ваши друзья, становясь на защиту нашей бедной королевы, будете в то же время рады сыграть злую шутку с его высокопреосвященством.

– Разумеется.

– И затем я подумал, что раз вы должны мне за три месяца за квартиру и я никогда не напоминал вам об этом...

– Да-да, вы уже приводили этот довод, и я нахожу его убедительным.

– Рассчитывая не напоминать вам о плате за квартиру и впредь, сколько бы времени вы ни оказали мне чести прожить в моем доме...

– Прекрасно!

– ...я намерен, кроме того, предложить вам пистолей пятьдесят, если, вопреки вероятности, вы сейчас сколько-нибудь стеснены в деньгах...

– Чудесно! Но, значит, вы богаты, господин Бонасье?

– Я человек обеспеченный, правильнее сказать. Торгуя галантереей, я скопил капиталец, приносящий в год тысячи две-три эку. Кроме того, я вложил некую сумму в последнюю поездку знаменитого мореплавателя Жана Моке³⁸. Так что, вы сами понимаете, сударь... Но что это? – неожиданно вскрикнул г-н Бонасье.

– Что? – спросил д'Артаньян.

– Там, там...

– Где?

– На улице, против ваших окон, в подъезде! Человек, закутанный в плащ!

– Это он! – в одно и то же время вскрикнули д'Артаньян и Бонасье, узнав каждый своего врага.

– А, на этот раз... – воскликнул д'Артаньян, – на этот раз он от меня не уйдет!

И, выхватив шпагу, он выбежал из комнаты.

На лестнице он столкнулся с Атосом и Портосом, которые шли к нему. Они расступились, и д'Артаньян пролетел между ними как стрела.

– Куда ты бежишь? – крикнули ему вслед оба мушкетера.

– Незнакомец из Менга! – крикнул в ответ д'Артаньян и скрылся.

Д'Артаньян неоднократно рассказывал друзьям о своей встрече с незнакомцем, а также о появлении прекрасной путешественницы, которой этот человек решил доверить какое-то важное послание.

Атос считал, что д'Артаньян отцовское письмо потерял в суматохе. Дворянин, по его мнению, – а по описанию д'Артаньяна он пришел к выводу, что неизвестный, без сомнения, был дворянином, – дворянин не мог быть способен на такую низость, как похищение письма.

Портос склонен был видеть во всей истории просто любовное свидание, назначенное дамой кавалеру или кавалером даме, свидание, которому помешали своим присутствием д'Артаньян и его желтая лошадь.

³⁸ Жан Моке (1575 – после 1617) – французский путешественник, автор книги «Путешествия в Африку, Азию, восточную и западную Индию».

Арамис же сказал, что история эта окутана какой-то тайной и лучше не пытаться разгадывать такие вещи.

Поэтому они сразу же из слов, вырвавшихся у д'Артаньяна, поняли, о ком идет речь. Считая, что д'Артаньян, догнав незнакомца или потеряв его из виду, в конце концов вернется домой, они продолжали подниматься по лестнице.

Комната д'Артаньяна, когда они вошли в нее, была пуста: домовладелец, опасаясь последствий столкновения, которое должно было произойти между его жильцом и незнакомцем, и основываясь на тех чертах характера д'Артаньяна, о которых сам он упоминал, решил, что благоразумнее будет удрать.

IX. Характер д'Артаньяна вырисовывается

Спустя полчаса, как и предвидели Атос и Портос, д'Артаньян вернулся домой. И на этот раз он снова упустил незнакомца, скрывшегося словно по волшебству. Д'Артаньян со шпагой в руке обегал все ближайшие улицы, но не нашел никого, кто напоминал бы человека, которого он искал. В конце концов он пришел к тому, с чего ему, возможно, следовало начать: он постучал в дверь, к которой прислонился незнакомец. Но напрасно он десять – двенадцать раз подряд ударил молотком в дверь – никто не отзывался. Соседи, привлеченные шумом и появившиеся на пороге своих домов или выглянувшие в окна, уверяли, что здание это, все двери которого плотно закрыты, вот уже шесть месяцев стоит никем не обитаемое.

Пока д'Артаньян бегал по улицам и колотил в двери, Арамис успел присоединиться к обоим своим товарищам, так что д'Артаньян, вернувшись, застал всю компанию в полном сборе.

– Ну что же? – спросили все три мушкетера в один голос, взглянув на д'Артаньяна, который вошел весь в поту, с лицом, искаженным гневом.

– Ну что же! – воскликнул юноша, швыряя шляпу на кровать. – Этот человек, должно быть, сущий дьявол. Он исчез как тень, как призрак, как привидение!

– Вы верите в привидения? – спросил Атос Портоса.

– Я верю только тому, что видел, и так как я никогда не видел привидений, то не верю в них, – ответил Портос.

– Библия, – произнес Арамис, – велит нам верить в них: тень Самуила являлась Саулу³⁹, и это догмат веры, который я считаю невозможным брать под сомнение.

– Как бы там ни было, человек он или дьявол, телесное создание или тень, иллюзия или действительность, но человек этот рожден мне на погибель. Бегство его заставило меня упустить дело, на котором можно было заработать сотню пистолей, а то и больше.

– Каким образом? – в один голос воскликнули Портос и Арамис.

Атос, как всегда избегая лишних слов, только вопросительно взглянул на д'Артаньяна.

– Планше, – сказал д'Артаньян, обращаясь к своему слуге, который, приоткрыв дверь, просунул в щель голову, надеясь уловить хоть отрывки разговора, – спуститесь вниз к владельцу этого дома, господину Бонасье, и попросите прислать нам полдюжины бутылок вина Божанси. Я предпочитаю его всем другим.

– Вот так штука! – воскликнул Портос. – Вы пользуетесь, по-видимому, неограниченным кредитом у вашего хозяина?

– Да, – ответил д'Артаньян. – С нынешнего дня. И будьте спокойны: если вино его окажется скверным, мы пошлем к нему за другим.

– Нужно потреблять, но не злоупотреблять, – поучительным тоном заметил Арамис.

– Я всегда говорил, что д'Артаньян самый умный из нас четверых, – сказал Атос и, произнеся эти слова, на которые д'Артаньян ответил поклоном, погрузился в обычное для него молчание.

– Но все-таки что произошло? – спросил Портос.

– Да, посвятите нас в эту тайну, дорогой друг, – подхватил Арамис. – Если только в эту историю не замешана честь дамы, тогда вам лучше сохранить вашу тайну при себе.

– Будьте спокойны, – сказал д'Артаньян, – ничья честь не пострадает от того, что я должен сообщить вам.

³⁹ *...тень Самуила являлась Саулу...* – Самуил – пророк и последний судья израильтян при переходе к эпохе царей. Его именем в Библии названы две книги (Первая и Вторая книги Царств), в которых изложена история Самуила. Саул, первый царь всего Израиля (XI век до н. э.), помазанный на царство Самуилом. Однажды Саул, когда стал неугоден Богу, пришел к чародейке Аэндоре, попросил ее вызвать дух Самуила, который предсказал поражение Израиля, смерть Саула и его сыновей.

И затем он во всех подробностях передал друзьям свой разговор с хозяином дома, добавив, что похититель жены этого достойного горожанина оказался тем самым незнакомцем, с которым у него произошло столкновение в гостинице «Вольный Мельник».

– Дело неплохое, – сказал Атос, с видом знатока отхлебнув вина и кивком головы подтвердив, что вино хорошее. – У этого доброго человека можно будет вытянуть пятьдесят – шестьдесят пистолей. Остается только рассудить, стоит ли из-за шестидесяти пистолей рисковать четырьмя головами.

– Не забывайте, – воскликнул д'Артаньян, – что здесь речь идет о женщине, о женщине, которую похитили, которая, несомненно, подвергается угрозам... возможно, пыткам, и все это только потому, что она верна своей повелительнице!

– Осторожней, д'Артаньян, осторожней! – сказал Арамис. – Вы чересчур близко, по моему, принимаете к сердцу судьбу госпожи Бонасье. Женщина сотворена нам на погибель, и она источник всех наших бед.

Атос при этих словах Арамиса закусил губу и нахмурился.

– Я тревожусь не о госпоже Бонасье, – воскликнул д'Артаньян, – а о королеве, которую покинул король, преследует кардинал и которая видит, как падают одна за другой головы всех ее приверженцев!

– Почему она любит тех, кого мы ненавидим всего сильнее, – испанцев и англичан?

– Испания ее родина, – ответил д'Артаньян, – и вполне естественно, что она любит испанцев, детей ее родной земли. Что же касается вашего второго упрека, то она, как мне говорили, любит не англичан, а одного англичанина.

– Должен признаться, – заметил Атос, – что англичанин этот достоин любви... Никогда не встречал я человека с более благородной внешностью.

– Не говоря уже о том, – добавил Портос, – что одевается он бесподобно. Я был в Лувре, когда он рассыпал свои жемчуга, и, клянусь Богом, подобрал две жемчужины, которые продал затем по двести пистолей за штуку. А ты, Арамис, знаешь его?

– Так же хорошо, как и вы, господа. Я был одним из тех, кто задержал его в амьенском саду, куда меня провел господин де Пютанж, конюший королевы. В те годы я был еще в семинарии. История эта, как мне казалось, была оскорбительна для короля.

– И все-таки, – сказал д'Артаньян, – если б я знал, где находится герцог Бекингэм, я готов был бы за руку привести его к королеве, хотя бы лишь назло кардиналу! Ведь наш самый жестокий враг – это кардинал, и, если б нам представился случай сыграть с ним какую-нибудь злую шутку, я был бы готов рискнуть даже головой.

– И галантерейщик, – спросил Атос, – дал вам понять, д'Артаньян, будто королева опасается, что Бекингэма сюда вызвали подложным письмом?

– Она этого боится.

– Погодите... – сказал Арамис.

– В чем дело? – спросил Портос.

– Ничего, продолжайте. Я стараюсь вспомнить кое-какие обстоятельства.

– И сейчас я убежден... – продолжал д'Артаньян, – я убежден, что похищение этой женщины связано с событиями, о которых мы говорили, а возможно, и с прибытием герцога Бекингэма в Париж.

– Этот гасконец необычайно сообразителен! – с восхищением воскликнул Портос.

– Я очень люблю его слушать, – сказал Атос. – Меня забавляет его произношение.

– Послушайте, милостивые государи! – заговорил Арамис.

– Послушаем Арамиса! – воскликнули друзья.

– Вчера я находился в пустынном квартале у одного ученого богослова, с которым я изредка советуюсь, когда того требуют мои ученые труды...

Атос улыбнулся.

– Он живет в отдаленном квартале, – продолжал Арамис, – в соответствии со своими наклонностями и родом занятий. И вот в тот миг, когда я выходил от него...

Тут Арамис остановился.

– Ну и что же? В тот миг, когда вы выходили...

Арамис замолчал, сделав усилие, как человек, который, завравшись, натывается на какое-то неожиданное препятствие. Но глаза слушателей впились в него, все напряженно ждали продолжения рассказа, и отступить было поздно.

– У этого богослова есть племянница... – продолжал Арамис.

– Вот как! У него есть племянница! – перебил его Портос.

– Весьма почтенная дама, – пояснил Арамис.

Трое друзей рассмеялись.

– Если вы смеетесь и сомневаетесь в моих словах, – сказал Арамис, – вы больше ничего не узнаете.

– Мы верим, как магометане, и немы, как катафалки, – сказал Атос.

– Итак, я продолжаю, – снова заговорил Арамис. – Эта племянница изредка навещает своего дядю. Вчера она случайно оказалась там в одно время со мной, и мне пришлось проводить ее до кареты...

– Ах, вот как! У нее есть карета, у племянницы богослова? – снова перебил Портос, главным недостатком которого было неумение держать язык за зубами. – Прелестное знакомство, друг мой.

– Портос, – сказал Арамис, – я уже однажды заметил вам: вы недостаточно скромны, и это вредит вам в глазах женщин.

– Господа, господа, – воскликнул д'Артаньян, догадывавшийся о подоплеке всей истории, – дело серьезное! Постараемся не шутить, если это возможно. Продолжайте, Арамис, продолжайте!

– Внезапно какой-то человек высокого роста, черноволосый, с манерами дворянина, напоминающий вашего незнакомца, д'Артаньян...

– Может быть, это он самый, – заметил д'Артаньян.

– ...в сопровождении пяти или шести человек, следовавших за ним в десятке шагов, подошел ко мне и произнес: «Господин герцог», а затем продолжал: «И вы, сударыня», уже обращаясь к даме, которая опиралась на мою руку...

– К племяннице богослова?

– Да замолчите же, Портос! – крикнул на него Атос. – Вы невыносимы.

– «Благоволите сесть в карету и не пытайтесь оказать сопротивление или поднять малейший шум» – так сказал этот человек.

– Он принял вас за Бекингэма! – воскликнул д'Артаньян.

– Я так полагаю, – ответил Арамис.

– А даму? – спросил Портос.

– Он принял ее за королеву! – сказал д'Артаньян.

– Совершенно верно, – подтвердил Арамис.

– Этот гасконец – суший дьявол! – воскликнул Атос. – Ничто не ускользнет от него.

– В самом деле, – сказал Портос, – ростом и походкой Арамис напоминает красавца герцога. Но мне кажется, что одежда мушкетера...

– На мне был длинный плащ, – сказал Арамис.

– В июле месяце! – воскликнул Портос. – Неужели твой ученый опасается, что ты будешь узнан?

– Я допускаю, что шпиона могла обмануть фигура, но лицо...

– На мне была широкополая шляпа, – объяснил Арамис.

– О Боже, – воскликнул Портос, – сколько предосторожностей ради изучения богословия!..

– Господа! Господа! – прервал их д'Артаньян. – Не будем тратить время на шутки. Разойдемся в разные стороны и примемся за поиски жены галантерейщика – тут кроется разгадка всей интриги.

– Женщина такого низкого звания! Неужели вы так полагаете, д'Артаньян? – спросил Портос, презрительно выпятив нижнюю губу.

– Она крестница де Ла Порта, доверенного камердинера королевы. Разве я не говорил вам этого, господа? И, кроме того, возможно, что в расчеты ее величества и входило на этот раз искать поддержки столь низко. Головы высоких людей видны издали, у кардинала хорошее зрение.

– Что ж, – сказал Портос, – сговаривайтесь с галантерейщиком, и за хорошую цену.

– Этого не нужно, – сказал д'Артаньян. – Мне кажется, что, если не заплатит он, нам хорошо заплатят другие...

В эту минуту послышались торопливые шаги на лестнице, дверь с шумом распахнулась, и несчастный галантерейщик ворвался в комнату, где совещались друзья.

– Господа! – возопил он. – Ради всего святого, спасите меня! Внизу четверо солдат, они пришли арестовать меня. Спасите меня! Спасите!

Портос и Арамис поднялись со своих мест.

– Минутку! – воскликнул д'Артаньян, сделав им знак вложить обратно в ножны полуобнаженные шпаги. – Здесь не храбрость нужна, а осторожность.

– Не можем же мы допустить... – возразил Портос.

– Предоставьте д'Артаньяну действовать по-своему, – сказал Атос. – Повторяю вам: он умнее нас всех. Я, по крайней мере, объявляю, что подчиняюсь ему... Поступай как хочешь, д'Артаньян.

В эту минуту четверо солдат появились в дверях передней. Но, увидев четырех мушкетеров при шпагах, они остановились, не решаясь двинуться дальше.

– Входите, господа, входите! – крикнул им д'Артаньян. – Вы здесь у меня, а все мы верные слуги короля и господина кардинала.

– В таком случае, милостивые государи, вы не воспрепятствуете нам выполнить полученные приказания? – спросил один из них – по-видимому, начальник отряда.

– Напротив, господа, мы даже готовы помочь вам, если окажется необходимость.

– Да что же он такое говорит? – пробормотал Портос.

– Ты глупец, – шепнул Атос, – молчи!

– Но вы же мне обещали... – чуть слышно пролепетал несчастный галантерейщик.

– Мы можем спасти вас, только оставаясь на свободе, – быстро шепнул ему д'Артаньян. – А если мы попытаемся заступиться за вас, нас арестуют вместе с вами.

– Но мне кажется...

– Пожалуйте, господа, пожалуйста! – громко произнес д'Артаньян. – У меня нет никаких оснований защищать этого человека. Я видел его сегодня впервые, да еще при каких обстоятельствах... он сам вам расскажет: он пришел требовать с меня за квартиру!.. Правду я говорю, господин Бонасье? Отвечайте.

– Чистейшую правду, – пролепетал галантерейщик. – Но господин мушкетер не сказал...

– Ни слова обо мне, ни слова о моих друзьях, и особенно ни слова о королеве, или вы погубите всех! – прошептал д'Артаньян. – Действуйте, господа, действуйте! Забирайте этого человека.

И д'Артаньян толкнул совершенно растерявшегося галантерейщика в руки стражников.

– Вы невежа, дорогой мой. Приходите требовать денег... это у меня-то, у мушкетера!.. В тюрьму! Повторяю вам, господа: забирайте его в тюрьму и держите под замком как можно дольше, пока я успею собрать деньги на платеж.

Полицейские рассыпались в словах благодарности и увели свою жертву.

Они уже начали спускаться с лестницы, когда д'Артаньян вдруг хлопнул начальника по плечу.

– Не выпить ли мне за ваше здоровье, а вам за мое? – предложил он, наполняя два бокала божансийским вином, полученным от г-на Бонасье.

– Слишком много чести для меня, – пробормотал начальник стражников. – Очень благодарен.

– Итак... за ваше здоровье, господин... как ваше имя?

– Буаренар.

– Господин Буаренар!

– За ваше, милостивый государь! Как ваше уважаемое имя, разрешите теперь спросить?

– Д'Артаньян.

– За ваше здоровье, господин д'Артаньян!

– А главное – вот за чье здоровье! – крикнул д'Артаньян словно в порыве восторга. – За здоровье короля и за здоровье кардинала!

Будь вино плохое, начальник стражников, быть может, усомнился бы в искренности д'Артаньяна, но вино было хорошее, и он поверил.

– Что за гадость вы проделали? – сказал Портос, когда глава алыгвазилов удалился вслед за своими подчиненными и четыре друга остались одни. – Как не стыдно! Четверо мушкетеров позволяют арестовать несчастного, прибегшего к их помощи! Дворянин пьет с сыщиком!

– Портос, – заметил Арамис, – Атос уже сказал тебе, что ты глупец, и мне приходится с ним согласиться... д'Артаньян, ты великий человек, и, когда ты займешь место господина де Тревиля, я буду просить тебя оказать покровительство и помочь мне стать настоятелем монастыря.

– Ничего не понимаю! – воскликнул Портос. – Вы одобряете поступок д'Артаньяна?

– Еще бы, черт возьми! – сказал Арамис. – Не только одобряю то, что он сделал, но даже поздравляю его.

– А теперь, господа, – произнес д'Артаньян, не пытаясь даже объяснить Портосу свое поведение, – один за всех и все за одного – это отныне наш девиз, не правда ли?

– Но... – начал было Портос.

– Протяни руку и клянись! – в один голос воскликнули Арамис и Атос.

Сраженный их примером, все же бормоча что-то про себя, Портос протянул руку, и все четверо хором произнесли слова, подсказанные им д'Артаньяном:

– Все за одного, один за всех!

– Отлично. Теперь пусть каждый отправляется к себе домой, – сказал д'Артаньян, словно бы он всю жизнь только и делал, что командовал. – И будьте осторожны, ибо с этой минуты мы вступили в борьбу с кардиналом.

Х. Мышеловка в семнадцатом веке

Мышеловка отнюдь не изобретение наших дней. Как только общество изобрело полицию, полиция изобрела мышеловку.

Принимая во внимание, что читатели наши не привыкли еще к особому языку парижской полиции и что мы впервые за пятнадцать с лишним лет нашей сочинительской работы употребляем такое выражение применительно к этой штуке, постараемся объяснить, о чем идет речь.

Когда в каком-нибудь доме, все равно в каком, арестуют человека, подозреваемого в преступлении, арест этот держится в тайне. В первой комнате квартиры устраивают засаду из четырех или пяти полицейских, дверь открывают всем, кто бы ни постучал, захлопывают ее за ними и арестовывают пришедшего. Таким образом, не проходит и двух-трех дней, как все постоянные посетители этого дома оказываются под замком.

Вот что такое мышеловка.

В квартире г-на Бонасье устроили именно такую мышеловку, и всех, кто там появлялся, задерживали и допрашивали люди г-на кардинала. Так как в помещение, занимаемое д'Артаньяном во втором этаже, вел особый ход, то его гости никаким неприятностям не подвергались.

Приходили к нему, впрочем, только его три друга. Все трое занимались розысками, каждый по-своему, но пока еще ничего не нашли, ничего не обнаружили. Атос решил даже задать несколько вопросов г-ну де Тревилю, что, принимая во внимание обычную неразговорчивость славного мушкетера, крайне удивило капитана. Но де Тревиль ничего не знал, кроме того, что в тот день, когда он в последний раз видел кардинала, короля и королеву, кардинал казался озабоченным, король как будто был чем-то обеспокоен, а покрасневшие глаза королевы говорили о том, что она либо не спала ночь, либо плакала. Последнее обстоятельство его не поразило: королева со времени своего замужества часто не спала по ночам и много плакала.

Г-н де Тревиль на всякий случай все же напомнил Атосу, что он должен преданно служить королю и особенно королеве, и просил передать это пожелание и его друзьям.

Что же касается д'Артаньяна, то он засел у себя дома. Свою комнату он превратил в наблюдательный пункт. В окно он видел всех, кто приходил и попадался в западню. Затем, разобрав паркет, так что от нижнего помещения, где происходил допрос, его отделял один только потолок, он получил возможность слышать все, что говорилось между сыщиками и обвиняемым. Допросы, перед началом которых задержанных тщательно обыскивали, сводились почти неизменно к следующему:

«Не поручала ли вам госпожа Бонасье передать что-нибудь ее мужу или другому лицу?»

«Не поручал ли вам господин Бонасье передать что-нибудь его жене или другому лицу?»

«Не проверяли ли они вам устно каких-нибудь тайн?»

«Если бы им что-нибудь было известно, – подумал д'Артаньян, – они не спрашивали бы о таких вещах. Теперь вопрос: что, собственно, они стремятся узнать? Очевидно, находится ли Бекингэм в Париже и не было ли у него или не предстоит ли ему свидание с королевой».

Д'Артаньян остановился на этом предположении, которое, судя по всему, не было лишено вероятности.

А пока мышеловка действовала непрерывно, и внимание д'Артаньяна не ослабевало.

Вечером, на другой день после ареста несчастного Бонасье после ухода Атоса, который отправился к г-ну де Тревилю, едва часы пробили девять и Планше, еще не постеливший на ночь постель, собиравшийся приняться за это дело, кто-то постучался с улицы во входную дверь. Дверь сразу же отворилась, затем захлопнулась: кто-то попал в мышеловку.

Д'Артаньян бросился к месту, где был разобран пол, лег навзничь и весь превратился в слух.

Вскоре раздались крики, затем стоны, которые, по-видимому, пытались заглушить. Допроса не было и в помине.

«Дьявол! – подумал д'Артаньян. – Мне кажется, что это женщина: ее обыскивают, она сопротивляется... Они применяют силу... Негодяи!...»

Д'Артаньяну приходилось напрягать всю свою волю, чтобы не вмешаться в происходившее там, внизу.

– Но я же говорю вам, господа, что я хозяйка этого дома, я же говорю вам, что я госпожа Бонасье, что я служу королеве! – кричала несчастная женщина.

– Госпожа Бонасье! – прошептал д'Артаньян. – Неужели мне повезло и я нашел то, что разыскивают все?

– Вас-то мы и поджидали! – отвечали ей.

Голос становился все глуше. Поднялась какая-то шумная возня. Женщина сопротивлялась так, как женщина может сопротивляться четверым мужчинам.

– Пустите меня... пусти... – прозвучал еще голос женщины. Это были последние членораздельные звуки.

– Они затыкают ей рот, сейчас они уведут ее! – воскликнул д'Артаньян, вскакивая, словно на пружине. – Шпагу!.. Да она при мне... Планше!

– Что прикажете?

– Беги за Атосом, Портосом и Арамисом. Кого-нибудь из них троих ты наверняка заставишь, а может быть, все трое уже вернулись домой. Пусть захватят оружие, пусть спешат, пусть бегут сюда... Ах, вспомнил: Атос у господина де Тревиля.

– Но куда же вы, куда же вы, сударь?

– Я спущусь вниз через окно! – крикнул д'Артаньян. – Так будет скорее. А ты заделай дыру в паркете, подмети пол, выходи через дверь и беги, куда я приказал.

– О сударь, сударь, вы убьетесь! – закричал Планше.

– Молчи, осел! – крикнул д'Артаньян.

И, ухватившись рукой за подоконник, он соскочил со второго этажа, к счастью не очень высокого; он даже не ушибся.

И тут же, подойдя к входным дверям, он тихонько постучал, прошептав:

– Сейчас я тоже попадусь в мышеловку, и горе тем кошкам, которые посмеют тронуть такую мышь!

Не успел молоток удариться в дверь, как шум внутри замер. Послышались шаги, дверь распахнулась, и д'Артаньян, обнажив шпагу, ворвался в квартиру г-на Бонасье, дверь которой, очевидно, снабженная пружиной, сама захлопнулась за ним.

Обнажив шпагу, д'Артаньян ворвался в квартиру г-на Бонасье.

И тогда остальные жильцы этого злополучного дома, а также и ближайшие соседи услышали отчаянные крики, топот, звон шпаг и грохот передвигаемой мебели. Немного погодя все те, кого встревожил шум и кто высунулся в окно, чтобы узнать, в чем дело, могли увидеть, как снова раскрылась дверь и четыре человека, одетые в черное, не вышли, а вылетели из нее словно стая вспугнутых ворон, оставив на полу и на углах столов перья, выдранные из их крыльев, другими словами – лоскутья одежды и обрывки плащей.

Победа досталась д'Артаньяну, нужно сказать, без особого труда, так как лишь один из сыщиков оказался вооруженным, да и то защищался только для виду. Остальные, правда, пытались оглушить молодого человека, швыряя в него стульями, табуретками и даже горшками. Но несколько царапин, нанесенных шпагой гасконца, нагнали на них страху. Десяти минут было достаточно, чтобы нанести им полное поражение, и д'Артаньян стал господином на поле боя.

Соседи, распахнувшие окна с хладнокровием, свойственным парижанам в те времена постоянных восстаний и вооруженных столкновений, захлопнули их тотчас же после бегства четырех одетых в черное. Чутье подсказывало им, что пока все кончено.

Кроме того, было уже довольно поздно, а тогда, как и теперь, в квартале, прилегавшем к Люксембургскому дворцу, спать укладывались рано.

Д'Артаньян, оставшись наедине с г-жой Бонасье, повернулся к ней. Бедная женщина почти без чувств лежала в кресле. Д'Артаньян окинул ее быстрым взглядом.

То была очаровательная женщина лет двадцати пяти или двадцати шести, темноволосая, с голубыми глазами, чуть-чуть вздернутым носиком, чудесными зубками. Мраморно-белая кожа ее отливала розовым, подобно опалу. На этом, однако, кончались черты, по которым ее можно было принять за даму высшего света. Руки были белые, но форма их была грубовата. Ноги также не указывали на высокое происхождение. К счастью для д'Артаньяна, его еще не могли смутить такие мелочи.

Разглядывая г-жу Бонасье и, как мы уже говорили, остановив внимание на ее ножках, он вдруг заметил лежавший на полу батистовый платочек, который он поднял. На уголке платка выделялся герб, виденный им однажды на платке, из-за которого они с Арамисом чуть не перерезали друг другу горло.

Д'Артаньян с тех самых пор питал недоверие к платкам с гербами. Поэтому он, ничего не говоря, вложил поднятый им платок в карман г-жи Бонасье. Молодая женщина в эту минуту пришла в себя. Открыв глаза и в страхе оглядевшись кругом, она увидела, что квартира пуста и она одна со своим спасителем. Она сразу же с улыбкой протянула ему руки. Улыбка г-жи Бонасье была полна очарования.

– Ах, сударь, – проговорила она, – вы спасли меня! Позвольте мне поблагодарить вас.

– Сударыня, – ответил д'Артаньян, – я сделал только то, что сделал бы на моем месте любой дворянин. Вы поэтому не обязаны мне никакой благодарностью.

– О нет, нет, и я надеюсь доказать вам, что умею быть благодарной! Но что было нужно от меня этим людям, которых я сначала приняла за воров, и почему здесь нет господина Бонасье?

– Эти люди, сударыня, были во много раз опаснее воров. Это люди господина кардинала. Что же касается вашего мужа, господина Бонасье, то его нет здесь потому, что его вчера арестовали и увели в Бастилию.

– Мой муж в Бастилии? – воскликнула г-жа Бонасье. – Что же он мог сделать? Ведь он – сама невинность!

И какое-то подобие улыбки скользнуло по все еще испуганному лицу молодой женщины.

– Что он сделал, сударыня? – произнес д'Артаньян. – Мне кажется, единственное его преступление заключается в том, что он имеет одновременно счастье и несчастье быть вашим супругом.

– Но, значит, вам известно, сударь...

– Мне известно, что вы были похищены.

– Но кем, кем? Известно ли вам это? О, если вы знаете, скажите мне!

– Человеком лет сорока или сорока пяти, черноволосым, смуглым, с рубцом на левом виске.

– Верно, верно! Но имя его?

– Имя?.. Вот этого-то я и не знаю.

– А муж мой знал, что я была похищена?

– Он узнал об этом из письма, написанного самим похитителем.

– А догадывается ли он, – спросила г-жа Бонасье, смутившись, – о причине этого похищения?

– Он предполагал, как мне кажется, что здесь была замешана политика.

– Я сомневалась в этом вначале, но сейчас я такого же мнения. Итак, он ни на минуту не усомнился во мне, этот добрый господин Бонасье?

– О, ни на одну минуту! Он так гордился вашим благоразумием и вашей любовью.

Улыбка еще раз чуть заметно скользнула по розовым губкам этой хорошенькой молодой женщины.

– Но как вам удалось бежать? – продолжал допытываться д'Артаньян.

– Я воспользовалась минутой, когда осталась одна, и так как с сегодняшнего утра мне стала ясна причина моего похищения, то я с помощью простынь спустилась из окна. Я думала, что мой муж дома, и прибежала сюда.

– Чтоб искать у него защиты?

– О нет! Бедный, милый мой муж! Я знала, что он не способен защитить меня. Но так как он мог другим путем услужить нам, я хотела его предупредить.

– О чем?

– Нет, это уже не моя тайна! Я поэтому не могу раскрыть ее вам.

– Кстати, – сказал д'Артаньян, – простите, сударыня, что, хоть я и гвардеец, все же я вынужден призвать вас к осторожности: мне кажется, место здесь неподходящее для того, чтобы поверять какие-либо тайны. Сыщики, которых я прогнал, вернутся с подкреплением. Если они застанут нас здесь, мы погибли. Я, правда, послал уведомить трех моих друзей, но кто знает, застали ли их дома...

– Да-да, вы правы! – с испугом воскликнула г-жа Бонасье. – Бежим, скроемся скорее отсюда!

С этими словами она схватила д'Артаньяна под руку и потянула его к двери.

– Но куда бежать? – вырвалось у д'Артаньяна. – Куда скрыться?

– Прежде всего подальше от этого дома! Потом увидим.

Даже не прикрыв за собой дверей, они, выйдя из дома, побежали по улице Могильщиков, завернули на Королевский Ров и остановились только у площади Сен-Сюльпис.

– А что же нам делать дальше? – спросил д'Артаньян. – Куда мне проводить вас?

– Право, не знаю, что ответить вам... – сказала г-жа Бонасье. – Я собиралась через моего мужа вызвать господина де Ла Порта и от него узнать, что произошло в Лувре за последние три дня и не опасно ли мне туда показываться.

– Но ведь я могу пойти и вызвать господина де Ла Порта, – сказал д'Артаньян.

– Конечно. Но беда в одном: господина Бонасье в Лувре знали, и его бы пропустили, а вас не знают, и двери для вас будут закрыты.

– Пустяки! – возразил д'Артаньян. – У какого-нибудь из входов в Лувр, верно, есть преданный вам привратник, который, услышав пароль...

Г-жа Бонасье пристально посмотрела на молодого человека.

– А если я скажу вам этот пароль, – прошептала она, – забудете ли вы его тотчас же после того, как воспользуетесь им?

– Честное слово, слово дворянина! – произнес д'Артаньян тоном, не допускавшим сомнений.

– Хорошо. Я верю вам. Вы, кажется, славный молодой человек. И от вашей преданности, быть может, зависит ваше будущее.

– Я не требую обещаний и честно сделаю все, что будет в моих силах, чтобы послужить королю и быть приятным королеве, – сказал д'Артаньян. – Располагайте мною как другом.

– Но куда вы спрячете меня на это время?

– Нет ли у вас человека, к которому бы господин де Ла Порт мог за вами прийти?

– Нет, я не хочу никого посвящать в это дело.

– Подождите, – произнес д'Артаньян. – Мы рядом с домом Атоса... Да, правильно.

– Кто это – Атос?

– Один из моих друзей.

– Но если он дома и увидит меня?

– Его нет дома, и, пропустив вас в квартиру, я ключ унесу с собой.

– А если он вернется?

– Он не вернется. В крайнем случае, ему скажут, что я привел женщину и эта женщина находится у него.

– Но это может меня очень сильно скомпрометировать, понимаете ли вы это?

– Какое вам дело! Никто вас там не знает. И к тому же мы находимся в таком положении, что можем пренебречь приличиями.

– Хорошо. Пойдемте же к вашему другу. Где он живет?

– На улице Феру, в двух шагах отсюда.

– Идем.

И они побежали дальше. Атоса, как и предвидел д'Артаньян, не было дома. Д'Артаньян взял ключ, который ему, как другу Атоса, всегда беспрекословно давали, поднялся по лестнице и впустил г-жу Бонасье в маленькую квартирку, уже описанную нами выше.

– Располагайтесь как дома, – сказал он. – Погодите: закройте дверь изнутри и никому не отпирайте иначе, как если постучат три раза... вот так. – И он стукнул три раза – два раза подряд и довольно сильно, третий раз после паузы и слабее.

– Хорошо, – сказала г-жа Бонасье. – Теперь моя очередь дать вам наставление.

– Слушаю вас.

– Отправляйтесь в Лувр и постучитесь у калитки, выходящей на улицу Эшель. Попросите Жермена.

– Хорошо. А затем?

– Он спросит, что вам угодно, и вместо ответа вы скажете два слова: Тур и Брюссель. Тогда он исполнит ваше приказание.

– Что же я прикажу ему?

– Вызвать господина де Ла Порта, камердинера королевы.

– А когда он вызовет его и господин де Ла Порт выйдет?

– Вы пошлете его ко мне.

– Прекрасно. Но где и когда я увижу вас снова?

– А вам очень хочется встретиться со мной опять?

– Конечно!

– Тогда предоставьте мне позаботиться об этом и будьте спокойны.

– Я полагаюсь на ваше слово.

– Можете положиться.

Д'Артаньян поклонился г-же Бонасье, бросив ей самый влюбленный взгляд, каким только можно было охватить всю ее маленькую фигурку, и, пока сходил с лестницы, услышал, как дверь позади него захлопнулась и ключ дважды повернулся в замке. Мигом добежал он до Лувра. Подходя к калитке с улицы Эшель, он услышал, как пробило десять часов. Все события, только что описанные нами, промелькнули за какие-нибудь полчаса.

Все произошло так, как говорила г-жа Бонасье. Услышав пароль, Жермен поклонился. Не прошло и десяти минут, как Ла Порт был уже в комнате привратника. Д'Артаньян в двух словах рассказал ему обо всем, что произошло, и сообщил, где находится г-жа Бонасье. Ла Порт дважды повторил адрес и поспешил к выходу. Но, не сделав и двух шагов, он вдруг вернулся.

– Молодой человек, – сказал он, обращаясь к д'Артаньяну, – разрешите дать вам совет.

– Какой именно?

– То, что произошло, может доставить вам неприятности.

– Вы думаете?

– Да. Нет ли у вас друга, у которого отстают часы?

– Ну, что же дальше?

– Навестите его, с тем чтобы потом он мог засвидетельствовать, что в половине десятого вы находились у него. Юристы называют это алиби.

Д'Артаньян нашел совет благоразумным и что было сил помчался к г-ну де Тревилю. Но, не заходя в гостиную, где, как всегда, было много народу, он попросил разрешения пройти в кабинет. Так как д'Артаньян часто бывал здесь, просьбу его сразу же удовлетворили, и слуга отправился доложить г-ну де Тревилю, что его молодой земляк, желая сообщить нечто важное, просит принять его. Минут через пять г-н де Тревиль уже прошел в кабинет. Он спросил у д'Артаньяна, чем он может быть ему полезен и чему он обязан его посещением в такой поздний час.

– Простите, сударь! – сказал д'Артаньян, который, воспользовавшись минутами, пока оставался один, успел переставить часы на три четверти часа назад. – Я думал, что в двадцать пять минут десятого еще не слишком поздно явиться к вам.

– Двадцать пять минут десятого? – воскликнул г-н де Тревиль, поворачиваясь к стенным часам. – Да нет, не может быть!

– Поглядите сами, – сказал д'Артаньян, – и вы убедитесь.

– Да, правильно, – произнес де Тревиль. – Я был уверен, что уже позднее. Но что же вам от меня нужно?

Тогда д'Артаньян пустился в пространный рассказ о королеве. Он поделился своими тревогами по поводу ее положения, сообщил, что он слышал относительно замыслов кардинала, направленных против Бекингема, и речь его была полна такой уверенности и такого спокойствия, что де Тревиль не мог ему не поверить, тем более что и он сам, как мы уже говорили, уловил нечто новое в отношениях между кардиналом, королем и королевой.

Когда пробило десять часов, д'Артаньян расстался с г-ном де Тревилем, который, поблагодарив его за сообщенные ему сведения и посоветовав всегда верой и правдой служить королю и королеве, вернулся в гостиную.

Спустившись с лестницы, д'Артаньян вдруг вспомнил, что забыл свою трость. Поэтому он быстро поднялся обратно, вошел в кабинет и тут же сразу передвинул стрелки на место, чтобы на следующее утро никто не мог заметить, что часы отставали. Уверенный теперь, что у него есть свидетель, готовый установить его алиби, он спустился вниз и вышел на улицу.

XI. Интрига завязывается

Выйдя от г-на де Тревиля, д'Артаньян в задумчивости избрал самую длинную дорогу для возвращения домой.

О чем же думал молодой гасконец, так далеко уклоняясь от своего пути, поглядывая на звезды и то улыбаясь, то вздыхая?

Он думал о г-же Бонасье. Ученику-мушкетеру эта молодая женщина казалась чуть ли не идеалом возлюбленной. Хорошенькая, полная таинственности, посвященная чуть ли не во все придворные интриги, которые налагали на ее прелестные черты особый отпечаток озабоченности, она казалась не слишком недоступной, что придает женщине несказанное очарование в глазах неопытного любовника. Кроме того, д'Артаньян вырвал ее из рук этих демонов, собиравшихся обыскать ее и, быть может, подвергнуть истязаниям, и эта незабываемая услуга породила в ней чувство признательности, так легко переходящее в нечто более нежное.

Д'Артаньян уже представлял себе – настолько быстро летят мечты на крыльях воображения, – как к нему приближается посланный от молодой женщины и вручает записку о предстоящем свидании, а в придачу к ней и золотую цепочку или перстень с алмазом. Мы говорили уже, что молодые люди тех времен принимали без стеснения подарки от своего короля. Добавим к этому, что в те времена не слишком требовательной морали они не выказывали чрезмерной гордости и по отношению к своим возлюбленным. Их дамы почти всегда оставляли им на память ценные и долговечные подарки, словно стараясь закрепить их неустойчивые чувства неразрушимой прочностью своих даров.

В те времена путь себе прокладывали с помощью женщин и не стыдились этого. Те, что были только красивы, дарили свою красоту, и отсюда, должно быть, произошла поговорка, что «самая прекрасная девушка может отдать лишь то, что имеет». Богатые отдавали часть своих денег, и можно было назвать немало героев той щедрой на приключения эпохи, которые не добились бы ни чинов, ни побед на поле брани, если бы не набитые более или менее туго кошельки, которые возлюбленные привязали к их седлу.

Д'Артаньян был беден. Налет провинциальной нерешительности – этот хрупкий цветок, этот пушок персика – был быстро унесен вихрем не слишком-то нравственных советов, которыми три мушкетера снабжали своего друга. Подчиняясь странным обычаям своего времени, д'Артаньян чувствовал себя в Париже словно в завоеванном городе, почти так, как чувствовал бы себя во Фландрии: испанцы – там, женщины – здесь. И там и тут был враг, с которым полагось бороться, была контрибуция, которую полагалось наложить.

Все же мы должны сказать, что сейчас д'Артаньяном руководило более благородное и бескорыстное чувство. Правда, галантерейщик говорил ему, что он богат. Д'Артаньяну нетрудно было догадаться, что у такого простачка-мужа, каким был г-н Бонасье, кошельком, по всей вероятности, распоряжалась жена. Но все это несколько не повлияло на те чувства, которые вспыхнули в нем при виде г-жи Бонасье, и любовь, зародившаяся в его сердце, была почти совершенно чужда какой-либо корысти. Мы говорим «почти», ибо мысль о том, что красивая, приветливая и остроумная молодая женщина к тому же и богата, не мешает увлечению и даже наоборот – усиливает его.

С достатком сопряжено множество аристократических мелочей, которые приятно сочетаются с красотой. Тонкий, сверкающий белизной чулок, кружевной воротничок, изящная туфелька, красивая ленточка в волосах не превратят уродливую женщину в хорошенькую, но хорошенькую сделают красивой, не говоря уж о руках, которые от всего этого выигрывают. Руки женщины, чтобы остаться красивыми, должны быть праздными.

Кроме того, д'Артаньян – состояния его денежных средств мы не скрыли от читателя, – д'Артаньян отнюдь не был миллионером. Он, правда, надеялся когда-нибудь стать им, но срок,

который он сам намечал для этой благоприятной перемены, был довольно отдаленный. А пока – что за ужас видеть, как любимая женщина жаждет тысячи пустяков, которые составляют всю радость этих слабых существ, и не иметь возможности предложить ей эту тысячу пустяков! Если женщина богата, а любовник ее беден, она, по крайней мере, может сама купить себе то, чего он не имеет возможности ей преподнести. И хотя приобретает она обычно все эти безделушки на деньги мужа, ему редко бывают за то признательны.

Д'Артаньян, готовясь стать нежнейшим любовником, оставался преданнейшим другом. Всецело увлеченный прелестной г-жой Бонасье, он не забывал и о своих приятелях. Она была женщиной, с которой лестно было прогуляться по поляне Сен-Дени или по Сен-Жерменской ярмарке в сопровождении Атоса, Портоса и Арамиса, перед которыми д'Артаньян был не прочь похвастать своей победой. Затем, после долгой прогулки, появляется аппетит. Д'Артаньян с некоторого времени стал это замечать. Можно будет время от времени устраивать один из тех очаровательных обедов, когда рука касается руки, а нога – ножки возлюбленной. И, наконец, в особо трудные минуты, когда положение становится безвыходным, д'Артаньян будет иметь возможность выручать своих друзей.

А как же г-н Бонасье, которого д'Артаньян передал в руки сыщиков, громко отрекаясь от него и шепотом обещая спасение и помощь? Мы вынуждены признаться нашим читателям, что д'Артаньян и не вспоминал о нем, а если и вспоминал, то лишь для того, чтобы мысленно пожелать ему, где бы он ни находился, оставаться там, где он есть. Любовь из всех видов страсти – самая эгоистичная.

Пусть, однако, наши читатели не беспокоятся: если д'Артаньян забыл или сделал вид, что забыл своего хозяина, ссылаясь на то, что не знает, куда его отправили, мы-то не забываем о нем, и нам его местопребывание известно. Но временно последуем примеру влюбленного гасконца – к почтенному галантерейщику мы вернемся позже.

Предаваясь любовным мечтам, разговаривая с ночным небом и улыбаясь звездам, д'Артаньян шел вверх по улице Шерш-Миди, или Шасс-Миди, как ее называли в те годы. Оказавшись поблизости от дома, где жил Арамис, он решил зайти к своему другу, чтобы объяснить ему, зачем он посылал к нему Планше с просьбой немедленно прийти в мышеловку. Если Арамис был у себя, когда пришел Планше, он, без сомнения, поспешил на улицу Могильщиков и, не застав там никого, кроме разве что двух своих товарищей, не мог понять, что все это должно было значить. Необходимо было объяснить, почему д'Артаньян позвал своего друга. Вот что громко говорил себе д'Артаньян.

В глубине души он видел в этом удобный повод поговорить о прелестной г-же Бонасье, которая целиком заполонила если не сердце его, то мысли. Не от того, кто влюблен впервые, можно требовать умения молчать. Первой любви сопутствует такая бурная радость, что ей нужен исход, иначе она задушит влюбленного.

Уже два часа, как Париж погрузился во мрак, и улицы его начинали пустеть. Все часы Сен-Жерменского предместья пробили одиннадцать. Было тепло и тихо. Д'Артаньян шел переулком, нашедшимся в том месте, где сейчас пролегает улица Асса. Воздух был напоен благоуханием, которое ветер доносил с улицы Вожирар, из садов, освеженных вечерней росой и прохладой ночи. Издали, хоть и заглушённые плотными ставнями, доносились песни гуляк, веселившихся в каком-то кабачке. Дойдя до конца переулочка, д'Артаньян свернул влево. Дом, где жил Арамис, был расположен между улицей Кассет и улицей Сервандони.

Д'Артаньян миновал улицу Кассет и издали видел уже дверь дома своего друга, над которой ветви клена, переплетенные густо разросшимся диким виноградом, образовывали плотный зеленый навес. Внезапно д'Артаньяну почудилось, что какая-то тень свернула с улицы Сервандони. Эта тень была закутана в плащ, и д'Артаньяну сначала показалось, что это мужчина. Но низкий рост, неуверенность походки и движений быстро убедили его, что перед ним женщина. Словно сомневаясь, тот ли это дом, который она ищет, женщина поднимала голову,

чтобы лучше определить, где она находится, останавливалась, делала несколько шагов назад, снова шла вперед. Д'Артаньян был заинтригован.

«Не предложить ли ей свои услуги? – подумал он. – Судя по походке, она молода... возможно, хороша собой. Конечно! Но женщина, бегающая по улицам в такой поздний час, могла выйти только на свидание со своим возлюбленным. Черт возьми! Помешать свиданию – дурной способ, чтобы завязать знакомство».

Молодая женщина между тем продвигалась вперед, отсчитывая дома и окна. Это, впрочем, не требовало ни особого труда, ни времени. В той части улицы было только три дома, и всего два окна выходило на эту улицу. Одно из них было окно небольшой пристройки, параллельной флигелю, который занимал Арамис, второе было окно самого Арамиса.

«Клянусь Богом! – подумал д'Артаньян, которому вдруг вспомнилась племянница богослова. – Клянусь Богом, было бы забавно, если бы эта запоздалая голубка искала дом нашего друга! Но я душу готов отдать в заклад, что похоже на то. Ну, дорогой мой Арамис, на этот раз я добьюсь правды!»

И д'Артаньян, стараясь занимать как можно меньше места, укрылся в самом темном углу подле каменной скамьи, стоявшей в глубине какой-то ниши.

Молодая женщина подходила все ближе. Сомнений в том, что она молода, уже не могло оставаться; помимо походки, выдавшей ее почти сразу, обличал ее и голос: она слегка кашлянула, и по этому кашлю д'Артаньян определил, что голосок у нее свежий и звонкий. И тут же он подумал, что кашель этот – условный сигнал.

То ли на этот сигнал было отвечено таким же сигналом, то ли, наконец, она и без посторонней помощи определила, что достигла цели, – только женщина вдруг решительно направилась к окну Арамиса и трижды с равномерными промежутками постучала согнутым пальцем в ставень.

– Ну конечно, она стучится к Арамису! – прошептал д'Артаньян. – Вот оно что, господин лицемер! Знаю я теперь, как вы изучаете богословие!

Не успела женщина постучать, как внутренняя рама раскрылась, и сквозь ставень мелькнул свет.

– Ага... – проговорил подслушивавший не у дверей, а у окна, – ага, посетительницу ожидали! Сейчас раскроется ставень, и дама заберется через окно. Прекрасно!

Но, к великому удивлению д'Артаньяна, ставень оставался закрытым. Огонь, мелькнувший на мгновение, исчез, и все снова погрузилось во мрак. Д'Артаньян решил, что это ненадолго, и продолжал стоять, весь превратившись в зрение и слух.

Он оказался прав. Через несколько секунд изнутри раздались два коротких удара в ставень.

Молодая женщина, стоявшая на улице, в ответ стукнула один раз, и ставень раскрылся.

Можно себе представить, как жадно д'Артаньян смотрел и слушал.

К несчастью, источник света был перенесен в другую комнату. Но глаза молодого человека успели привыкнуть к темноте. Да, кроме того, глаза гасконцев, как уверяют, обладают способностью, подобно глазам кошек, видеть во мраке.

Д'Артаньян увидел, что молодая женщина вытащила из кармана какой-то белый сверток и поспешно развернула его. Это был платок. Развернув его, она указала своему собеседнику на уголок платка.

Д'Артаньяну живо представился платочек, найденный им у ног г-жи Бонасье и заставивший его вспомнить о том, который обронил Арамис.

Какую, черт возьми, роль играл этот платок?

С того места, где стоял молодой гасконец, он не мог видеть лицо Арамиса, – он ни на минуту не усомнился, что именно Арамис беседует с дамой, стоящей под окном. Любопытство взяло верх над осторожностью, и, пользуясь тем, что внимание обоих действующих лиц этой

сцены было целиком поглощено платком, он выбрался из своего убежища с быстротой молнии, однако бесшумно, перебежал улицу и прильнул к такому месту стены, откуда взор его мог проникнуть в глубину комнаты Арамиса.

Заглянув в окно, д'Артаньян чуть не вскрикнул от удивления: не Арамис разговаривал с ночной посетительницей, а женщина. К сожалению, д'Артаньян, хотя и мог в темноте различить контуры ее фигуры, не мог разглядеть ее лицо.

В эту минуту женщина, находившаяся в комнате, вынула из кармана другой платок и заменила им тот, который ей подали. После этого обе женщины обменялись несколькими словами. Наконец ставень закрылся. Женщина, стоявшая на улице, обернулась и прошла в трех-четырех шагах от д'Артаньяна, опустив на лицо капюшон своего плаща. Но предосторожность эта запоздала – д'Артаньян успел узнать г-жу Бонасье.

Г-жа Бонасье! Подозрение, что это она, уже мелькнуло у него, когда она вынула из кармана платок. Но как мало вероятного было в том, чтобы г-жа Бонасье, пославшая за г-ном де Ла Портом, который должен был проводить ее в Лувр, вдруг в половине двенадцатого ночи бегала по улицам, рискуя снова быть похищенной!

Это делалось, значит, во имя чего-то очень важного. А что же может быть важно для двадцатипятилетней женщины, если не любовь?

Но ради себя ли самой или какого-то третьего лица шла она на такой риск? Вот вопрос, который задавал себе д'Артаньян. Демон ревности терзал его сердце, как если бы он был уже признанным любовником.

Существовало, впрочем, простое средство, чтобы удостовериться, куда спешит г-жа Бонасье. Нужно было проследить за ней. Это средство было столь простым, что д'Артаньян прибег к нему не задумываясь.

Но при виде молодого человека, который отделился от стены, словно статуя, вышедшая из ниши, и при звуке его шагов г-жа Бонасье вскрикнула и бросилась бежать.

д'Артаньян погнался за ней. Для него не представляло трудности догнать женщину, путавшуюся в складках своего плаща. Он настиг ее поэтому раньше, чем она пробежала треть улицы, на которую свернула. Несчастная совсем обессилела – не столько от усталости, сколько от страха, – и, когда д'Артаньян положил руку ей на плечо, она упала на одно колено и сдавленным голосом вскрикнула:

– Убейте меня, если хотите! Все равно я ничего не скажу!

д'Артаньян поднял ее, охватив рукой ее стан. Но, чувствуя, как тяжело она повисла на его руке, и понимая, что она близка к обмороку, он поспешил успокоить ее, уверяя в своей преданности. Эти уверения ничего не значили для г-жи Бонасье: такие уверения можно расточать и с самыми дурными намерениями. Но голос, произносивший их, – вот в чем была сила. Молодой женщине показалось, что она узнаёт этот голос. Она открыла глаза, взглянула на человека, так сильно напугавшего ее, и, узнав д'Артаньяна, вскрикнула от радости.

– Ах, это вы! – повторяла она. – Боже, благодарю тебя!

– Да, это я, – сказал д'Артаньян. – Я, которого Бог послал, чтобы оберегать вас.

– И потому только вы и следили за мной? – спросила с лукавой улыбкой молодая женщина, насмешливый нрав которой брал уже верх. Страх ее исчез, как только она узнала друга в том, кого принимала за врага.

– Нет, – ответил д'Артаньян, – нет, признаюсь вам. Случай поставил меня на вашем пути. Я увидел, как женщина стучится в окно одного из моих друзей...

– Одного из ваших друзей? – перебила его г-жа Бонасье.

– Разумеется. Арамис – один из моих самых близких друзей.

– Арамис? Кто это?

– Да полно! Неужели вы станете уверять меня, что не знаете Арамиса?

– Я впервые слышу это имя.

- Значит, вы в первый раз приходили к этому дому?
- Конечно.
- И вы не знали, что здесь живет молодой человек?
- Нет.
- Мушкетер?
- Да нет же, нет!
- Следовательно, вы искали не его?
- Конечно, нет. Да вы сами могли видеть, что лицо, с которым я разговаривала, – женщина.
- Это правда. Но женщина эта – приятельница Арамиса?
- Не знаю.
- Но раз она живет у него?
- Это меня не касается.
- Но кто она?
- О, эта тайна – не моя.
- Дорогая госпожа Бонасье, вы очаровательны, но в то же время вы невероятно таинственная женщина.
- Разве я от этого проигрываю?
- Нет, напротив, вы прелестны.
- Если так, дайте мне опереться на вашу руку.
- С удовольствием. А теперь?
- А теперь проводите меня.
- Куда?
- Туда, куда я иду.
- Но куда вы идете?
- Вы увидите, раз доведете меня до дверей.
- Нужно будет подождать вас?
- Это будет напрасно.
- Вы, значит, будете возвращаться не одна?
- Быть может – да, быть может – нет.
- Но лицо, которое пойдет провожать вас, будет ли это мужчина или женщина?
- Не знаю еще.
- Но зато я узнаю!
- Каким образом?
- Я подожду и увижу, с кем вы выйдете.
- В таком случае – прощайте!
- Как так?
- Вы больше не нужны мне.
- Но вы сами просили...
- Помощи дворянина, а не надзора шпиона.
- Это слово чересчур жестоко.
- Как называют того, кто следит за человеком вопреки его воле?
- Нескромным.
- Это слово чересчур мягко.
- Ничего не поделаешь, сударыня. Вижу, что приходится исполнять все ваши желания.
- Почему вы лишили себя заслуги исполнить это желание сразу же?
- А разве нет заслуги в раскаянии?
- Вы в самом деле раскаиваетесь?

– И сам не знаю... Одно я знаю: я готов исполнить все, что пожелаете, если вы позволите мне проводить вас до того места, куда вы идете.

– И затем вы оставите меня?

– Да.

– И не станете следить за мной?

– Нет.

– Честное слово?

– Слово дворянина!

– Тогда дайте вашу руку – и идем!

Д'Артаньян предложил г-же Бонасье руку, и молодая женщина оперлась на нее, уже готовая смеяться, но еще дрожа. Так они дошли до конца улицы Лагарп. Здесь молодая женщина как будто заколебалась, как колебалась раньше на улице Вожирар, но затем по некоторым признакам, по-видимому, узнала нужную дверь.

– А теперь, – сказала она, подходя к этой двери, – мне надо сюда. Тысячу раз благодарю за благородную помощь. Вы оградили меня от опасностей, которым я подвергалась бы, если бы была одна. Но настало время выполнить ваше обещание. Я пришла туда, куда мне было нужно.

– А на обратном пути вам нечего будет опасаться?

– Разве только воров.

– А разве это пустяк?

– А что они могут отнять у меня? У меня нет при себе ни одного денье.

– Вы забываете прекрасный вышитый платок с гербом.

– Какой платок?

– Тот, что я подобрал у ваших ног и вложил вам в карман.

– Молчите, молчите, несчастный! – воскликнула молодая женщина. – Или вы хотите погубить меня?

– Вы сами видите, что вам еще грозит опасность, раз одного слова достаточно, чтобы привести вас в трепет, и вы признаете, что, если б это слово достигло чьих-нибудь ушей, вы бы погибли... Послушайте, сударыня, – воскликнул д'Артаньян, схватив ее руку и пронизывая ее пламенным взглядом, – послушайте, будьте смелее, доверьтесь мне! Неужели вы не прочли в моих глазах, что сердце мое исполнено расположения и преданности вам?

– Я это чувствую. Поэтому вы можете расспрашивать меня о всех моих тайнах, но чужие тайны – это другое дело.

– Хорошо, – сказал д'Артаньян. – Но я раскрою их. Раз эти тайны могут влиять на вашу судьбу, они должны стать и моими.

– Сохрани вас Бог от этого! – воскликнула молодая женщина, и в голосе ее прозвучала такая тревога, что д'Артаньян невольно вздрогнул. – Умоляю вас, не вмешивайтесь ни во что, касающееся меня, не пытайтесь помочь мне в выполнении того, что на меня возложено. Я умоляю вас об этом во имя того чувства, которое вы ко мне питаете, во имя услуги, которую вы мне оказали и которую я никогда в жизни не забуду! Поверьте моим словам! Не думайте больше обо мне, я не существую больше для вас, словно вы меня никогда не видели.

– Должен ли Арамис поступить так же, как я? – спросил д'Артаньян, задетый ее словами.

– Вот уже два или три раза вы произнесли это имя, сударь. А между тем я говорила вам, что оно мне незнакомо.

– Вы не знаете человека, в окно которого вы стучались? Да что вы, сударыня! Вы считаете меня чересчур легковым.

– Признайтесь, что вы сочинили всю эту историю и выдумали этого Арамиса, лишь бы вызвать меня на откровенность.

– Я ничего не сочиняю, сударыня, я ничего не выдумываю. Я говорю чистейшую правду.

– И вы говорите, что один из ваших друзей живет в этом доме?

– Я говорю это и повторяю в третий раз: это дом, где живет мой друг, и друг этот – Арамис.

– Все это со временем разъяснится, – прошептала молодая женщина, – а пока, сударь, молчите!

– Если бы вы могли читать в моем сердце, открытом перед вами, – сказал д'Артаньян, – вы увидели бы в нем такое горячее любопытство, что сжалились бы надо мной, и такую любовь, что вы в ту же минуту удовлетворили бы это любопытство! Не нужно опасаться тех, кто вас любит.

– Вы очень быстро заговорили о любви, – сказала молодая женщина, покачав головой.

– Любовь проснулась во мне быстро и впервые. Ведь мне нет и двадцати лет.

Г-жа Бонасье искоса взглянула на него.

– Послушайте, я уже напал на след, – сказал д'Артаньян. – Три месяца назад я чуть не подрался на дуэли с Арамисом из-за такого же платка, как тот, который вы показали женщине, находившейся у него, из-за платка с таким же точно гербом.

– Клянусь вам, сударь, – произнесла молодая женщина, – вы ужасно утомляете меня этими расспросами.

– Но вы, сударыня, вы, такая осторожная... если б у вас при аресте нашли такой платок, – вас бы это разве не скомпрометировало?

– Почему? Разве инициалы не мои? «К. Б.» – Констанция Бонасье.

– Или Камила де Буа-Траси.

– Молчите, сударь! Молчите! Если опасность, которой я подвергаюсь, не может остановить вас, то подумайте об опасностях, угрожающих вам.

– Мне?

– Да, вам. За знакомство со мной вы можете заплатить тюрьмой, заплатить жизнью.

– Тогда я больше не отойду от вас!

– Сударь... – проговорила молодая женщина, с мольбой ломая руки, – сударь, я взываю к чести военного, к благородству дворянина – уйдите! Слышите: бьет полночь, меня ждут в этот час.

– Сударыня, – сказал д'Артаньян с поклоном, – я не смею отказать, когда меня так просят. Успокойтесь, я ухожу.

– Вы не пойдете за мной, не станете выслеживать меня?

– Я немедленно вернусь к себе домой.

– Ах, я знала, что вы честный юноша! – воскликнула г-жа Бонасье, протягивая ему одну руку, а другой берясь за молоток у небольшой двери, проделанной в каменной стене.

Д'Артаньян схватил протянутую ему руку и страстно припал к ней губами.

– Лучше бы я никогда не встречал вас! – воскликнул он с той грубостью, которую женщины нередко предпочитают изысканной любезности, ибо она позволяет заглянуть в глубину мыслей и доказывает, что чувство берет верх над рассудком.

– Нет... – проговорила г-жа Бонасье почти ласково, пожимая руку д'Артаньяну, который все еще не отпускал ее руки, – нет, я не могу сказать этого: то, что не удалось сегодня, возможно, удастся в будущем. Кто знает, если я когда-нибудь буду свободна, не удовлетворю ли я тогда ваше любопытство...

– А любовь моя – может ли и она питаться такой надеждой? – в порыве восторга воскликнул юноша.

– О, тут я не хочу себя связывать! Это будет зависеть от тех чувств, которые вы сумеете мне внушить.

– Значит, пока что, сударыня...

– Пока что, сударь, я испытываю только благодарность.

– Вы чересчур милы, – с грустью проговорил д'Артаньян, – и злоупотребляете моей любовью.

– Нет, я только пользуюсь вашим благородством, сударь. Но поверьте, есть люди, умеющие не забывать своих обещаний.

– О, вы делаете меня счастливейшим из смертных! Не забывайте этого вечера, не забывайте этого обещания!

– Будьте спокойны. Когда придет время, я вспомню все. А сейчас уходите ради всего святого, уходите! Меня ждали ровно в двенадцать, и я уже запаздываю.

– На пять минут.

– При известных обстоятельствах пять минут – это пять столетий.

– Когда любишь.

– А кто вам сказал, что дело идет не о влюбленном?

– Вас ждет мужчина! – вскрикнул д'Артаньян. – Мужчина!

– Ну вот, наш спор начинается сначала, – произнесла г-жа Бонасье с легкой улыбкой, в которой сквозил оттенок нетерпения.

– Нет-нет! Я ухожу, ухожу. Я верю вам, я хочу, чтобы вы поверили в мою преданность, даже если эта преданность и граничит с глупостью. Прощайте, сударыня, прощайте!

И, словно не чувствуя себя в силах отпустить ее руку иначе, как оторвавшись от нее, он неожиданно бросился прочь. Г-жа Бонасье между тем, взяв в руки молоток, постучала в дверь точно так же, как прежде в окно: три медленных удара через равные промежутки. Добежав до угла, д'Артаньян оглянулся. Дверь успела раскрыться и захлопнуться. Хорошенькой жены галантерейщика уже не было видно.

Д'Артаньян продолжал свой путь. Он дал слово не подсматривать за г-жой Бонасье, и, даже если б жизнь его зависела от того, куда именно она шла, или от того, кто будет ее провожать, он все равно пошел бы к себе домой, раз дал слово, что сделает это. Не прошло и пяти минут, как он уже был на улице Могильщиков.

«Бедный Атос! – думал он. – Он не поймет, что все это значит. Он уснул, должно быть, ожидая меня, или же отправился домой, а там узнал, что у него была женщина. Женщина у Атоса! Впрочем, была ведь женщина у Арамиса. Все это очень странно, и мне очень хотелось бы знать, чем все это кончится».

– Плохо, сударь, плохо! – послышался голос, в котором д'Артаньян узнал голос Планше.

Дело в том, что, разговаривая с самим собою вслух, как это случается с людьми, чем-либо сильно озабоченными, он незаметно для самого себя очутился в подъезде своего дома, в глубине которого поднималась лестница, ведущая в его квартиру.

– Как – плохо? Что ты хочешь этим сказать, дурак? – спросил д'Артаньян. – Что здесь произошло?

– Всякие несчастья.

– Какие?

– Во-первых, арестовали господина Атоса.

– Арестовали? Атос арестован? За что?

– Его застали у вас. Его приняли за вас.

– Кто же его арестовал?

– Стражники. Их позвали на помощь те люди в черном, которых вы прогнали.

– Но почему он не назвал, не объяснил, что не имеет никакого отношения к этому делу?

– Он бы ни за что этого не сделал, сударь. Вместо этого он подошел поближе ко мне и шепнул: «Сейчас необходимо быть свободным твоему господину, а не мне. Ему известно все, а мне ничего. Пусть думают, что он под арестом, и это даст ему время действовать. Дня через три я скажу им, кто я, и им придется меня выпустить».

– Bravo, Атос! Благородная душа! – прошептал д'Артаньян. – Узнаю его в этом поступке. Что же сделали стражники?

– Четверо из них увели его, не знаю куда – в Бастилию или в Фор-Левек. Двое остались с людьми в черном, которые все перерыли и унесли все бумаги. Двое других в это время стояли в карауле у дверей. Затем, кончив свое дело, они все ушли, опустошив дом и оставив двери раскрытыми.

– А Портос и Арамис?

– Я не застал их, и они не приходили.

– Но они могут прийти с минуты на минуту. Ведь ты попросил передать им, что я их жду?

– Да, сударь.

– Хорошо. Тогда оставайся на месте. Если они придут, расскажи им о том, что произошло. Пусть они ожидают меня в кабачке «Сосновая Шишка». Здесь оставаться для них небезопасно. Возможно, что за домом следят. Я бегу к господину де Тревилю, чтобы поставить его в известность, и приду к ним в кабачок.

– Слушаюсь, сударь, – сказал Планше.

– Но ты побудешь здесь? Не струсил? – спросил д'Артаньян, возвращаясь назад и стараясь ободрить своего слугу.

– Будьте спокойны, сударь, – ответил Планше. – Вы еще не знаете меня. Я умею быть храбрым, когда постараюсь, поверьте мне. Вся штука в том, чтобы постараться. Кроме того, я из Пикардии.

– Итак, решено, – сказал д'Артаньян. – Ты скорее дашь убить себя, чем покинешь свой пост?

– Да, сударь. Нет такой вещи, которой бы я не сделал, чтобы доказать моему господину, как я ему предан.

«Великолепно! – подумал д'Артаньян. – По-видимому, средство, которое я применил к этому парню, удачно. Придется пользоваться им при случае».

И со всей скоростью, на которую были способны его ноги, уже порядочно за этот день утомленные беготней, он направился на улицу Старой Голубятни.

Г-на де Тревиля не оказалось дома. Его рота несла караул в Лувре. Он находился там вместе со своей ротой.

Необходимо было добраться до г-на де Тревиля. Его нужно было уведомить о случившемся.

Д'Артаньян решил попробовать, не удастся ли проникнуть в Лувр. Пропуском ему должна была служить форма гвардейца роты г-на Дезэссара.

Он пошел по улице Малых Августинцев и дальше по набережной, рассчитывая пройти через Новый мост. У него мелькнула мысль воспользоваться паромом, но, уже спустившись к реке, он машинально сунул руку в карман и убедился, что у него нечем заплатить за перевоз.

Дойдя до улицы Генего, он вдруг заметил людей, выходивших из-за угла улицы Дофины. Их было двое – мужчина и женщина. Что-то в их облике поразило д'Артаньяна.

Женщина фигурой напоминала г-жу Бонасье, а мужчина был поразительно похож на Арамиса.

Женщина к тому же была закутана в черную накидку, которая в памяти д'Артаньяна запечатлелась такой, какой он видел ее на фоне окна на улице Вожирар и двери на улице Лагарп. Мужчина же был в форме мушкетера.

Капюшон накидки был низко опущен на лицо женщины, мужчина прикрывал свое лицо носовым платком. Эта предосторожность доказывала, что оба они старались не быть узнаваемыми.

Они пошли по мосту. Путь д'Артаньяна также вел через мост, раз он собирался в Лувр. Д'Артаньян последовал за ними.

Он не прошел и десяти шагов, как уже был твердо уверен, что женщина – г-жа Бонасье, а мужчина – Арамис.

И сразу же все подозрения, порожденные ревностью, вновь проснулись в его душе.

Он был обманут, обманут другом и обманут женщиной, которую любил уже как любовницу. Г-жа Бонасье клялась ему всеми богами, что не знает Арамиса, и менее четверти часа спустя он встречает ее под руку с Арамисом.

Д'Артаньян даже не подумал о том, что с хорошенькой галантерейщицей он познакомился всего каких-нибудь три часа назад, что она ничем с ним не связана, разве только чувством благодарности за освобождение из рук сыщиков, собиравшихся ее похитить, и что она ему ничего не обещала. Он чувствовал себя любовником, оскорбленным, обманутым, осмеянным. Бешенство охватило его, и кровь волной залила его лицо. Он решил узнать правду.

Молодая женщина и ее спутник заметили, что за ними следят, и ускорили шаг. Д'Артаньян почти бегом обогнал их и затем, повернув обратно, столкнулся с ними в тот миг, когда они проходили мимо изваяния Самаритянки⁴⁰, освещенного фонарем, который отбрасывал свет на всю эту часть моста.

Д'Артаньян остановился перед ними, и они были также вынуждены остановиться.

– Что вам угодно, сударь? – спросил, отступая на шаг, мушкетер, иностранный выговор которого заставил д'Артаньяна понять, что в одной части своих предположений он во всяком случае ошибся.

– Это не Арамис! – воскликнул он.

– Нет, сударь, не Арамис. Судя по вашему восклицанию, вы приняли меня за другого, потому я прощаю вам.

– Вы прощаете мне? – воскликнул д'Артаньян.

– Да, – произнес незнакомец. – Разрешите мне пройти, раз у вас ко мне нет никакого дела.

– Вы правы, сударь, – сказал д'Артаньян, – у меня к вам нет никакого дела. Но у меня есть дело к вашей даме.

– К моей даме? Вы не знаете ее! – с удивлением воскликнул незнакомец.

– Вы ошибаетесь, сударь, я ее знаю.

– Ах, – воскликнула с упреком г-жа Бонасье, – вы дали мне слово дворянина и военного, я думала, что могу положиться на вашу честь!

– А вы, сударыня, вы... – смущенно пролепетал д'Артаньян, – вы обещали мне...

– Обопритесь на мою руку, сударыня, – произнес иностранец, – и пойдемте дальше.

Д'Артаньян, оглушенный, растерянный, продолжал стоять, скрестив руки на груди, перед г-жой Бонасье и ее спутником.

Мушкетер шагнул вперед и рукой отстранил д'Артаньяна.

Д'Артаньян, отскочив назад, выхватил шпагу. Иностранец с быстротой молнии выхватил свою.

– Ради всего святого, милорд! – вскричала г-жа Бонасье, бросаясь между ними и руками хватаясь за шпаги.

– Милорд! – воскликнул д'Артаньян, осененный внезапной мыслью. – Милорд!.. Простите, сударь... Но неужели вы...

– Милорд – герцог Бекингэм, – вполголоса проговорила г-жа Бонасье. – И теперь вы можете погубить всех нас.

– Милорд и вы, сударыня, прошу вас, простите, простите меня!.. Но я ведь люблю ее, милорд, и ревновал. Вы ведь знаете, милорд, что такое любовь! Простите меня и скажите, не могу ли я отдать свою жизнь за вашу милость.

⁴⁰ **Изваяние Самаритянки** – речь идет о скульптуре, изображавшей евангельский эпизод – Христос и самаритянка у колодца Иакова. Оно служило украшением гидравлического насоса, установленного в 1603–1608 годах в Париже.

– Вы честный юноша, – произнес герцог, протягивая д'Артаньяну руку, которую тот почтительно пожал. – Вы предлагаете мне свои услуги – я принимаю их. Проводите нас до Лувра и, если заметите, что кто-нибудь за нами следует, убейте этого человека.

Д'Артаньян, держа в руках обнаженную шпагу, пропустил г-жу Бонасье и герцога на двадцать шагов вперед и последовал за ними, готовый в точности исполнить приказание благородного и изящного министра Карла I.

К счастью, однако, молодому герою не представился в этот вечер случай доказать на деле свою преданность, и молодая женщина вместе с представительным мушкетером, никем не потревоженные, достигли Лувра и были впущены через калитку против улицы Эшель. Что касается д'Артаньяна, то он поспешил в кабачок «Сосновая Шишка», где его ожидали Портос и Арамис.

Не объясняя им, по какому поводу он их побеспокоил, он только сообщил, что сам справился с делом, для которого, как ему показалось, могла понадобиться их помощь.

А теперь, увлеченные нашим повествованием, предоставим нашим трем друзьям вернуться каждому к себе домой и проследуем по извилинам Лувра за герцогом Бекингэмом и его спутницей.

ХII. Джордж Вилльерс, герцог Бекингэмский

Г-жа Бонасье и герцог без особых трудностей вошли в Лувр. Г-жу Бонасье знали как женщину, принадлежавшую к штату королевы, а герцог был в форме мушкетеров г-на де Тревиля, рота которого, как мы уже упоминали, в тот вечер несла караул во дворце. Впрочем, Жермен был слепо предан королеве, и, случись что-нибудь, г-жу Бонасье обвинили бы только в том, что она провела в Лувр своего любовника. Этим бы все и кончилось. Она приняла бы грех на себя, доброе имя ее было бы, правда, загублено, но что значит для сильных мира доброе имя какой-то жалкой галантерейщицы!

Войдя во двор, герцог и г-жа Бонасье прошли шагов двадцать пять вдоль каменной ограды. Затем г-жа Бонасье нажала на ручку небольшой служебной двери, открытой днем, но обычно запиравшейся на ночь. Дверь подалась. Они вошли. Кругом было темно, но г-же Бонасье были хорошо знакомы все ходы и переходы в этой части Лувра, отведенной для служащих во дворце. Заперев за собой дверь, она взяла герцога за руку, сделала осторожно несколько шагов, ухватилась за перила, коснулась ногой ступеньки и начала подниматься. Герцог следовал за ней. Они достигли третьего этажа. Здесь г-жа Бонасье свернула вправо, провела своего спутника по длинному коридору и спустилась на один этаж, прошла еще несколько шагов, вложила ключ в замок, отперла дверь и ввела герцога в комнату, освещенную только ночной лампой.

– Побудьте здесь, милорд, – шепнула она. – Сейчас придут.

Сказав это, она вышла в ту же дверь и заперла ее за собой на ключ, так что герцог оказался пленником в полном смысле этого слова.

Нельзя не отметить, что герцог Бекингэм, несмотря на полное одиночество, в котором он очутился, не почувствовал страха. Одной из наиболее замечательных черт его характера была жажда приключений и любовь ко всему романтическому. Смелый, мужественный и предприимчивый, он не впервые рисковал жизнью при подобных обстоятельствах. Ему было уже известно, что послание Анны Австрийской, заставившее его примчаться в Париж, было подложным и должно было заманить его в ловушку. Но, вместо того чтобы вернуться в Лондон, он, пользуясь случившимся, просил передать королеве, что не уедет, не повидавшись с ней. Королева вначале решительно отказала, затем, опасаясь, что герцог, доведенный ее отказом до отчаяния, натворит каких-нибудь безумств, уже решила принять его, с тем, чтобы упротисить немедленно уехать. Но в тот самый вечер, когда она приняла это решение, похитили г-жу Бонасье, которой было поручено отправиться за герцогом и провести его в Лувр. Два дня никто не знал, что с нею, и все приостановилось. Но, лишь только г-жа Бонасье, вырвавшись на свободу, повидалась с де Ла Портом, все снова пришло в движение, и она довела до конца опасное предприятие, которое, не будь она похищена, осуществилось бы тремя днями раньше.

Оставшись один, герцог подошел к зеркалу. Мушкетерское платье очень шло к нему.

Ему было тридцать пять лет, и он недаром слыл самым красивым вельможей и самым изысканным кавалером как во всей Франции, так и в Англии.

Любимец двух королей, обладатель многих миллионов, пользуясь неслыханной властью в стране, которую он по своей прихоти то будоражил, то успокаивал, подчиняясь только своим капризам, Джордж Вилльерс, герцог Бекингэмский, вел сказочное существование, способное даже спустя столетия вызывать удивление потомков.

Уверенный в себе, убежденный, что законы, управляющие другими людьми, не имеют к нему отношения, уповая на свое могущество, он шел прямо к цели, поставленной себе, хотя бы эта цель и была так ослепительна и высока, что всякому другому казалось бы безумием даже помышлять о ней. Все это вместе придавало ему решимости искать встреч с прекрасной и недоступной Анной Австрийской и, ослепив ее, пробудить в ней любовь.

Итак, Джордж Вилльерс остановился, как мы уже говорили, перед зеркалом. Поправив свои прекрасные золотистые волосы, несколько примятые мушкетерской шляпой, закрутив усы, преисполненный радости, счастливый и гордый тем, что близок долгожданный миг, он улыбнулся своему отражению, полный гордости и надежды.

В эту самую минуту отворилась дверь, скрытая в обивке стены, и в комнату вошла женщина. Герцог увидел ее в зеркале. Он вскрикнул – это была королева!

Анне Австрийской было в то время лет двадцать шесть или двадцать семь, и она находилась в полном расцвете своей красоты.

У нее была походка королевы или богини. Отливавшие изумрудом глаза казались совершенством красоты и были полны нежности и в то же время величия.

Маленький ярко-алый рот не портила даже нижняя губа, слегка выпяченная, как у всех отпрысков австрийского королевского дома, – она была прелестна, когда улыбалась, но умела выразить и глубокое пренебрежение.

Кожа ее славилась своей нежной и бархатистой мягкостью, руки и плечи поражали красотой очертаний, и все поэты эпохи воспевали их в своих стихах. Наконец, волосы ее, белокурые в юности и принявшие постепенно каштановый оттенок, завитые и слегка припудренные, очаровательно обрамляли ее лицо, которому самый строгий критик мог пожелать разве только несколько менее яркой окраски, а самый требовательный скульптор – больше тонкости в линии носа.

Герцог Бекингэм на мгновение застыл, ослепленный: никогда Анна Австрийская не казалась ему такой прекрасной во время балов, празднеств и увеселений, как сейчас, когда она, в простом платье белого шелка, вошла в комнату в сопровождении доньи Эстефании, единственной из ее испанских прислужниц, не ставшей еще жертвой ревности короля и происков кардинала Ришелье.

Анна Австрийская сделала шаг навстречу герцогу. Бекингэм упал к ее ногам и, раньше чем королева успела помешать ему, поднес край ее платья к своим губам.

– Герцог, вы уже знаете, что не я продиктовала то письмо.

– О да, сударыня, да, ваше величество! – воскликнул герцог. – Я знаю, что был глупцом, безумцем, поверив, что мрамор может ожить, снег излучить тепло. Но что же делать: когда любишь, так легко поверить в ответную любовь! А затем, я совершил это путешествие недаром, если я все же вижу вас.

– Да, – ответила Анна Австрийская, – но вам известно, почему я согласилась увидеться с вами. Беспощадный ко всем моим горестям, вы упорно отказывались покинуть этот город, хотя, оставаясь здесь, вы рискуете жизнью и заставляете меня рисковать моей честью. Я согласилась увидеться с вами, чтобы сказать, что все разделяет нас – морские глубины, вражда между нашими королевствами, святость принесенных клятв. Святотатство – бороться против всего этого, милорд! Я согласилась увидеться с вами, наконец, для того, чтобы сказать вам, что мы не должны больше встречаться.

– Продолжайте, сударыня, продолжайте, королева! – проговорил Бекингэм. – Нежность вашего голоса смягчает жестокость ваших слов... Вы говорите о святотатстве. Но святотатство – разлучать сердца, которые Бог создал друг для друга!

– Милорд, – воскликнула королева, – вы забываете: я никогда не говорила, что люблю вас!

– Но вы никогда не говорили мне и того, что не любите меня. И, право же, произнести такие слова – это было бы слишком жестоко со стороны вашего величества. Ибо, скажите мне, где вы найдете такую любовь, как моя, любовь, которую не могли погасить ни разлука, ни время, ни безнадежность? Любовь, готовую удовлетвориться оброненной ленточкой, задумчивым взглядом, нечаянно вырвавшимся словом? Вот уже три года, сударыня, как я впервые увидел вас, и вот уже три года, как я вас так люблю! Хотите, я расскажу, как вы были одеты,

когда я впервые увидел вас? Хотите, я подробно опишу даже отделку на вашем платье?... Я вижу вас как сейчас. Вы сидели на подушках, по испанскому обычаю. На вас было зеленое атласное платье, шитое серебром и золотом, широкие свисающие рукава были приподняты выше локтя, оставляя свободными ваши прекрасные руки, вот эти дивные руки, и скреплены застежками из крупных алмазов. Шею прикрывали кружевные рюши. На голове у вас была маленькая шапочка того же цвета, что и платье, а на шапочке – перо цапли... О да, да, я закрываю глаза – и вижу вас такой, какой вы были тогда! Я открываю их – и вижу вас такой, как сейчас, то есть во сто крат прекраснее!

– Какое безумие! – прошептала Анна Австрийская, у которой не хватило мужества рассердиться на герцога за то, что он так бережно сохранил в своем сердце ее образ. – Какое безумие питать такими воспоминаниями бесполезную страсть!

– Чем же мне жить иначе? Ведь нет у меня ничего, кроме воспоминаний! Они мое счастье, мое сокровище, моя надежда! Каждая встреча с вами – это алмаз, который я прячу в сокровищницу моей души. Сегодняшняя встреча – четвертая драгоценность, оброненная вами и подобранная мной. Ведь за три года, сударыня, я видел вас всего четыре раза: о первой встрече я только что говорил вам, второй раз я видел вас у госпожи де Шеврез, третий раз – в амьенских садах...

– Герцог, – краснея, прошептала королева, – не вспоминайте об этом вечере!

– О нет, напротив: вспомним о нем, сударыня! Это самый счастливый, самый радостный вечер в моей жизни. Помните ли вы, какая была ночь? Воздух был нежен и напоен благоуханиями. На синем небе поблескивали звезды. О, в тот раз, сударыня, мне удалось на короткие мгновения остаться с вами наедине. В тот раз вы готовы были обо всем рассказать мне – об одиночестве вашем и о страданиях вашей души. Вы опирались на мою руку... вот на эту самую. Наклоняясь, я чувствовал, как ваши дивные волосы касаются моего лица, и каждое прикосновение заставляло меня трепетать с ног до головы. Королева, о королева моя! Вы не знаете, какое небесное счастье, какое райское блаженство заключено в таком мгновении!.. Все владения мои, богатство, славу, все дни, которые осталось мне еще прожить, готов я отдать за такое мгновение, за такую ночь! Ибо в ту ночь, сударыня, в ту ночь вы любили меня, клянусь вам!..

– Милорд, возможно... да, очарование местности, прелесть того дивного вечера, действие вашего взгляда, все бесчисленные обстоятельства, сливающиеся подчас вместе, чтобы погубить женщину, объединились вокруг меня в тот роковой вечер. Но вы видели, милорд, королева пришла на помощь слабеющей женщине: при первом же слове, которое вы осмелились произнести, при первой вольности, которой я не могла потворствовать, я позвала свою прислужницу.

– О да, это правда. И всякая другая любовь, кроме моей, не выдержала бы такого испытания. Но моя любовь, преодолев его, разгорелась еще сильнее, завладела моим сердцем навеки. Вы думали, что, вернувшись в Париж, спаслись от меня, вы думали, что я не осмелюсь оставить сокровища, которые мой господин поручил мне охранять. Но какое мне дело до всех сокровищ, до всех королей на всем земном шаре! Не прошло и недели, как я вернулся, сударыня. На этот раз вам не в чем было упрекнуть меня. Я рискнул милостью моего короля, рискнул жизнью, чтобы увидеть вас хоть на одно мгновение, и даже не коснулся вашей руки, и вы простили меня, увидев мое раскаяние и покорность.

– Да, но клевета воспользовалась всеми этими безумствами, в которых я – вы знаете это сами, милорд, – была неповинна. Король, подстрекаемый господином кардиналом, страшно разгневался. Госпожа де Верно была удалена, Пютанж изгнан из Франции, госпожа де Шеврез впала в немилость. Когда же вы пожелали вернуться во Францию в качестве посла, король лично – вспомните, милорд, – король лично воспротивился этому.

– Да, и Франция заплатит войной за отказ своего короля. Я лишен возможности видеть вас, сударыня, – что ж, я хочу, чтобы вы каждый день слышали обо мне. Знаете ли вы, что за

цель имела экспедиция на остров Рэ и союз с протестантами Ла-Рошели, который я замышляю? Удовольствие увидеть вас. Я не могу надеяться с оружием в руках овладеть Парижем, это я знаю. Но за этой войной последует заключение мира, заключение мира потребует переговоров, вести переговоры будет поручено мне. Тогда уж не посмеют не принять меня, и я вернусь в Париж, и увижу вас хоть на одно мгновение, и буду счастлив. Тысячи людей, правда, за это счастье заплатят своей жизнью. Но мне не будет до этого никакого дела, лишь бы увидеть вас! Все это, быть может, безумие, бред, но скажите, у какой женщины был обожатель более страстный? У какой королевы – более преданный слуга?

– Милорд, милорд, в свое оправдание вы приводите доводы, порочащие вас. Милорд, доказательства любви, о которых вы говорите, – ведь это почти преступление.

– Только потому, что вы не любите меня, сударыня. Если бы вы любили меня, все это представлялось бы вам иным. Но если б вы любили меня... если б вы любили меня, счастье было бы чрезмерным, и я сошел бы с ума! Да, госпожа де Шеврез, о которой вы только что упомянули, госпожа де Шеврез была менее жестока: Голланд любил ее, и она отвечала на его любовь.

– Госпожа де Шеврез не была королевой, – прошептала Анна Австрийская, не в силах устоять перед выражением такого глубокого чувства.

– Значит, вы любили бы меня, вы, сударыня, если б не были королевой? Скажите, любили бы? Осмелюсь ли я поверить, что только сан заставляет вас быть столь непреклонной? Могу ли поверить, что, будь вы госпожой де Шеврез, бедный Бекингэм мог бы лелеять надежду?.. Благодарю за эти сладостные слова, о моя прекрасная королева, тысячу раз благодарю!

– Милорд, милорд, вы не так поняли, не так истолковали мои слова. Я не хотела сказать...

– Молчите, молчите! – проговорил герцог. – Если счастье мне даровала ошибка – не будьте так жестоки, чтобы исправлять ее. Вы сами сказали: меня заманили в ловушку. Возможно, мне это будет стоить жизни... Так странно: у меня в последнее время предчувствие близкой смерти... – И по устах герцога скользнула печальная и в то же время чарующая улыбка.

– О господи! – воскликнула Анна, и ужас, прозвучавший в ее голосе, лучше всяких слов доказывал, насколько сильнее было ее чувство к герцогу, чем она желала показать.

– Я сказал это, сударыня, отнюдь не для того, чтобы испугать вас. О нет! То, что я сказал, просто смешно, и поверьте, меня несколько не беспокоит такая игра воображения. Но слова, только что произнесенные вами, надежда, почти поданная мне, искупили заранее все, даже мою гибель.

– Теперь и я признаюсь вам, герцог, – проговорила Анна. – И меня тоже преследует предчувствие, преследуют сны. Мне снилось, что я вижу вас: вы лежали на земле, окровавленный, раненный...

– Раненный в левый бок, ножом? – перебил ее герцог.

– Да, именно так, милорд: в левый бок, ножом. Кто мог рассказать вам, что я видела такой сон? Я поверяла его только Богу, да и то в молитве.

– Этого довольно, сударыня. Вы любите меня, и это все.

– Я люблю вас? Я?

– Да, вы. Разве Бог послал бы вам те же сны, что и мне, если б вы не любили меня? Разве являлись бы нам те же предчувствия, если б наши жизни не связывало сердце? Вы любите меня, моя королева! Будете ли вы оплакивать меня?

– О Боже! Боже! – воскликнула Анна Австрийская. – Это больше, чем я в силах вынести. Герцог, молю вас, ради всего святого, оставьте меня, уйдите! Я не знаю, люблю ли я вас или нет, но я твердо знаю, что не нарушу своих клятв. Сжальтесь же надо мной, уезжайте! Если вас ранят во Франции, если вы умрете во Франции, если я буду думать, что любовь ко мне стала

причиной вашей гибели, я не перенесу этого, я сойду с ума! Уезжайте же, уезжайте, умоляю вас!

– О, как вы прекрасны сейчас! Как я люблю вас! – проговорил Бекингэм.

– Уезжайте! Уезжайте! Молю вас! Позже вы вернетесь. Вернитесь сюда в качестве посла, в качестве министра, вернитесь в сопровождении телохранителей, готовых защитить вас, слуг, обязанных охранять вас... Тогда я не буду трепетать за вашу жизнь и буду счастлива увидеть вас.

– Неужели правда то, что вы говорите мне?

– Да...

– Тогда... тогда в знак вашего прощения дайте мне что-нибудь, какую-нибудь вещицу, принадлежащую вам, которая служила бы доказательством, что все это не приснилось мне. Какую-нибудь вещицу, которую вы носили и которую я тоже мог бы носить... перстень, цепочку...

– И вы уедете... уедете, если я исполню вашу просьбу?

– Да.

– Немедленно?

– Да.

– Вы покинете Францию? Вернетесь в Англию?

– Да, клянусь вам.

– Подождите тогда, подождите...

Анна Австрийская удалилась к себе и почти тотчас же вернулась, держа в руках ларец розового дерева с золотой инкрустацией, воспроизводившей ее монограмму.

– Возьмите это, милорд, – сказала она. – Возьмите и храните на память обо мне.

Герцог Бекингэм взял ларец и вновь упал к ее ногам.

– Вы обещали мне уехать, – произнесла королева.

– И я сдержу свое слово! Вашу руку, сударыня, вашу руку, и я удалюсь.

Королева Анна протянула руку, закрыв глаза и другой рукой опираясь на Эстефанию, ибо чувствовала, что силы готовы оставить ее.

Бекингэм страстно прильнул губами к этой прекрасной руке.

– Не позднее чем через полгода, сударыня, – проговорил он, поднимаясь, – я вновь увижу вас, хотя бы мне для этого пришлось перевернуть небо и землю!

И, верный данному слову, он выбежал из комнаты.

В коридоре он нашел г-жу Бонасье, которая с теми же предосторожностями и с тем же успехом вывела его за пределы Лувра.

ХIII. Господин Бонасье

Во всей этой истории, как читатель мог заметить, был один человек, которым, несмотря на тяжелое его положение, никто не интересовался. Человек этот был г-н Бонасье, почтенная жертва интриг политических и любовных, так тесно сплетавшихся между собой в ту эпоху, богатую рыцарскими подвигами и в то же время любовными похождениями.

К счастью – помнит ли или не помнит об этом читатель, – мы обещали не терять его из виду.

Сыщики, арестовавшие его, препроводили его прямым путем в Бастилию и там, трепещущего, провели мимо взвода солдат, заряжавших свои мушкеты.

Затем, оказавшись в полуподземном длинном коридоре, он подвергся со стороны своих провожатых самому жестокому обращению и был осыпан самыми грубыми ругательствами. Сыщики, видя, что имеют дело с человеком недворянского происхождения, обошлись с ним, как с последним нищим.

Спустя полчаса явился писарь, положивший конец его мучениям, но не его беспокойству, дав распоряжение отвести его в комнату для допроса. Обычно арестованных допрашивали в их камерах, но с г-ном Бонасье не считали нужным стесняться.

Двое конвойных, схватив злополучного галантерейщика, заставили его пройти по двору, ввели в коридор, где стояло трое часовых, открыли какую-то дверь и втолкнули его в комнату со сводчатым потолком, где были только стол, стул и где находился комиссар. Комиссар восседал на стуле и что-то писал за столом.

Конвойные подвели арестанта к столу и по знаку комиссара удалились на такое расстояние, чтобы они не могли слышать допроса.

Комиссар, который до сих пор склонял голову над своими бумагами, вдруг поднял глаза, желая проверить, кто стоит перед ним. Вид у комиссара был неприветливый – заостренный нос, желтые выдающиеся скулы, глаза маленькие, но живые и проницательные. В лице было нечто напоминающее одновременно и куницу и лису. Голова на длинной, подвижной шее, вытягивающейся из-за ворота черной судейской мантии, покачивалась, словно голова черепахи, высушенная из панциря.

Комиссар прежде всего осведомился об имени и фамилии г-на Бонасье, о роде занятий и месте его жительства.

Допрашиваемый ответил, что зовут его Жак-Мишель Бонасье, что ему пятьдесят один год, что он бывший владелец галантерейной лавки, ныне оставивший торговлю, и живет на улице Могильщиков, в доме номер одиннадцать.

Комиссар после этого, вместо продолжения допроса, произнес длинную речь об опасности, которая грозит маленькому человеку, осмелившемуся сунуться в политику. Кроме того, он пустился в пространное повествование о могуществе и силе г-на кардинала, этого непревзойденного министра, этого победителя всех прежних министров, являющегося блистательный пример для министров будущих, действиям и власти которого никто не может противиться безнаказанно.

По окончании этой части своей речи, вперив ястребиный взгляд в несчастного Бонасье, комиссар предложил ему поразмыслить о своем положении.

Размышления галантерейщика были несложны: он проклинал день и час, когда г-н де Ла Порт вздумал женить его на своей крестнице, и в особенности тот час, когда эта крестница была причислена к белье королевы.

Основой характера г-на Бонасье был глубочайший эгоизм в соединении с отчаянной скупостью, приправленной величайшей трусостью. Любовь, испытываемая им к молодой жене,

была чувством второстепенным и не могла бороться с врожденными свойствами, только что перечисленными нами.

Бонасье серьезно обдумал то, что ему сказали.

– Но, господин комиссар, – заговорил он с полным хладнокровием, – поверьте, что я более чем кто-либо знаю и ценю все достоинства его несравненного высокопреосвященства, который оказывает нам честь управлять нами.

– Неужели? – недоверчиво спросил комиссар. – Но если это действительно так, то как же вы попали в Бастилию?

– Как или, вернее, за что я нахожусь здесь – вот этого я никак не могу сказать вам, ибо мне это и самому неизвестно. Но уж наверное не за поступки, которые могли бы быть неуютны господину кардиналу.

– Но вы должны были совершить какое-нибудь преступление, раз вас обвиняют в государственной измене.

– В государственной измене? – в ужасе вскричал Бонасье. – В государственной измене?.. Да как же несчастный галантерейщик, который не терпит гугенотов и ненавидит испанцев, может быть обвинен в государственной измене? Вы сами подумайте, господин комиссар! Ведь это же совершенно немыслимо!

– Господин Бонасье... – произнес комиссар, глядя на обвиняемого так, словно его маленькие глазки обладали способностью читать в глубине сердец. – Господин Бонасье, у вас есть жена?

– Да, сударь, – с дрожью ответил галантерейщик, чувствуя, что вот именно сейчас начнутся осложнения. – У меня... у меня была жена.

– Как это – была? Куда же вы ее дели, если она у вас была?

– Ее похитили у меня, сударь.

– Похитили? – переспросил комиссар. – Вот как!

Бонасье по этому «вот как!» понял, что дело его все больше запутывается.

– Итак, ее похитили, – продолжал комиссар. – Ну, а знаете ли вы, кто именно ее похитил?

– Мне кажется, что знаю.

– Кто же это?

– Заметьте, господин комиссар, что я ничего не утверждаю. Я только подозреваю.

– Кого же вы подозреваете? Ну, отвечайте откровенно.

Г-н Бонасье растерялся: следовало ли ему во всем отпираться или все выложить начистоту? Если он станет отрицать все, могут предположить, что он знает слишком много и не смеет в этом признаться. Сознаваясь, он докажет свою добрую волю. Он решил поэтому сказать все.

– Я подозреваю мужчину высокого роста, черноволосого, смуглого, важного на вид, похожего на знатного вельможу. Он несколько раз следовал за нами, как мне показалось, когда я поджидал жену у выхода из Лувра и отводил ее домой.

Комиссар как будто несколько встревожился.

– А имя его? – спросил он.

– О, имени его я не знаю. Но, если бы мне пришлось встретиться с ним, я сразу узнал бы его даже среди тысячи других, ручаюсь вам.

Комиссар нахмурился.

– Вы говорите, что узнали бы его среди тысячи других? – переспросил он.

– Я хотел сказать... – пробормотал Бонасье, заметив, что ответил неудачно. – Я хотел сказать...

– Вы ответили, что узнали бы его, – сказал комиссар. – Хорошо. На сегодня достаточно. Необходимо, раньше чем мы продолжим этот разговор, уведомить кое-кого о том, что вам известен похититель вашей жены.

– Но ведь я не говорил вам, что он мне известен! – в отчаянии воскликнул Бонасье. – Я говорил как раз обратное...

– Уведите заключенного! – приказал комиссар, обращаясь к двум стражникам.

– Куда прикажете его отвести? – спросил писарь.

– В камеру.

– В которую?

– Господи, да в любую! Лишь бы она покрепче запиралась, – произнес комиссар безразличным тоном, вселившим ужас в несчастного Бонасье.

«О Боже, Боже! – думал он. – Беда обрушилась на мою голову! Жена, наверное, совершила какое-нибудь ужасное преступление. Меня считают ее сообщником и покарают вместе с нею. Она, наверное, призналась, сказала, что посвящала меня во всё. Женщины ведь такие слабые создания!.. В камеру, в первую попавшуюся! Ну конечно! Ночь коротка... А завтра – колесо, виселица... О Боже, Боже! Сжался надо мною!»

Не обращая ни малейшего внимания на жалобные сетования г-на Бонасье, сетования, к которым они, впрочем, давно должны были привыкнуть, караульные подхватили арестанта с двух сторон под руки и увели в камеру. Комиссар поспешно принялся строчить какое-то письмо. Писарь в ожидании стоял возле него.

Бонасье в эту ночь не сомкнул глаз – не потому, что камера его была особенно неудобна, но страшная тревога не позволяла ему уснуть. Всю ночь он просидел на скамеечке, вздрагивая при малейшем звуке. И когда первые лучи солнца скользнули сквозь решетку окна, ему показалось, что само солнце приняло траурный оттенок.

Вдруг он услышал, как отодвигается засов, и даже подскочил от ужаса. Он решил, что за ним пришли, чтобы отвести на эшафот.

Поэтому, когда в дверях вместо палача появился вчерашний комиссар со своим писарем, он готов был броситься им на шею.

– Ваше дело, дорогой мой, крайне запуталось со вчерашнего дня, – сказал комиссар. – И я советую вам сказать правду. Только ваше чистосердечное раскаяние может смягчить гнев кардинала.

– Но я готов все сказать! – воскликнул Бонасье. – По крайней мере, все, что я знаю. Прошу вас, спрашивайте меня.

– Прежде всего: где находится ваша жена?

– Ведь я говорил вам, что она похищена.

– Да, но вчера после пяти часов дня она благодаря вашей помощи сбежала.

– Моя жена сбежала? – воскликнул Бонасье. – Несчастная! Но, сударь, если она сбежала, то не по моей вине, клянусь вам!

– Для чего вы днем заходили к вашему жильцу, господину д'Артаньяну, с которым вы о чем-то долго совещались?

– Да, это правда, господин комиссар. Признаюсь в этом и признаюсь, что это была ошибка. Я действительно был у господина д'Артаньяна.

– С какой целью вы заходили к нему?

– С целью попросить его разыскать мою жену. Я полагал, что имею право требовать ее назад. По-видимому, я ошибся и очень прошу вас простить меня.

– Что же вам ответил господин д'Артаньян?

– Господин д'Артаньян обещал помочь мне. Но я вскоре убедился, что он предает меня.

– Вы стараетесь ввести суд в заблуждение! д'Артаньян сговорился с вами, и в силу этого сговора он разогнал полицейских, которые арестовали вашу жену, и скрыл ее от преследования.

– Господин д'Артаньян похитил мою жену? Да что вы мне тут рассказываете?

– К счастью, господин д'Артаньян в наших руках, и вам будет устроена с ним очная ставка.

– Ну что ж, я, право, этому рад! – воскликнул г-н Бонасье. – Хотелось бы увидеть хоть одно знакомое лицо...

– Введите господина д'Артаньяна! – приказал комиссар, обращаясь к караульным. Караульные ввели Атоса.

– Господин д'Артаньян, – произнес комиссар, обращаясь к Атосу, – расскажите, что произошло между вами и этим господином.

– Но это вовсе не господин д'Артаньян! – вскричал Бонасье.

– Как – не господин д'Артаньян? – в свою очередь закричал комиссар.

– Ну конечно, нет! – сказал Бонасье.

– Как же зовут этого господина? – спросил комиссар.

– Не могу вам сказать: я с ним не знаком.

– Вы с ним не знакомы?

– Нет.

– Вы никогда его не видели?

– Видал, но не знаю, как его зовут.

– Ваше имя? – спросил комиссар.

– Атос, – ответил мушкетер.

– Но ведь это не человеческое имя, это название какой-нибудь горы! – воскликнул несчастный комиссар, начинавший терять голову.

– Это мое имя, – спокойно сказал Атос.

– Но вы сказали, что вас зовут д'Артаньян.

– Я это говорил?

– Да, вы.

– Разрешите! Меня спросили: «Вы господин д'Артаньян?» – на что я ответил: «Вы так полагаете?» Стражники закричали, что они в этом уверены. Я не стал спорить с ними. Кроме того, ведь я мог и ошибиться.

– Сударь, вы оскорбляете достоинство суда.

– Ни в какой мере, – спокойно сказал Атос.

– Вы господин д'Артаньян!

– Вот видите, вы снова это утверждаете.

– Но, господин комиссар, – вскричал Бонасье, – уверяю вас, тут не может быть никакого сомнения! Господин д'Артаньян – мой жилец, и, следовательно, хоть он и не платит мне за квартиру, или именно поэтому, я-то должен его знать. Господин д'Артаньян – молодой человек лет девятнадцати-двадцати, не более, а этому господину по меньшей мере тридцать. Господин д'Артаньян состоит в гвардейской роте господина Дезэссара, а этот господин – мушкетер из роты господина де Тревиля. Поглядите на его одежду, господин комиссар, поглядите на одежду!

– Правильно! – пробормотал комиссар. – Это, черт возьми, правильно!

В эту минуту распахнулась дверь, и гонец, которого ввел один из надзирателей Бастилии, подал комиссару какое-то письмо.

– Ах, негодная! – воскликнул комиссар.

– Как? Что вы сказали? О ком вы говорите? Не о моей жене, надеюсь?

– Нет, именно о ней. Хороши ваши дела, нечего сказать!

– Что же это такое? – воскликнул галантерейщик в полном отчаянии. – Будьте добры объяснить мне, господин комиссар, каким образом мое дело может ухудшиться от того, что делает моя жена в то время, как я сижу в тюрьме?

– Потому что все совершаемое вашей женой – только продолжение задуманного вами совместно плана! Чудовищного плана!

– Клянусь вам, господин комиссар, что вы глубоко заблуждаетесь, что я и понятия не имею о том, что намеревалась совершить моя жена, что я не имею ни малейшего отношения к тому, что она сделала, и, если она наделала глупостей, я отрекаюсь от нее, отказываюсь, проклинаю ее!

– Вот что, господин комиссар, – сказал вдруг Атос. – Если я вам больше не нужен, прикажите отвести меня куда-нибудь. Он порядочно надоел мне, ваш господин Бонасье.

– Отведите арестованных в их камеры, – приказал комиссар, одним и тем же движением указывая на Атоса и Бонасье, – и пусть их охраняют как можно строже.

– Если вы имеете претензии к господину д'Артаньяну, – с обычным своим спокойствием сказал Атос, – я не совсем понимаю, в какой мере я могу заменить его.

– Делайте, как вам приказано! – закричал комиссар. – И никаких сношений с внешним миром! Слышите!

Атос, пожав плечами, последовал за караульными, а Бонасье всю дорогу так плакал и стонал, что мог бы разжалобить тигра.

Галантерейщика отвели в ту самую камеру, где он провел ночь, и оставили его там на весь день. И весь день Бонасье плакал, как настоящий галантерейщик: да ведь, по его же собственным словам, в нем не было и тени воинского духа.

Вечером, около девяти часов, уже собираясь лечь спать, он услышал шаги в коридоре. Шаги приближались к его камере; дверь открылась, и вошли караульные солдаты.

– Следуйте за мной, – произнес полицейский чиновник, вошедший вместе с солдатами.

– Следовать за вами? – воскликнул Бонасье. – Следовать за вами в такой час? Куда это, Господи помилуй!

– Туда, куда нам приказано вас доставить.

– Но это не ответ!

– Это единственное, что мы можем сказать вам.

– О Боже, Боже! – прошептал несчастный галантерейщик. – На этот раз я погиб!

И он, совершенно убитый, без всякого сопротивления последовал за караульными.

Его провели по тому же коридору, по которому он уже проходил, затем они пересекли двор, прошли через другое здание и наконец достигли ворот главного двора, где ждала карета, окруженная четырьмя верховыми. Бонасье посадили в карету, полицейский чиновник устроился рядом с ним, дверцы заперли на ключ, и оба оказались как бы в передвижной тюрьме.

Карета двинулась вперед медленно, словно траурная колесница. Сквозь решетку, защищавшую окно, арестованный мог видеть только дома и мостовую. Но коренной парижанин, каким был Бонасье, узнавал каждую улицу по тумбам, вывескам и фонарям. Подъезжая к церкви святого Павла, возле которой казнили узников Бастилии, приговоренных к смерти, он чуть не лишился чувств и дважды перекрестился. Он думал, что карета здесь остановится. Но карета проехала мимо.

Несколько позже он снова пережил безграничный ужас. Они проезжали вдоль кладбища святого Якова, где хоронили государственных преступников. Одно только его несколько успокоило: прежде чем их похоронить, им обычно отрубали голову, а его собственная голова пока еще крепко сидела на плечах. Но, когда он увидел, что карета сворачивает к Гревской площади, когда он увидел островерхую крышу городской ратуши и карета въехала под арку, он решил, что все кончено, и попытался исповедоваться перед полицейским чиновником. В ответ на отказ чиновника выслушать его он принялся так жалобно кричать, что тот пригрозил заткнуть ему рот кляпом, если он не замолчит.

Эта угроза немного успокоила Бонасье. Если его собирались казнить на Гревской площади, не стоило затыкать ему рот: они ведь уже почти достигли места казни, И действи-

тельно, карета проехала через роковую площадь, не останавливаясь. Приходилось опасаться еще только Трагуарского Креста⁴¹. А туда именно карета и завернула.

На этот раз не могло быть сомнений: на площади Трагуарского Креста казнили приговоренных низкого звания. Бонасье напрасно льстил себе, считая себя достойным площади Святого Павла или Гревской площади. Его путешествие и его жизнь закончатся у Трагуарского Креста. Ему не виден был еще злосчастный крест, но он почти ощущал, как этот крест движется ему навстречу. Шагах в двадцати от рокового места он вдруг услышал гул толпы, и карета остановилась. Этого несчастный Бонасье, истерзанный всеми пережитыми волнениями, уже не в силах был перенести. Он издал слабый крик, который можно было принять за последний стон умирающего, и лишился чувств.

⁴¹ **Трагуарский крест** – с XIII века крест с таким названием находился в Париже на одном из уличных перекрестков. Был снесен в 1778 году.

XIV. Незнакомец из Менга

Толпа на площади собралась не в ожидании человека, которого должны были повесить, а сбежалась смотреть на повешенного.

Карета поэтому, на минуту задержавшись, тронулась дальше, проехала сквозь толпу, миновала улицу Сент-Оноре, повернула на улицу Добрых Детей и остановилась у невысокого подъезда.

Двери распахнулись, и двое гвардейцев приняли в свои объятия Бонасье, поддерживаемого полицейским. Его втокнули в длинный вестибюль, втоптали вверх по какой-то лестнице и оставили в передней.

Все движения, какие требовались от него, он совершал машинально.

Он шел, как ходят во сне, видел окружающее словно сквозь туман. Слух улавливал какие-то звуки, но мозг не осознавал их. Если бы его в эти минуты казнили, он бы не сделал ни одного движения, чтобы защититься, не испустил бы ни одного вопля, чтобы вымолить пощаду.

Он так и остался сидеть на банкетке, прислонясь к стене и опустив руки, в том самом месте, где караульные усадили его.

Но постепенно, оглядываясь кругом и не видя никаких предметов, угрожающих его жизни, ничего, представляющего опасность, видя, что стены покрыты мягкой кордовой кожей, красные тяжелые шелковые портьеры подхвачены золотыми шнурами, а банкетка, на которой он сидел, достаточно мягка и удобна, он понял, что страх его напрасен, и начал поворачивать голову вправо и влево и то поднимать ее, то опускать.

Эти движения, которым никто не препятствовал, придали ему некоторую храбрость, и он рискнул согнуть сначала одну ногу, затем другую. В конце концов, опершись руками о сиденье диванчика, он слегка приподнялся и оказался на ногах.

В эту минуту какой-то офицер представительного вида приподнял портьеру, продолжая говорить с кем-то находившимся в соседней комнате. Затем он обернулся к арестованному.

– Это вы Бонасье? – спросил он.

– Да, господин офицер, – пробормотал галантерейщик, чуть живой от страха. – Это я, к вашим услугам.

– Войдите, – сказал офицер.

Он отодвинулся, пропуская арестованного. Бонасье беспрекословно повиновался и вошел в комнату, где его, по-видимому, ожидали.

Это был просторный кабинет, стены которого были увешаны разного рода оружием; ни один звук не доносился сюда извне. Хотя был всего лишь конец сентября, в камине уже горел огонь. Всю середину комнаты занимал квадратный стол с книгами и бумагами, поверх которых лежала развернутая огромная карта города Ла-Рошели.

У камина стоял человек среднего роста, гордый, надменный, с пронзительным взглядом и широким лбом. Худощавое лицо его еще больше удлиняла остроконечная бородка, над которой закручивались усы. Этому человеку было едва ли более тридцати шести – тридцати семи лет, но в волосах и бородке уже мелькала седина. Хотя при нем не было шпаги, все же он походил на военного, а легкая пыль на его сапогах указывала, что он в этот день ездил верхом.

Человек этот был Арман-Жан дю Плесси, кардинал де Ришелье, не такой, каким принято у нас изображать его, то есть не согбенный старец, страдающий от тяжелой болезни, расслабленный, с угасшим голосом, погруженный в глубокое кресло, словно в преждевременную могилу, живущий только силой своего ума и поддерживающий борьбу с Европой одним напряжением мысли, а такой, каким он в действительности был в те годы: ловкий и любезный кавалер, уже и тогда слабый телом, но поддерживаемый неукротимой силой духа, сделавшего из него одного из самых замечательных людей своего времени. Оказав поддержку герцогу Неверскому в его

мантуанских владениях, захватив Ним, Кастр и Юзэс, он готовился изгнать англичан с острова Рэ и приступить к осаде Ла-Рошели.

Ничто, таким образом, на первый взгляд не изобличало в нем кардинала, и человеку, не знавшему его в лицо, невозможно было догадаться, кто стоит перед ним.

Злополучный галантерейщик остановился в дверях, а взгляд человека, только что описанного нами, впился в него, словно желая проникнуть в глубину его прошлого.

– Это тот самый Бонасье? – спросил он после некоторого молчания.

– Да, монсеньер, – ответил офицер.

– Хорошо. Подайте мне его бумаги и оставьте нас.

Офицер взял со стола требуемые бумаги, подал их и, низко поклонившись, вышел.

Бонасье в этих бумагах узнал протоколы его допросов в Бастилии. Человек, стоявший у камина, время от времени поднимал глаза от бумаг и останавливал их на арестанте, и тогда несчастному казалось, что два кинжала впиваются в самое его сердце.

После десяти минут чтения и десяти секунд наблюдения для кардинала все было ясно.

– Это существо никогда не участвовало в заговоре, – прошептал он. – Но все же посмотрим...

– Вы обвиняетесь в государственной измене, – медленно проговорил кардинал.

– Мне об этом уже сообщили, монсеньер! – воскликнул Бонасье, титулуя своего собеседника так, как его только что титуловал офицер. – Но клянусь вам, что я ничего не знаю.

Кардинал подавил улыбку.

– Вы состояли в заговоре с вашей женой, с госпожой де Шеврез и с герцогом Бекингэмом.

– Действительно, монсеньер, – сказал Бонасье, – она при мне называла эти имена.

– По какому поводу?

– Она говорила, что кардинал де Ришелье заманил герцога Бекингэма в Париж, чтобы погубить его, а вместе с ним и королеву.

– Она так говорила? – с гневом вскричал кардинал.

– Да, монсеньер, но я убеждал ее, что ей не следует говорить такие вещи и что его высокопреосвященство не способно...

– Замолчите, вы, глупец! – сказал кардинал.

– Вот это самое сказала и моя жена, монсеньер.

– Известно ли вам, кто похитил вашу жену?

– Нет, монсеньер.

– Но вы кого-то подозревали?

– Да, монсеньер. Но эти подозрения как будто вызвали неудовольствие господина комиссара, и я уже отказался от них.

– Ваша жена бежала. Вы знали об этом?

– Нет, монсеньер. Я узнал об этом только в тюрьме через посредство господина комиссара. Он очень любезный человек.

Кардинал второй раз подавил улыбку.

– Значит, вам не известно, куда девалась ваша жена после своего бегства?

– Совершенно ничего, монсеньер. Надо полагать, что она вернулась в Лувр.

– В час ночи ее еще там не было.

– Господи Боже мой! Что же с нею случилось?

– Это станет известно, не беспокойтесь. От кардинала ничто не остается сокрытым. Кардинал знает все.

– В таком случае, монсеньер, как вы думаете, не согласится ли кардинал сообщить, куда девалась моя жена?

– Возможно. Но вы должны предварительно рассказать все, что вам известно об отношениях вашей жены с госпожой де Шеврез.

- Но, монсеньер, я ровно ничего не знаю. Я никогда не видал этой дамы.
- Когда вы заходили за вашей женой в Лувр, она прямо возвращалась домой?
- Почти никогда. У нее были дела с какими-то торговцами полотном, куда я и провожал ее.
- А сколько было этих торговцев?
- Два, монсеньер.
- Где они жили?
- Один на улице Вожирар, другой на улице Лагарп.
- Входили вы к ним вместе с нею?
- Никогда. Я ждал ее у входа.
- А как она объясняла свое желание заходить одной?
- Никак не объясняла. Говорила, чтобы я подождал, – я и ждал.
- Вы очень покладистый муж, любезный мой господин Бонасье! – сказал кардинал.
- «Он называет меня „любезным господином Бонасье“, – подумал галантерейщик. – Дела, черт возьми, идут хорошо!»
- Могли б вы узнать двери, куда она входила?
- Да.
- Помните ли вы номера?
- Да.
- Назовите их.
- Номер двадцать пять по улице Вожирар и номер семьдесят пять по улице Лагарп.
- Хорошо, – сказал кардинал. И, взяв со стола серебряный колокольчик, он позвонил. Вошел тот же офицер.
- Сходите за Рошфором, – вполголоса приказал Ришелье, – пусть он тотчас придет, если только вернется.
- Граф здесь, – сказал офицер. – Он настоятельно просит ваше высокопреосвященство принять его.
- Пусть он зайдет! – воскликнул кардинал. – Пусть зайдет!
- Офицер выбежал из комнаты с той быстротой, с которой все слуги кардинала обычно старались исполнить его приказания.
- Ах, «ваше высокопреосвященство»! – прошептал Бонасье, в ужасе выпучив глаза.
- Не прошло и пяти секунд после ухода офицера, как дверь распахнулась и вошел новый посетитель.
- Это он! – вскричал Бонасье.
- Кто – он? – спросил кардинал.
- Он, похититель моей жены!
- Кардинал снова позвонил. Вошел офицер.
- Отведите этого человека и сдайте солдатам, который его привезли. Пусть он подождет, пока я снова вызову его.
- Нет, монсеньер, нет, это не он! – завопил Бонасье. – Я ошибся! Ее похитил другой, совсем не похожий на этого! Этот господин – честный человек!
- Уведите этого болвана! – сказал кардинал.
- Офицер взял Бонасье за локоть и вывел в переднюю, где его ожидали караульные.
- Человек, только что вошедший к кардиналу, проводил Бонасье нетерпеливым взглядом и, как только дверь затворилась за ним, быстро подошел к Ришелье.
- Они виделись, – произнес он.
- Кто? – спросил кардинал.
- Она и он.
- Королева и герцог? – воскликнул Ришелье.

- Да.
- Где же?
- В Лувре.
- Вы уверены?
- Совершенно уверен.
- Кто вам сказал?
- Госпожа де Ланнуа, которая, как вы знаете, всецело предана вашему высокопреосвященству.
- Почему она не сообщила об этом раньше?
- То ли случайно, то ли из недоверия, но королева приказала госпоже де Фаржи остаться ночевать у нее в спальне и затем не отпускала ее весь день.
- Так... Мы потерпели поражение. Постараемся отыгаться.
- Я все силы приложу для этого, монсеньер. Будьте в этом уверены.
- Как все это произошло?
- В половине первого ночи королева сидела со своими придворными дамами...
- Где именно?
- В своей спальне...
- Так...
- ...как вдруг ей передали платок, посланный кастеляншей...
- Дальше!
- Королева сразу обнаружила сильное волнение и, несмотря на то что была нарумянена, заметно побледнела...
- Дальше! Дальше!
- Поднявшись, она произнесла изменившимся голосом: «Подождите меня десять минут, я скоро вернусь», затем открыла дверь и вышла.
- Почему госпожа де Ланнуа не сообщила вам немедленно обо всем?
- У нее не было еще полной уверенности. К тому же королева ведь сказала: «Подождите меня». И она не решилась послушаться.
- Сколько времени королева отсутствовала?
- Три четверти часа.
- Никто из придворных дам не сопровождал ее?
- Одна только донья Эстефания.
- Затем королева вернулась?
- Да, но лишь для того, чтобы взять ларчик розового дерева, украшенный ее монограммой, с которым она и удалилась.
- А когда она вернулась, ларчик был при ней?
- Нет.
- Знает ли госпожа де Ланнуа, что находилось в ларце?
- Да. Алмазные подвески, подаренные королеве его величеством.
- И вернулась она без этого ларца?
- Да.
- Госпожа де Ланнуа полагает, следовательно, что королева отдала ларец герцогу Бекингэму?
- Она в этом убеждена.
- Почему?
- Днем госпожа де Ланнуа как камер-фрейлина королевы всюду искала ларец, сделала вид, что обеспокоена его исчезновением, и в конце концов спросила королеву, не знает ли она, куда он исчез.
- И тогда королева?..

– Королева, густо покраснев, сказала, что накануне сломала один из подвесков и отправила его в починку к ювелиру.

– Нужно зайти к королевскому ювелиру и узнать, правда это или нет.

– Я уже был там.

– Ну и что же? Что сказал ювелир?

– Ювелир ни о чем не слышал.

– Прекрасно, Рошфор! Не все еще потеряно, и кто знает, кто знает... все, может быть, к лучшему.

– Я ни на мгновение не сомневаюсь, что гений вашего высокопреосвященства...

– ...исправит ошибки своего шпиона, не так ли?

– Я как раз собирался это сказать, если бы ваше высокопреосвященство позволили мне договорить до конца.

– А теперь... известно ли вам, где скрывались герцогиня де Шеврез и герцог Бекингэм?

– Нет, монсеньер. Мои шпионы не могли сообщить ни каких точных сведений на этот счет.

– А я знаю.

– Вы, монсеньер?

– Да. Во всяком случае, догадываюсь.

– Желает ли ваше высокопреосвященство, чтобы я приказал арестовать обоих?

– Поздно. Они, должно быть, успели уехать.

– Можно, во всяком случае, удостовериться...

– Возьмите с собой десять моих гвардейцев и обыщите оба дома.

– Слушаюсь, монсеньер.

Рошфор поспешно вышел.

Оставшись один, кардинал после минутного раздумья позвонил в третий раз.

В дверях появился все тот же офицер.

– Введите арестованного! – сказал кардинал.

Г-на Бонасье снова ввели в кабинет. Офицер по знаку кардинала удалился.

– Вы обманули меня, – строго произнес кардинал.

– Я? – вскричал Бонасье. – Чтобы я обманул ваше высокопреосвященство!..

– Ваша жена, отправляясь на улицу Вожирар и на улицу Лагарп, заходила вовсе не к торговцам полотном.

– К кому же она ходила, Боже правый?

– Она ходила к герцогине де Шеврез и к герцогу Беккнгэму.

– Да... – произнес Бонасье, углубляясь в воспоминания, – да, верно, ваше высокопреосвященство правы. Я несколько раз говорил жене: странно, что торговцы полотном живут в таких домах – в домах без вывесок. И каждый раз жена моя принималась хохотать. Ах, монсеньер, – продолжал Бонасье, бросаясь к ногам его высокопреосвященства, – вы и в самом деле кардинал, великий кардинал, гений, перед которым преклоняются все!

Сколь ни ничтожно было торжество над таким жалким созданием, как Бонасье, кардинал все же один миг наслаждался им.

Затем, словно внезапно осененный какой-то мыслью, он с легкой улыбкой, скользнувшей по его губам, протянул руку галантерейщику.

– Встаньте, друг мой, – сказал он. – Вы порядочный человек.

– Кардинал коснулся моей руки, я коснулся руки великого человека! – вскричал Бонасье. – Великий человек назвал меня своим другом!..

– Да, друг мой, да! – произнес кардинал отеческим тоном, которым он умел иногда говорить, тоном, который мог обмануть только людей, плохо знавших Ришелье. – Вас напрасно

обвиняли, и поэтому вас следует вознаградить. Вот, возьмите этот кошель, в нем сто пистолей, и простите меня.

– Чтобы я простил вас, монсеньер! – сказал Бонасье, не решаясь дотронуться до мешка с деньгами – вероятно, из опасения, что все это только шутка. – Вы вольны были арестовать меня, вольны пытаться меня, повесить, вы наш властелин, и я не смел бы даже пикнуть! Простить вас, ваше высокопреосвященство! Подумать страшно!

– Ах, любезный господин Бонасье, вы удивительно великодушны! Вижу это и благодарю вас. Итак, вы возьмете этот кошель и уйдете отсюда не слишком недовольный.

– Я уйду в полном восхищении.

– Итак, прощайте. Или, лучше, до свиданья, ибо, я надеюсь, мы еще увидимся.

– Когда будет угодно вашему высокопреосвященству! Я весь к услугам вашего высокопреосвященства.

– Мы будем видеться часто, будьте спокойны. Беседа с вами доставила мне необычайное удовольствие.

– О, ваше высокопреосвященство!..

– До свиданья, господин Бонасье, до свиданья!

И кардинал сделал знак рукой, в ответ на который Бонасье поклонился до земли. Затем, пятясь задом, он вышел из комнаты, и кардинал услышал, как он в передней что-то мочи завопил: «Да здравствует монсеньер! Да здравствует его высокопреосвященство! Да здравствует великий кардинал!»

Кардинал с улыбкой прислушался к этому шумному проявлению восторженных чувств мэтра Бонасье.

– Вот человек, который отныне даст себя убить за меня, – проговорил он, когда крики Бонасье заглохли вдали.

И кардинал с величайшим вниманием склонился над картой Ла-Рошели, развернутой, как мы уже говорили, у него на столе, и принялся карандашом вычерчивать на ней линию знаменитой дамбы, которая полтора года спустя закрыла доступ в гавань осажденного города. Он был целиком поглощен своими стратегическими планами, как вдруг дверь снова раскрылась и вошел Рошфор.

– Ну, как же? – с живостью спросил кардинал, и быстрота, с которой он поднялся, указывала на то, какое значение он придавал поручению, данному им графу.

– Вот как обстоит дело, – ответил граф. – В домах, указанных вашим высокопреосвященством, действительно проживала молодая женщина лет двадцати шести – двадцати восьми и мужчина лет тридцати пяти – сорока. Мужчина прожил там четыре дня, женщина – пять. Женщина уехала сегодня ночью, а мужчина – утром.

– Это были они! – воскликнул кардинал и, взглянув на стенные часы, добавил: – Сейчас уже поздно посылать за ними погоню – герцогиня уже в Туре, а герцог Бекингем в Булони. Придется настигнуть его в Лондоне.

– Какие будут приказания вашего высокопреосвященства?

– Ни слова о случившемся. Пусть королева ничего не подозревает, пусть не знает, что мы проникли в ее тайну. Пусть предполагает, что мы занимаемся раскрытием какого-нибудь заговора... Вызовите ко мне канцлера Сегье⁴².

– А что ваше высокопреосвященство сделали с этим человеком?

– С каким человеком? – спросил кардинал.

– С этим Бонасье?

– Сделал с ним все, что можно было с ним сделать. Я сделал из него шпиона, и он будет следить за собственной женой.

⁴² Сегье, Пьер (1588–1672) – канцлер Франции при Короле Людовике XIII и Людовике XIV.

Граф Рошфор поклонился с видом человека, признающего недостижимое превосходство своего повелителя, и удалился.

Оставшись один, кардинал снова опустился в кресло, набросал письмо, которое запечатал своей личной печатью, и позвонил. В четвертый раз вошел все тот же дежурный офицер.

– Позовите ко мне Витре, – произнес кардинал, – и скажите ему, чтобы он был готов отправиться в дальнюю дорогу.

Через несколько минут перед ним уже стоял вызванный им человек в высоких ботфортах со шпорами, готовый отправиться в путь.

– Витре, – сказал Ришелье, – вы немедленно помчитесь в Лондон. Вы ни на одну секунду нигде не остановитесь в пути. Вы передадите это письмо в руки миледи. Вот приказ на выплату двухсот пистолей. Отправьтесь к моему казначею, он вам вручит наличными. Вы получите столько же, если вернетесь через шесть дней и хорошо выполните мое поручение.

Не отвечая ни слова, гонец поклонился, взял письмо и чек на двести пистолей и вышел.

Вот что было написано в письме:

«Миледи! Будьте на первом же балу, на котором появится герцог Бекингэм. На его камзоле вы увидите двенадцать алмазных подвесков; приблизьтесь к нему и отрежьте два из них.

Сообщите мне тотчас же, как только подвески будут в ваших руках».

XV. Военные и судейские

На следующий день после того, как разыгрались все эти события, д'Артаньян и Портос, видя, что Атос не появляется, сообщили г-ну де Тревилю о его исчезновении.

Что касается Арамиса, то, испросив отпуск на пять дней, он, как говорили, отбыл в Руан по семейным делам.

Г-н де Тревиль был отцом своих солдат. Едва успев надеть форму мушкетера, самый незаметный из них и никому не известный мог так же твердо надеяться на помощь капитана, как мог бы надеяться на помощь брата.

Поэтому де Тревиль немедленно отправился к главному уголовному судье. Вызвали офицера, командовавшего потом у Алого Креста, и, сверяя последовательно полученные сведения, удалось установить, что Атос помещен в Фор-Левек.

Атос прошел через все испытания, которым, как мы видели, подвергся Бонасье.

Мы присутствовали при очной ставке, устроенной обоим заключенным. Атос, до этой минуты умалчивавший обо всем из опасения, что станут беспокоить д'Артаньяна и лишат его необходимой свободы действий, теперь утверждал, что зовут его Атос, а не д'Артаньян.

Он объявил, кроме этого, что не знает ни господина, ни госпожи Бонасье, что никогда не разговаривал ни с одним из них. Около десяти часов вечера он зашел навестить своего друга г-на д'Артаньяна, но до этого часа находился у г-на де Тревиля, где он обедал. Не менее двадцати свидетелей могут подтвердить это обстоятельство. И он назвал несколько громких имен, среди прочих также и герцога де Ла Тремуля.

Второй комиссар был, так же как и первый, смущен простыми и твердыми показаниями этого мушкетера, над которым он между тем жаждал одержать верх, что всегда заманчиво для судейского чиновника в борьбе с человеком военным. Но имена г-на де Тревиля и герцога де Ла Тремуля смутили его.

Атоса также повезли к кардиналу, но кардинал, к сожалению, находился в Лувре, у короля.

Это было как раз в то время, когда г-н де Тревиль, выйдя от главного уголовного судьи и от коменданта Фор-Левека и не получив доступа к Атосу, прибыл к королю.

В качестве капитана мушкетеров г-н де Тревиль в любой час мог видеть короля.

Мы знаем, как сильно было недоверие короля к королеве, недоверие, умело разжигаемое кардиналом, который по части интриг значительно больше опасался женщин, чем мужчин. Одной из главных причин его предубеждения против Анны Австрийской была дружба королевы с г-жой де Шеврез. Обе эти женщины беспокоили его больше, чем войны с Испанией, недоразумения с Англией и запутанное состояние финансов. По его мнению и глубокому убеждению, г-жа де Шеврез помогала королеве не только в политических интригах, но – что еще гораздо больше тревожило его – в интригах любовных.

При первых же словах кардинала о том, что г-жа де Шеврез, сосланная в Тур и, как предполагалось, находившаяся в этом городе, тайно приезжала в Париж и, пробыв пять дней, сбила с толку полицию, король пришел в неистовый гнев. Капризный и вероломный, король желал, чтобы его называли Людовиком Справедливым и Людовиком Целомудренным. Потомки с трудом разберутся в этом характере, который история пытается объяснить, приводя многочисленные факты, но не прибегая к рассуждениям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.